

Международная защита прав человека

Выпуск 4

**Право на жизнь, запрет пыток
и бесчеловечного или унижающего
достоинство обращения или наказания:
европейские стандарты,
российское законодательство
и правоприменительная практика**

СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

ВЫПУСК 4

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

ББК Х911.3
П 685

Под редакцией *Л. М. Чуркиной*,
юриста Уральского центра конституционной и международной защиты
прав человека Общественного объединения «Сутяжник»

Под общей редакцией *С. И. Беляева*,
президента Общественного объединения «Сутяжник»

Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающе-
П 685 **го достоинство обращения или наказания: европейские стандарты,**
российское законодательство и правоприменительная практика / Под
общ. ред. С. И. Беляева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. —
244 с. (Международ. защита прав человека; Вып. 4).

ISBN 5-7525-1361-8

Данное издание является четвертой книгой серии «Международная защита прав человека». В ней рассматриваются стандарты защиты права на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, гарантированные статьями 2 и 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и получившие свое развитие в практике Европейского суда по правам человека; проводится анализ соответствия российского законодательства и правоприменительной практики указанным стандартам; дается обзор дел, рассмотренных Европейским судом в отношении Российской Федерации и других государств, ратифицировавших Европейскую конвенцию, о нарушении статей 2 и 3 Конвенции.

Адресовано юристам неправительственных организаций, адвокатам, судьям, преподавателям и студентам юридических вузов и факультетов, а также всем тем, кто интересуется вопросами применения международных норм по защите прав человека в российских судах и Европейском суде по правам человека.

ББК Х911.3

Издание книги стало возможным благодаря поддержке
Института «Открытое общество» (Будапешт)

© Коллектив авторов, 2005
© ОО «Сутяжник», составление, перевод, 2005
© А. Л. Бурков, фото на обложке, 2005
© Издательство Уральского университета, 2005

ISBN 5-7525-1361-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
РАЗДЕЛ I	
<i>Глава 1. Право на жизнь. Кевин Бойл</i>	7
1.1. Введение	7
1.2. Рамки права на жизнь	9
1.3. Законные исключения права на жизнь	12
1.4. Обязательства государства по статье 2 Конвенции: негативные, позитивные и процедурные	16
1.4.1. Негативные обязательства: правовое принуждение и применение смертоносной силы	17
1.4.2. Позитивные обязательства защищать право на жизнь	24
1.4.3. Процедурные обязательства и право на жизнь	31
<i>Глава 2. Право на жизнь в российском законодательстве и правоприменительной практике. Анна Деменева</i>	38
2.1. Исключения из обязательства по защите права на жизнь	39
2.2. Процедурное (процедурное) обязательство государства по проведению эффективного расследования	45
<i>Глава 3. Европейские стандарты обеспечения права на жизнь в условиях чрезвычайного положения. Борис Лабунец</i>	49
РАЗДЕЛ II.	
<i>Глава 4. Пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Кевин Бойл</i>	58
4.1. Введение	58
4.2. Пытки	62
4.3. Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение	64
4.4. Позитивные обязательства	72
4.5. Процедурные обязательства проводить расследование	77
<i>Глава 5. Запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения или наказания в российском законодательстве и правоприменительной практике. Людмила Чуркина</i>	81
<i>Приложение 1. Обзор прецедентов Европейского суда по правам человека по статьям 2, 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод</i>	92
<i>Приложение 2. Постановления Европейского суда по правам человека (дела «Хашиев и Акаева против России», «Лабзов против России», «Трубников против России»)</i>	155

Предисловие

Любая разумная деятельность человека имеет определенную точку отсчета, фундамент, начало, источник. Каждое движение, каждое действие, каждое решение человека здесь и сейчас основывается на этом фундаменте, гармонично с ним соотносится. Разумный человек в своей деятельности стремится не принимать решения, диссонирующие со своим внутренним убеждением.

Эти убеждения можно назвать принципами, идеологией, этическими нормами, совестью, представлениями о справедливости, добре и зле.

Правоприменительная деятельность государства — это, безусловно, разумная и чрезвычайно сложная и многообразная деятельность целого сообщества людей. Миллионы решений в год принимаются правоприменителями, превращая хаос социальных взаимоотношений в некую рациональную и объяснимую конструкцию.

И в каждом из этих миллионов решений правоприменителя связывает некая ниточка с определенным фундаментом, той самой точкой отсчета, абсолютной ценностью, на которой базируется вся эта огромная конструкция.

Такой абсолютной ценностью может быть вера в Бога, в Аллаха, в коммунизм, ею могут быть интересы государства и права человека. Такой ценностью может быть и смерть, как Путь Самурая. Важно, что эта ценность в каждом обществе может быть только одна, именно она его объединяет, она вызывает необходимость формировать из хаоса порядок вещей. Этот порядок с ней гармонирует и ей подчинен.

Современная постсоветская Россия уникальна тем, что в ее правовой системе заложены два взаимоисключающих начала: интересы государства и права человека.

Первая ценность пришла из прошлой эпохи, когда все в имперской России, а затем в советском обществе было подчинено интересам государства, когда под «общественным» понималось «государственное», а «личное» обязано было ему подчиняться. Именно поэтому преступления против государства и преступления представителей государства в российской правоприменительной практике, начиная с дела Веры Засулич, традиционно расцениваются по-разному, мера ответственности за первые существенно выше, чем за вторые.

В уголовном законодательстве советского периода преступления против государства выделялись в отдельные составы по объекту, мера наказания по ним значительно превышала меру наказания за аналогичные деяния в отношении частных интересов. Государевы люди пользовались всеми возможными привилегиями, поскольку считалось, что выполняют они особо трудные задачи. Основываясь на подобной позиции, например, факт применения насилия милиционером в отношении задержанного преступника в ходе чрезвычайных государственных мер по борьбе с преступностью воспринимается как вынужденная допустимая мера, как издержки на верном пути («лес рубят — щепки летят»), «чрезвычайная комиссия по борьбе...», «головокружение от успехов», «временные меры», «чрезвычайная ситуация», «контртеррористическая операция», «режим усиления», «чрезвычайные меры по борьбе...» и пр.).

В конце 80-х годов прошлого века в страну ворвалась демократия со своими ценностями. В начале 90-х годов прошлого века Россия провозгласила себя демократическим государством. Вслед за этим в правовую систему были занесены ранее чуждые ей принципы демократии и ценности прав человека. Концепция судебной реформы 1991 г., Конституция 1993 г., решения Конституционного суда, значительная либерализация в первой половине 90-х годов уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства ввели новые ценности в правоприменительную и судебную практику.

Тем не менее после сворачивания либеральных реформ в середине 90-х годов российская правовая система оказалась в странной ситуации. Старые, инквизиционные, государственнические традиции не уничтожены, а новые, демократические, до конца не прижились. Установились две взаимоисключающие позиции. Внешний облик сохраняется демократическим, а внутреннее содержание ему не соответствует.

В этой связи в весьма хаотичном и противоречивом российском законодательстве чрезвычайно трудно найти адекватное отражение (имплементацию) логики Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Эта же логика состоит из нескольких уровней:

1-й уровень — государство должно встать на позицию высшей ценности неотъемлемых прав и свобод человека;

2-й уровень — государство должно предпринимать активные действия, двигаясь в направлении обеспечения гарантий прав человека;

3-й уровень — представители государства ни при каких обстоятельствах не должны нарушать права человека в своей деятельности (за исключением прямо указанных в Конвенции условий);

4-й уровень — в случае нарушения прав человека органы государства должны провести эффективное расследование этого факта, включая выявление причин и условий нарушения, установления виновных должностных лиц, привлечения их к ответственности;

5-й уровень — пострадавший от нарушения прав человека должен получить от государства денежную компенсацию, адекватную причиненному вреду.

В современном демократическом мире, мире высоких технологий, быстрых коммуникаций и огромного потока информации, инквизиционный атавизм российской правовой системы и правоприменительной практики выглядит как дурной запах от человека в приличном обществе.

Европейский суд по правам человека на этом фоне де-факто становится некоей высшей судебной инстанцией для россиян, его решения существенным образом влияют на российскую правоприменительную практику, у юристов возникает вполне осознанное желание понять и принять принципы деятельности Европейского суда и Конвенции. Здесь возникает масса нестыковок и коллизий, обнажающих порой явное несоответствие российского законодательства, а главное, правоприменительной практики этим принципам.

В таких условиях изложенный в книге глубокий анализ истоков и смысла позиции, логики Европейского суда по правам человека, по кирпичику разбирающего каждое дело, чрезвычайно важны. Особенно важно привязывать эту логику к российской действительности и прививать ее местным правоприменителям. Как только критическая масса представителей государства, воспринимающих права человека фундаментом и основой основ, будет преодолена, в России пойдут необратимые позитивные процессы, превращающие ее в полноправную европейскую демократическую державу.

Павел Чиков,

кандидат юридических наук,
магистр государственного администрирования,
председатель Ассоциации групп общественных расследований,
руководитель правового отдела фонда «Общественный вердикт»,
директор проектов Правозащитного центра г. Казани

Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека

РАЗДЕЛ I

Глава 1. Право на жизнь¹

*Кевин Бойл**

Статья 2 гласит:

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a) для защиты любого лица от противоправного насилия;*
- b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;*
- c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.*

1.1. Введение

Право на жизнь в Конвенции

Статья 2 закрепляет право на жизнь и налагает на государство обязанность защищать это право. Статья 2 в Конвенции занимает

* Кевин Бойл — профессор права, Центр по правам человека Эссекского университета, Великобритания. Автор хотел бы выразить признательность и поблагодарить Адила Абилова, LL.M., Эссекский университет, за помощь в подготовке материала.

¹ Перевод с английского Людмилы Чуркиной, юриста Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник».

особое положение. Это положение было отмечено Европейским судом по правам человека (далее — Суд) в деле *McCann v. the United Kingdom*²:

Статья 2 относится к одной из основополагающих статей Конвенции — действительно одной, от соблюдения обязательств по которой не допускается отступление в соответствии со статьей 15. Вместе со статьей 3 Конвенции она защищает одну из основополагающих ценностей демократических государств, входящих в Совет Европы. Поэтому толкование ее положений должно быть четким.

Суд в эту цитату включает статью 2 вместе со статьей 3, предусматривающей свободу от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, как права, защищающего основные демократические ценности. Но статья 2 более сложная, чем статья 3, и существуют определенные конвенционные различия по защите в отношении этих прав³.

В феврале 2005 г. Европейский суд вынес первые постановления по шести делам против России, которые затрагивали аспекты статьи 2 и статьи 3 в отношении Чечни⁴. Первые заявители жаловались на казнь их родственников без суда военными Российской армии в Грозном в конце января 2000 г. Тела погибших — брата и сестры господина Хашиева и двух сыновей сестры господина Хашиева и брата господина Акаева — были найдены со следами многочисленных огнестрельных ранений. Второй и третий заявители жаловались на неизбежную бомбардировку мирного населения российскими военными самолетами. Во всех делах следствие по уголовному делу по фактам бомбардировок несколько раз приостанавливалось и возобновлялось. Виновные не были установлены. Заявители во всех трех делах жаловались на нарушение права на жизнь со стороны государства. Они также жаловались, что проведенное расследование не было эффективным и объективным. (Эти дела обсуждаются далее по тексту.)

² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McCann v. the United Kingdom* от 27 сентября 1995 г., абзац 147, Series A no. 324.

³ См. ниже и главу 4 для дальнейшего обсуждения.

⁴ См. постановление Европейского суда по правам человека по делам: *Khashiyev and Akayeva v. Russia; Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia; Isayeva v. Russia* от 24 февраля 2005 г. На русском языке: <http://www.coe.ru/2005chechnia.htm>

Национальное право

Статья 2 Конвенции предусматривает обязанность государства не только воздерживаться от незаконного лишения жизни, но и обеспечивать, чтобы национальная правовая система гарантировала право на жизнь. Это требует существования закона, предусматривающего запрет на лишение жизни — закона об уголовной ответственности за убийство. Но, кроме того, требует эффективной системы законов и правопорядка, действий представителей полиции, прокуроров, судов и наказания. Требуется, чтобы закон о случаях возможного применения смертоносной силы регулировался в соответствии с положениями статьи 2. В принципе, это означает, что сила может быть признана соразмерной, когда ее применение обосновано в соответствии с обстоятельствами, установленными частью 2 статьи 2. Обязанности государства также включают проведение обучения полиции и других сил безопасности правомерному применению силы в соответствии с национальным законодательством и конвенционным правом и юриспруденцией Суда⁵.

1.2. Рамки права на жизнь

Парадоксальная особенность статьи 2 заключается в том, что хотя это может быть основное право, его рамки не определены. Так, в Конвенции ничего не сказано о моменте начала и окончания жизни.

Защита неродившегося ребенка

Конвенция явно не защищает неродившегося ребенка. В отличие от статьи 4 Американской конвенции о правах человека, которая предусматривает, что защита права на жизнь начинается «с момента зачатия», в статье 2 Конвенции ничего не сказано о временных ограничениях права на жизнь и, в частности, не сформулировано понятие «каждого», чья жизнь находится под защитой Конвенции. В проекте Конвенции также не было определено, что подпадает под понятия «каждый» и «жизнь» и применяется ли статья 2 к защите нерожденного ребенка. Таким образом, вопрос о том, распространяется ли понятие «каждый» на нерожденного ребенка, должен быть полнос-

⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Makaratzis v. Greece* от 20 декабря 2004 г.

тью разрешен. До настоящего времени вопрос поднимался только в отношении законов об аборте. В деле *Paton v. the United Kingdom* Европейская комиссия по правам человека (далее — Комиссия) постановила, что аборт на 10-недельном сроке в интересах защиты физического и психического здоровья беременной женщины в соответствии с британским законодательством не противоречит статье 2. Установлено, что статья 2 не признает абсолютное право нерожденного ребенка на жизнь. Иначе «жизнь плода рассматривалась бы как более высокая ценность, чем жизнь беременной матери». Потребности же матери имеют приоритет над нерожденным ребенком.

Однако Комиссия не сформулировала определенный ответ на вопрос, охраняет ли статья 2 нерожденного ребенка или имеет ли плод право на жизнь в соответствии с этой статьей со всеми вытекающими ограничениями.

Этот вопрос вновь разрешался в деле *Vo v. France*⁶. В 1991 г. госпожа Во, гражданка Франции вьетнамского происхождения, поехала в госпиталь Отель-Дью в Лион на обследование, когда была на шестом месяце беременности. В тот же день другой женщине, Тан Ван Во, было назначено удаление спирали в том же госпитале. Беременная госпожа Во, из Бург-ен-Бресс, не говорила по-французски и не смогла пообщаться с гинекологом Гольфьером. Он перепутал ее с другой госпожой Во и попытался удалить спираль, что привело к необходимости сделать аборт. Доктор Гольфьер был обвинен в неумышленном убийстве. Он был оправдан, но в апелляционной инстанции был признан виновным, приговорен к шестимесячному заключению в тюрьме и оштрафован на 10 000 франков. Но доктор Гольфьер затем обжаловал приговор в кассационной инстанции, которая отменила судебное решение на основании, что утробный плод, не являющийся человеческим существом, не подпадает под защиту уголовного права.

Европейский суд заявил, что он не может ответить на вопрос, когда начинается право на жизнь, и ему придется оставить разрешение вопроса национальным судам. Суд заявил:

При обстоятельствах, изученных к настоящему времени конвенционными институтами, то есть в различных законах об аборте, нерожденный ребенок не считается «лицом», прямо подпадающим под защиту статьи 2 Конвенции, и что если у нерожденного все-таки

⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Vo v. France* от 8 июля 2004 г.

есть «право на жизнь», оно явно ограничено правами и интересами матери.

Вопрос относительно того, когда право на жизнь начинается, находится в компетенции каждого отдельного государства. Это связано с тем, что, во-первых, вопрос о такой защите не разрешен в большинстве самих государств и, во-вторых, нет европейского соглашения по научному и юридическому определению момента начала жизни.

Эвтаназия

Вопрос «права на смерть» получил разрешение в деле *Pretty v. the United Kingdom*⁷. Заявитель Диана Претти, страдала прогрессирующим нейрогенеративным поражением двигательных отделов центральной нервной системы. Данная болезнь неизлечима.

На момент обращения в Европейский суд у заявителя было парализовано тело ниже шеи, она фактически не могла говорить членораздельно и получала пищу через трубку. Однако ее интеллект и способность принимать решения не пострадали. Последняя стадия болезни госпожи Претти сопряжена с чрезвычайными страданиями и пребыванием в состоянии, не соответствующем представлениям о человеческом достоинстве. Госпожа Претти намеревалась совершить самоубийство при помощи ее мужа⁸.

Ее адвокат обратился от ее имени к прокурору с просьбой дать обязательство не возбуждать уголовное преследование мужа госпожи Претти, если по ее просьбе он окажет ей помощь в самоубийстве. Прокурор сообщил заявителю, что он не вправе предоставить иммунитет от уголовного преследования в отношении преступления, которое может быть совершено в будущем, несмотря ни на какие исключительные обстоятельства. Заявитель утверждала, что, по ее мнению, статья 2 Европейской конвенции защищает не только право на

⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Pretty v. the United Kingdom* от 29 апреля 2002 г.

⁸ Хотя по английскому закону самоубийство не является преступлением, заявитель не может предпринять такой шаг без помощи в связи с ее болезнью. Однако в соответствии с разделом 2, параграф 1 Закона о самоубийствах от 1961 г. оказание помощи другому в совершении самоубийства является преступлением. В России самоубийство не является уголовным правонарушением. Тем не менее в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации от 1996 г. помощь в совершении самоубийства запрещена, иначе это может быть определено как «Убийство» (умышленное) (статья 105) или «Доведение до самоубийства» (статья 110). В Кодексе нет статьи, запрещающей эвтаназию.

жизнь, но также и право выбирать, продолжать жить или нет. Она защищает право на жизнь, а не жизнь как таковую; предложения, касающиеся лишения жизни, направлены на защиту людей от третьих лиц, а именно от государства и публичных властей, а не от них самих. Статья 2, следовательно, по мнению заявителя, признает за индивидом право выбирать, продолжать жить или нет, и защищает ее право на смерть, чтобы избежать неминуемых страданий и состояния, не совместимого с представлениями о человеческом достоинстве, как естественное следствие права на жизнь.

Суд отметил, что *во всех делах, рассмотренных им ранее, он последовательно делал акцент на обязанности государства защищать жизнь. При таких обстоятельствах Суд убежден, что «право на жизнь», гарантированное статьей 2, без искажения текста не может быть истолковано ни как предоставление диаметрально противоположного права, а именно права на смерть, ни как создание права на самоопределение в смысле признания за человеком права избрать смерть вместо жизни.*

1.3. Законные исключения права на жизнь

Хотя право на жизнь занимает особое положение в Конвенции, это не абсолютное право. По сравнению с ним право на свободу от пыток, предусмотренное статьей 3 Конвенции, не допускает исключений. Статья 2 допускает исключения. Первое исключение — смертная казнь.

Смертная казнь (часть 1 статьи 2, Протокол № 6 и Протокол № 13)

Часть 1 статьи 2 устанавливает, что *никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.* Нужно отметить, что нет условия, что национальный закон, предусматривающий смертную казнь, должен применяться к наиболее серьезным преступлениям, таким как убийство⁹.

⁹ См. эквивалентное положение Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 6, которая требует, чтобы государства оставили смертную казнь для «более серьезных преступлений». Новый российский Уголовный кодекс, который вступил в силу с 1 января 1997 г., предусматривает смертную казнь за пять преступлений. Несовершеннолетние подростки, женщины и лица старше 60 лет не могут быть приговорены к смертной казни.

Однако в настоящее время статью 2 следует читать вместе с Протоколом № 6 к Конвенции, отменяющим смертный приговор в мирное время¹⁰. В соответствии с Протоколом № 6 государства договорились, что смертный приговор более не является допустимым исключением относительно права на жизнь в мирное время; хотя государства могут применять смертную казнь в отношении действий, совершенных во время войны или надвигающейся угрозы войны.

По Протоколу № 13 к Конвенции смертная казнь отменена полностью¹¹. Европа стала «свободной от смертной казни зоной».

Когда Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в мае 1998 г., она не ратифицировала Протокол № 6. Однако при переговорах о вступлении в Совет Европы она взяла на себя обязательство подписать его в течение одного года и ратифицировать не позднее чем через три года с момента вступления¹². Протокол был подписан в 1997 г., но Дума дважды отказалась принимать законопроект о ратификации. 14 марта 1997 г. Дума также отказалась принимать федеральный законопроект по обеспечению моратория на смертную казнь. 2 августа 1996 г. действующий на тот момент Президент Б. Ельцин инициировал неофициальный мораторий на смертную казнь. Все приговоры о смертной казни, вынесенные судами, были переданы Президентской Комиссии по помилованию, которую возглавлял Анатолий Игнатьевич Приставкин. Это привело к тому, что с 1997 г. не было вынесено ни одного приговора о смертной казни.

Кроме того, в соответствии с Постановлением Конституционного суда РФ от 2 февраля 1999 г., с момента вступления в силу настоящего Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной

¹⁰ Протокол № 6 был открыт для подписания 28 апреля 1983 г. и вступил в силу 1 ноября 1998 г. Россия подписала его 16 апреля 1997 г. Россия и Монако — единственные государства, которые не ратифицировали этот Протокол. В Турции до сих пор действует смертная казнь.

¹¹ Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни при всех обстоятельствах вступил в силу 1 июля 2003 г. Россия его не подписала и не ратифицировала. См. <http://conventions.coe.int>

¹² См. Парламентская ассамблея Совета Европы, Мнение 193 (1996), часть 10.

казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, комиссией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей¹³. Суд присяжных заседателей доступен только в некоторых регионах и вряд ли появится во всех 89 регионах на протяжении последующих нескольких лет. Следовательно, смертная казнь больше не применяется в России, хотя Россия еще и не ратифицировала ни Протокол № 6, ни Протокол №13.

Экстрадиция и смертная казнь

В соответствии с Конвенцией высылка иностранцев в государство, где к ним может быть применена смертная казнь, считается нарушением статьи 2.

В деле *Soering v. the United Kingdom*¹⁴ Суд постановил, что «синдром камеры смертников» в Вирджинии (США) представляет собой бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3, поскольку в Вирджинии при вынесении приговора о смертной казни за убийство было обычной практикой, когда заключенные ожидали исполнения приговора по 6–8 лет в камере смертников. Суд установил, что *учитывая длительность ожидания в камере смертников в таких экстремальных условиях, когда заявитель испытывает чувство подавленности и всевозрастающего напряжения, личные качества заявителя, в частности, возраст и его психическое состояние в момент совершения преступления, выдача заявителя Соединенным Штатам представляет для него реальный риск, что его подвергнут бесчеловечному обращению.*

¹³ Постановление Конституционного суда от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части 3 статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие закона Российской Федерации о внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом московского городского суда и жалобами ряда граждан // Российская газета. 1999. 10 февр.

¹⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Soering v. the United Kingdom* от 7 июля 1989 г., Series A no. 161; 11 EHRR 101. В этом деле Йенсу Серингу, немцу по национальности, было 18 лет, когда он и его американская подружка были признаны виновными в убийстве ее родителей в Вирджинии в Соединенных Штатах. Он бежал в Англию, и США разыскивали его с целью экстрадиции, чтобы он предстал перед судом за убийство. После вынесения решения Европейским судом власти США согласились, что он не будет приговорен к смертной казни, и Серинг был экстрадирован в США.

Таким образом, ни одно государство, ратифицировавшее Конвенцию или Протокол № 6, к которому обратились с запросом о выдаче преступника, не имеет права высылать его или ее в это государство, если он или она могут быть подвергнуты смертной казни. В любом случае вышлагающее государство должно получить от запрашивающего государства подтверждение, что смертная казнь не будет использована в качестве наказания, прежде чем выслать лицо. Так, в деле *Aylor-Davis v. France*¹⁵ высылка заявителя в Техас не нарушает статью 2, так как власти США и Техаса заверили, что смертная казнь не будет применена.

Отступление от обязательств по Конвенции

Статья 15 Конвенции устанавливает, что государство может отказать от своих обязательств в отношении гарантий определенных прав «в период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации».

Статья 2 включена в список статей, по которым государство не может отказаться от исполнения обязательств в мирное время. Однако есть исключение. Отступление может быть «в отношении случаев гибели людей в результате правомерных военных действий».

Во-первых, нужно отметить, что отступление может быть только в отношении статьи 2 во время войны. Не допускается отступление в отношении «иного чрезвычайного положения». Суд до сих пор прямо не определил значение войны или «правомерных военных действий» в своей юриспруденции. Но он постановил, что чрезвычайное положение, «угрожающее существованию нации», относится к

*...исключительной ситуации кризиса или чрезвычайного положения, которая оказывает влияние на все население и представляет угрозу упорядоченной жизни сообщества, которое составляет государство*¹⁶.

Следовательно, защита права на жизнь, предусмотренная статьей 2, распространяется на обстоятельства при любом чрезвычайном положении в государстве.

¹⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Aylor-Davis v. France* от 20 января 1994 г., App. no. 22742/93. См. также решение Суда о приемлемости от 3 июля 2001 г., App. no. 44190/98.

¹⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Lawless v. Ireland* от 1 июля 1961 г., para. 28.

Статья 15 также ограничивает отступление от обязательств во время войны через требование, чтобы любая предпринятая мера имела место только

...в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам в соответствии с международным правом.

Другие обязательства, применимые в период войны, включают четыре Женевские конвенции 1949 г. и Протокол к ним, нормы обычного права, касающиеся права вооруженных конфликтов и других применимых договорных обязательств¹⁷.

Таким образом, в соответствии со статьей 15 возможно изменить, но не исключить обязательства государств, предусмотренные статьей 2, в период войны. Следовательно, статья 2 применяется в отношении гражданских лиц в такие периоды времени. Она применима, например, в ситуации с Чечней, хотя Российская Федерация не ссылалась на статью 15 в отношении того конфликта. В результате в «чеченских» делах Суд отметил, что военные операции должны быть оценены в рамках обычных правовых условий¹⁸.

Все вопросы по существу и вопросы права, которые могут появиться в связи с применением статьи 15, включая применение силы, в конце концов подлежат рассмотрению Судом¹⁹.

1.4. Обязательства государства по статье 2 Конвенции: негативные, позитивные и процедурные

На протяжении многих лет статья 2 рассматривалась как статья, касающаяся обстоятельств, при которых причинение смерти представителями государственных органов могло быть признано правомерным или неправомерным (за исключением случаев допущения применения смертной казни). Другими словами, в этом заключается ответ на вопрос, когда представители государственных органов, например, полиция, применяют смертоносную силу для правовых целей. На самом деле статья 2 отвечает на этот вопрос и ответ содержит негативное обязательство государства не лишать жизни произволь-

¹⁷ См. *Cyprus v. Turkey*, отчет от 10 июля 1996 г., части 509–510.

¹⁸ См. «Чеченские» дела, с. 22, 33.

¹⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ireland v. the United Kingdom* от 18 января 1978 г., Series A no. 25. P. 78–79, para. 207.

но. Но в последнее десятилетие развитие норм по новым значимым делам привело к идее позитивного обязательства государства по защите права на жизнь индивида. Более того, в связи с вопросом специального положения статьи 2 Суд разработал так называемые процедурные обязательства, которые предполагают проведение эффективного официального расследования вне зависимости от того, умер человек в результате применения силы государственным органом или частным лицом.

1.4.1. Негативные обязательства: правовое принуждение и применение смертоносной силы

На государстве в лице его органов и чиновников лежит обязанность не лишать жизни, пока не возникнет ситуация, когда применение силы является «абсолютно необходимым». Это обязанность не лишать жизни произвольно, как указано в статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах. Но поскольку статья 6 Международного пакта устанавливает общее ограничение на произвольное лишение жизни, пункт 2 статьи 2 уточняет понятие «абсолютной необходимости» для понимания ситуаций, обосновано ли по Конвенции применение силы. Основной аспект, в связи с которым вопрос применения силы возникает, касается правового принуждения. Использование чрезмерной силы, включая необоснованное использование смертоносной силы с помощью оружия полицией и другими силами безопасности, является причиной серьезного нарушения права на жизнь во многих частях мира. Стандарты, установленные Конвенцией, четкие и включают основные принципы для обучения и осуществления контроля за представителями служб безопасности.

Часть 2 статьи 2 перечисляет исключения, которые касаются ситуаций, в которых допустимо «применение силы», при условии, что применяемая сила должна быть «абсолютно необходимой». Исключения включают и самооборону, и защиту других лиц от незаконного насилия; законный арест или предотвращение побега лица, задержанного на законных основаниях; подавление бунта или мятежа.

Предполагается, что этот перечень исключений является исчерпывающим. Если сила применяется в ситуации, которая не подпадает под вышеуказанные исключения, и приводит к смерти, это противоречит Конвенции. Конвенция устанавливает три ситуации, в которых сила может быть применена, но что касается использования смер-

тоносной силы, ее «абсолютная необходимость» рассматривается отдельно в каждой ситуации.

Утверждается, что намеренное использование смертоносной силы может в принципе быть обоснованным, только когда существует риск для жизни другого лица или его/ее жизнь находится в опасности в связи с угрозой причинения вреда. Таким образом, применение смертоносной силы для предотвращения неопределенных преступных действий в будущем не будет признано «абсолютно необходимым»²⁰. Лишение жизни при защите собственности не может быть обосновано Конвенцией. Неясно, будет ли считаться обоснованным ненамеренное лишение жизни лица, имеющего намерение изнасиловать или совершить сексуальное насилие в отношении другого лица. Вероятно, это зависит от определенного случая.

Умышленное и неумышленное убийство

Статья 2 распространяет действие на случаи намеренного и непреднамеренного лишения жизни.

По мнению Комиссии, в деле Стюарта *текст статьи 2 свидетельствует, что часть 2 главным образом определяет не те случаи, когда допускается умышленное лишение жизни, а ситуации, в которых допустимо «применение силы», что может повлечь непреднамеренный результат — лишение жизни*²¹. Данная позиция была подтверждена Судом в деле Стюарта.

*Дело Stewart v. the United Kingdom*²²

В деле Стюарта, когда службы безопасности, патрулирующие в Белфасте, столкнулись с группой мятежников, в результате обстрела был случайно убит мальчик среди толпы. Однако военные не намеревались убить его. Встал вопрос о том, является ли использование такой силы, приведшей к лишению жизни, обоснованным, учитывая их обязанность подавить мятеж и риск, которому они подвергались при подавлении мятежа. Комиссия заявила, что обстрел был обоснован. В деле *X v. Belgium*, наоборот, пытаясь проконтролировать мятеж, полицейский неумышленно застрелил не участвующего в мятеже.

²⁰ См. критику решения о приемлемости бывшей Комиссии по делу *Kelly v. the United Kingdom*, № 17579/90, в книге Харриса Уорбрика и О'Бойла «Право Европейской конвенции по правам человека». 1-е изд. Butterworth, 1995. С. 50–52.

²¹ См. *Stewart v. the United Kingdom*, № 10044/8239, DR 162 at 170 (1984).

²² Жалоба № 2758/66, Yearbook (1969).

Судом действия полицейского были признаны неоправданными, так как по бельгийскому законодательству для применения оружия требуется санкция. Такая санкция не была дана²³.

Часть 2 статьи 2 также определяет ситуации, при которых допускается применение силы, что может привести к преднамеренному лишению жизни, что признается оправданным.

В последние годы Европейский суд рассмотрел много таких дел. Некоторые из них проанализированы ниже по тексту для иллюстрации подхода Суда к применению смертоносной силы государственными службами безопасности²⁴.

*Дело McCann and others v. the United Kingdom*²⁵

Первое и самое важное дело, в котором Суд рассматривал преднамеренное использование смертельной силы, касающееся действий Ирландской республиканской армии (далее — ИРА) в Гибралтаре, — дело *McCann*.

В этом деле военнослужащие специальной военно-десантной службы (далее — ВДС), которая входит в состав Британской армии, застрелили трех членов ИРА в Гибралтаре. Они должны были провести террористический акт, используя бомбу, заложенную в автомобиль. Британские службы безопасности узнали об акте заранее, и трое подозреваемых находились под пристальным наблюдением британских и местных властей по пути от Ирландии до Гибралтара. Суд признал, что им позволили войти в Гибралтар с целью, что они будут там арестованы. Сотрудники сил безопасности на следствии заявили, что, по их предположению, террористический акт будет осуществлен посредством взрыва бомбы, которая заложена в автомобиль. После того, как трое подозреваемых припарковали автомобиль и удалились от машины, по утверждению военнослужащих ВДС, один из них сделал движение рукой к внутреннему карману. Думая, что он потянулся за механизмом дистанционного управления, чтобы взорвать бомбу, заложенную в автомобиле, сотрудники ВДС застрелили троих. В автомобиле не было бомбы. Суд заявил, что военнослужащие искренне, но ошибочно полагали, что бомба будет взорвана с

²³ См. *X v. Belgium*, жалоба № 2758/66, Yearbook (1969).

²⁴ См. также решение Европейского суда по правам человека по делу *Bubbins v. the United Kingdom* от 17 марта 2005 г.

²⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McCann and Others v. the United Kingdom* от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324.

помощью дистанционного управления. Действия, предпринятые военнослужащими, согласно полученным инструкциям и приказу, сами по себе не вступают в противоречие с положениями Конвенции (статья 2). Однако Судом было постановлено (большинством), что планирование и проведение операции противоречило части 2 статьи 2. При более основательном планировании операции можно было троих подозреваемых арестовать до того, как они доберутся до места, тем самым предотвратить риск гибели многих людей и избежать лишения жизни троих подозреваемых. Суд принял во внимание инструкции, полученные военнослужащими о применении огнестрельного оружия. Их рефлексивные действия в этом жизненно важном вопросе лишены той степени осторожности в использовании огнестрельного оружия, которую следует ожидать от сотрудников правоохранительных органов в демократическом обществе, и явно не отвечают требованиям проявлять осторожность, предусматриваемую инструкциями по использованию полицией огнестрельного оружия, в которых подчеркивается ответственность перед законом каждого офицера в зависимости от ситуации, в которой применено оружие.

В решении Суд изложил ряд важных принципов.

а) Толкование части 2 статьи 2 должно быть ограничительным, так как это одна из основополагающих статей Конвенции.

б) Применение силы должно быть «абсолютно необходимым», как указано в части 2 статьи 2, поэтому следует проводить более строгую и тщательную, чем обычно, проверку того, является ли действие государства «необходимым в демократическом обществе» в соответствии с частью 2 в статьях 8–11 Конвенции. В частности, применение силы должно быть строго соразмерно достижению целей, изложенных в пунктах «а», «b» и «с» части 2 статьи 2.

с) В соответствии с важностью этой нормы Суд должен при рассмотрении дела подвергнуть случаи лишения жизни самому тщательному изучению, особенно когда преднамеренно применяется сила, влекущая за собой лишение жизни.

д) При этом необходимо учитывать не только действия представителей государства, которые реально применяют эту силу, но также и все сопутствующие обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование возможных действий и контроль за ними.

е) Обязанность защиты права на жизнь включает также надлежащий баланс между необходимостью противодействия возникшей угрозе и правом подозреваемых на жизнь.

ф) Суд считает, что применение силы лицами, находящимися на службе государства, для достижения одной из целей, указанных в части 2 статьи 2 Конвенции, может быть оправдано в соответствии с этой статьей в тех случаях, когда оно основывается на искреннем убеждении, которое может считаться верным в момент совершения действия, но впоследствии оказывается ошибочным. Выносить иное решение означало бы возложить нереальный груз ответственности на плечи государства и сотрудников правоохранительных органов при выполнении долга и даже подвергать опасности их жизни и жизни других людей.

*Дело Andronicou and Constantinou v. Cyprus*²⁶

В 1997 г. Суд применил решение по делу *McCann* в деле из Кипра, где речь шла о специальном отряде вооруженных офицеров, специально обученных стрелять на поражение. В конце декабря 1993 г. спецслужбы пытались освободить Элзи Константиноу, которую удерживал в квартире ее жених Лефтернс Андронику, угрожавший девушке пистолетом. После длительных безуспешных переговоров с господином Андронику было принято решение использовать силы специального назначения, чтобы освободить девушку и арестовать ее жениха. Андронику был вооружен. У него была двустволка. Подозревали, что в наличии у него было и другое оружие.

При проведении операции в квартиру, где находился Андронику со своей заложницей, по ошибке были запущены две настоящие пули вместо пуль слезоточивого газа. И Андронику, и Константиноу были убиты, а один полицейский ранен.

Суд признал незначительным большинством голосов (как и в деле *McCann*), что нарушение статьи 2 не имело места. Суд оценил подготовку неудавшегося спасения и решил, что нет доказательств надлежащей подготовки операции, приведшей к потере жизни. Суд посчитал, что офицер, выстреливший в Андронику, стремился спасти жизнь женщины, так же как и свою собственную жизнь. Таким образом, применение силы было оправданным в соответствии с пунктом «а» части 2 статьи 2 (в защиту любого лица от незаконного насилия).

²⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Andronicou and Constantinou v. Cyprus* от 9 октября 1997 г.

*Дело Mehmet Gul v. Turkey*²⁷

Это дело иллюстрирует пример лишения жизни человека подразделениями полиции по предотвращению антитеррористической деятельности в Турции. В данном деле Европейский суд признал применение силы «несоразмерным» и, соответственно, признал нарушение части 2 статьи 2. Группа как минимум из 100 полицейских, включая членов специального подразделения, окружила жилую квартиру. По некоторым сведениям, в квартире находились активисты РКК. Как часто бывает в подобных делах, факты были оспорены сторонами. В результате расследования Комиссией было обнаружено, что жертва была убита. Более чем 50 пуль автоматического оружия были выпущены через переднюю дверь квартиры, когда жертва пыталась открыть дверь. Суд согласился с Комиссией. Суд отклонил объяснение подразделения жандармерии, что сначала в них стреляли и что они действовали в целях самообороны. Никто из активистов РКК не был найден в квартире. Суд обратил внимание на подготовку поисковой операции, произведенной совместно офицерами полиции и местными властями, а также на инструкции по предотвращению антитеррористической деятельности, данные подразделениям полиции. Но в связи с отсутствием каких-либо достаточных письменных доказательств невозможно было прийти к какому-либо однозначному выводу по планированию и проведению операции. В деле было установлено, что стрельба со стороны полиции была совершенно непропорциональной мерой, в отличие от дела *McCann*. Как и в деле *McCann*, важно отметить, что Суд мог в принципе исследовать все обстоятельства, связанные с лишением жизни, насколько это возможно, включая вопросы подготовки, инструкций, приказов и контроля сил безопасности. Значительная компенсация была предоставлена семье жертвы с целью справедливого вознаграждения за совершенно непропорциональное лишение жизни.

*«Чеченские» дела*²⁸

В шести делах, связанных с лишением жизни и в результате воздушной бомбардировки российскими войсками Грозного в 1999 и 2000 гг., Суд тщательно изучал применение смертоносной силы, уделяя особое внимание подготовке и проведению военных операций и

²⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mehmet Gul v. Turkey* от 14 декабря 2000 г.

обеспечению правопорядка. Трое из заявителей, Исаева, Юсупова и Базаева, жаловались на неизбирательную бомбардировку военными самолетами колонны гражданских лиц, которые пытались покинуть Грозный 29 октября 1999 г.

В результате обстрела госпожа Исаева была ранена, ее двое детей и невестка погибли. Госпожа Юсупова тоже была ранена, также были уничтожены машины с имуществом семьи Базаевых. Суд должен был обнаружить, были ли использованы средства и методы воздействия с предельной осторожностью для того, чтобы избежать или хотя бы свести до минимума случайные потери среди гражданского населения. Принимая во внимание общий контекст конфликта в Чечне в то время, Суд допустил, что военные обоснованно сочли, что имело место нападение или угроза нападения и что авиационный обстрел был легитимным ответом на это нападение.

Военные применяли чрезвычайно мощное оружие: были выпущены двенадцать неуправляемых ракет класса «земля-воздух» С-24. Таким образом, жизнь любого, кто находился в этот момент на данном участке дороги, подвергалась смертельной опасности.

Представляется, что ни ответственные за планирование операции и контроль над ней, ни сами летчики не были в курсе, что гражданские лица использовали эту дорогу как безопасный коридор для выхода из Грозного в Ингушетию. Следовательно, было нарушение статьи 2 Конвенции. Суд пришел к такому же выводу и по делу Исаевой, отказавшись признать, что операция в Катыр-Юрте в феврале 2000 г. была спланирована и проведена с должной степенью заботы о жизни гражданского населения, что привело к смерти сына претендента и трех племянниц.

Иные международные стандарты по применению силы при законном подавлении

Чрезмерное применение силы сотрудниками органов безопасности, включая смертоносную силу, при обеспечении правопорядка — главная причина нарушения прав человека во многих странах. Дополнительными юридическими источниками, помимо Конвенции, на которые нужно обратить внимание при работе с жалобами по применению чрезмерной силы, являются применимые стандарты ООН,

²⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Isaeva, Yusupova and Bazaeva v. Russia* от 24 февраля 2005 г.

Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка²⁹ и Принципы по применению кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка³⁰.

В настоящее время в ООН и Совете Европы большое внимание уделяется потребности обучать сотрудников полиции уважению права человека, вовлекая в процесс национальные учреждения, такие как полицейские академии. Обучение включает международные стандарты по применению смертельной силы в деятельности правоохранительных органов. Юристы могут преуспеть в возмещении ущерба за применение огнестрельного оружия полицейскими на основании национального законодательства или в соответствии с Конвенцией, если установлено, что полицейские не были должным образом обучены использованию огнестрельного оружия, или если проведена недостаточная подготовка и недостаточно осуществлен контроль за действиями сотрудников правоохранительных органов, которые приводят к лишению жизни.

1.4.2. Позитивные обязательства защищать право на жизнь

Суд установил, что *в соответствии со статьей 2 Конвенции в сочетании со статьей 1 государство может быть обязано принимать определенные меры, чтобы «обеспечить» эффективную реализацию права на жизнь*³¹.

Новый юридический подход Суда к обязанности государств защищать право на жизнь возникло из решения Комиссии по британскому делу, где обжаловались действия по публичной вакцинации на добровольной основе, которые привели к смерти детей, что было признано нарушением статьи 2.

Комиссия признала жалобу неприемлемой, но заявила, что первое предложение части 1 статьи 2 *обязывает государство не только воздерживаться от лишения жизни произвольно, но и принимать соответствующие меры, чтобы охранять жизнь*³².

Какие меры являются приемлемыми для защиты жизни? Точного

²⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г., № 45/121.

³⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г., № 34/169.

³¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ergi v. Turkey* от 28 июля 1998 г.

³² См. *X v. the United Kingdom*, жалоба no. 7154/75, 14 Dr 31 at 32 (1978).

ответа еще нет, но уже ясно, что это может включать ряд рисков для жизни в связи с причинением вреда здоровью, а также незаконными насильственными действиями.

Риски для здоровья

В деле *LCB v. the United Kingdom*³³ заявитель утверждала, что она заразилась лейкемией от ее отца, который был военнослужащим, пострадавшим от радиации в результате проведения ядерных испытаний в 1950-х годах. Суд посчитал, что у государства есть обязанность по принятию соответствующих мер по защите жизни тех лиц, которые подпадают под его юрисдикцию.

Хотя Суд по представленным фактам не признал, что военнослужащий был подвержен опасным уровням радиации, он исследовал вопрос, можно ли было от представителей органов государственной власти ожидать, что они проконсультируют родителей заявителя об опасности и последствиях радиации и примут меры, чтобы состояние ее здоровья было проверено. Смысл заключается в том, что на государство может быть возложена обязанность предупреждать людей о рисках для здоровья в результате опасного воздействия.

Суд рассмотрел эту обязанность в соответствии со статьей 8 в другом случае, являющемся результатом подобных фактов относительно дела *LCB*. Суд указал, что *если у государства есть опасные источники, приводящие к неблагоприятным последствиям для здоровья тех лиц, которые работают с этими опасными источниками, о чем государство может и умолчать, — уважение права на частную и семейную жизнь требует эффективной и доступной процедуры для получения соответствующей информации о таких последствиях*³⁴.

Этот принцип был применен в важном деле *Oneriyildiz v. Turkey*³⁵. Заявитель жил с 12 членами его семьи в районе трущоб Стамбула. Его дом, как и другие, находился на участке в окружении мусора. Газ метана от разлагающегося мусора взорвался и разрушил несколько домов, включая дом заявителя и членов его семьи, что привело к их гибели.

³³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *LCB v. the United Kingdom* от 9 июня 1998 г. // Reports and Decisions. 1998-III.

³⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McGinley and Egan v. the United Kingdom* от 9 июня 1998 г.

³⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Oneriyildiz v. Turkey* от 18 июня 2002 г., утвержденное Большой палатой 30 ноября 2004 г.

Нормы национального законодательства, предусматривающие хранение отходов и чистку трущоб, действуют. Суд посчитал, что законы должным образом не соблюдались. Власти знали о возможных рисках, однако жителей об этом никогда не предупреждали. В соответствии со статьей 2 власти были обязаны принять такие профилактические меры, которые были необходимыми и достаточными для защиты жителей.

Суд заявил, что вряд ли обычный гражданин мог знать о рисках воздействия метаногенезиса и оползней. Власти, которые действительно знали, были обязаны распространить эту информацию, но они этого не сделали. Как следует из статьи 2, информирование граждан недостаточно, государство должно принять эффективные меры для защиты жителей трущоб от рисков для жизни. Следовательно, было нарушение статьи 2.

Обязанность государства относительно рисков безопасности пищевых продуктов, например, является значительной. Но уже можно говорить о том, что у каждого есть право получать и владеть информацией о рисках для жизни и здоровья. Представляется, что это также включает риски в результате размещения или хранения оружия массового поражения³⁶.

Риск незаконного насилия

Позитивная обязанность защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 требует от государства установления эффективных законов по уголовному праву с тем, чтобы воспрепятствовать произвольному лишению жизни. Также необходимо, чтобы законы были подкреплены эффективной правоохранительной системой для предотвращения насилия, а также для эффективного расследования неправомερных убийств.

Лица, содержащиеся под стражей

Государство несет особую ответственность за жизнь лиц, над которыми оно осуществляет полный контроль, в частности, лиц, лишенных свободы. Государство должно предоставить правдоподобное объяснение о любых телесных повреждениях, причиненных лицу,

³⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Guerra v. Italy* от 19 февраля 1998 г.

или неоказании медицинской помощи, что привело к смерти³⁷. В противном случае признается, что имело место нарушение позитивной обязанности государства по защите права на жизнь.

В деле *Anguelova v. Bulgaria*³⁸ молодой человек, цыган, был арестован и умер после того, как был доставлен полицией в больницу. Факты относительно того, в течение какого периода он находился под стражей и как он получил повреждение головы и другие телесные повреждения, были спорными. Но Суд посчитал, что полиция не доставила его вовремя к доктору и предоставила ложную информацию в больнице.

В данном случае имело место нарушение позитивного обязательства государства защитить право на жизнь³⁹.

Лица, находящиеся в заключении

Исходя из дела *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*⁴⁰, у государства есть позитивная обязанность оценивать поведение тюремных властей, ответственных за условия заключения. 30-летний сын заявителя был приговорен к заключению за оскорбление женщин на улице (он был психически болен).

Позже он был переведен в тюрьму Челмсфорда и помещен в камеру. Другой заключенный (Линфорд), у которого ранее было выявлено заболевание шизофренией, был также помещен в ту же самую камеру (из-за нехватки помещений). Несколько часов спустя Линфорд убил сына заявителя. Впоследствии Линфорд был обвинен в непредумышленном убийстве, признан ограниченно ответственным и помещен в больницу. Заявители жаловались, среди прочего, что заинтересованные власти не смогли защитить жизнь их сына в нарушение их обязательств, предусмотренных статьей 2. Сославшись на дело *Osman*⁴¹, Суд посчитал, что *в отношении заключенных Суд уже рас-*

³⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Guerra v. Italy* от 19 февраля 1998 г.

³⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Anguelova v. Bulgaria* от 18 июня 2002 г.; см. также решение Суда по делу *Tomasi v. France* от 27 августа 1992 г.

³⁹ См. также решения Европейского суда по правам человека по делу *Abdurrahman v. Turkey* от 14 февраля 2002 г.; по делу *Salman v. Turkey* от 27 июня 2000 г.

⁴⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom* от 14 марта 2002 г.

⁴¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Osman v. the United Kingdom* от 28 октября 1998 г.

смастривал подобные дела и еще раз подчеркивает, что лица, содержащиеся в заключении, находятся в уязвимом положении и на власти возложено обязательство защищать их права. Судьи посчитали, что публичные органы, включая врачей, полицию, службу судебного преследования Короны и суды, не передали информацию о здоровье и прошлом Линфорда тюремным властям, а те недостаточно проверили его, когда он прибыл в тюрьму Челмсфорда. В совокупности это привело к нарушению обязательства государства защитить жизнь сына заявителя в соответствии со статьей 2.

Пациенты в больницах

Позитивные обязательства защищать жизнь человека предполагают регламентацию вопросов, касающихся охраны жизни пациентов в больницах, и наличие эффективной независимой юридической системы, позволяющей установить причины смерти, если она наступила в больнице или когда пациент находился под постоянным контролем медицинских работников, и меру ответственности медицинского персонала⁴².

Если нарушение права на жизнь или физическую неприкосновенность причинено неумышленно, позитивное обязательство, вытекающее из статьи 2, по установлению эффективной судебной системы, необязательно требует использования средств, предусмотренных в уголовном праве, в каждом случае.

Если допущена халатность со стороны медицинского персонала, для привлечения государства к ответственности в связи с невыполнением позитивных обязательств необходимо предоставление жертвам возможности обратиться с гражданским иском в суд или рассмотреть гражданский иск в рамках уголовного дела, чтобы установить ответственность заинтересованных врачей и предоставить компенсацию в процессе урегулирования гражданского спора (иска о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда). Привлечение к дисциплинарной ответственности также может быть предусмотрено.

⁴² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Calvelli and Ciglio v. Italy* от 17 января 2002 г.

Ограничения обязанности по предотвращению незаконного насилия

Какова степень обязанности государства защитить лицо от угрозы насилия со стороны частных лиц? Очевидно, что требование принять обоснованные и необходимые меры для защиты жизни необязательно относится к ответственности государства в делах, где причинителем смерти выступает частное лицо. Это нереально и фактически невозможно. Степень обязанности будет зависеть от обстоятельств.

Так, например, в деле *X v. Ireland*⁴³ заявитель жаловался на отказ государства продолжить предоставлять ему личного телохранителя после угроз убийства. Комиссия посчитала, что обязанность государства не может быть интерпретирована как гарантия индивидуальной защиты, по крайней мере, в течение неопределенного периода времени.

В вышеуказанном деле *Edwards*⁴⁴ Суд пришел к выводу, что тюремные власти должны были знать о риске, угрожающем Линфорду, и, следовательно, было нарушение статьи 2. С другой стороны, Суд не нашел в жалобе по лишению жизни нарушения обязанности по защите жизни, поскольку угроза жизни исходила от самого лица, склонного к самоубийству⁴⁵.

В деле *Osman and Osman v. the United Kingdom*⁴⁶ Суд столкнулся с утверждением, что полиция не смогла защитить лицо, жизнь которого была в опасности. Сумасшедший школьный учитель, который был одержим в отношении одного из его учеников, убил отца ученика и ранил сына. Суд исследовал обязанность защиты жизни и пришел к следующему выводу:

Обычное явление, что обязанность государства в этом отношении выходит за пределы основной обязанности охранять право на жизнь посредством создания эффективных норм уголовного права... в сопровождении правоприменительной структуры для предотвращения и санкционирования нарушений таких норм.

[Статья 2] Конвенции может также подразумевать в определенных

⁴³ См. дело *X v. Ireland*, жалоба no. 6040/73; см. также дело *W v. the United Kingdom*, 32 D and R 190.

⁴⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom* от 14 марта 2002 г.

⁴⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Keenan v. the United Kingdom* от 3 апреля 2001 г.

⁴⁶ См. *Osman and Osman v. the United Kingdom*, 2000, 29 E.H.R.R. 245.

обстоятельствах позитивную обязанность по принятию оперативных мер, чтобы защитить лицо, жизнь которого в опасности, от преступных действий другого лица. Для Суда, учитывая трудности по управлению современными обществами, непредсказуемость человеческого поведения и оперативность выбора в отношении приоритетов и ресурсов, такая обязанность должна интерпретироваться таким образом, чтобы не налагать невозможное или непропорциональное бремя на власть.

Другое приемлемое решение касается необходимости обеспечить, чтобы полицейские осуществляли их полномочия по управлению и предотвращению преступлений с уважением, с соблюдением гарантий, которые правомерно ограничивают их действия для расследования преступления и привлечения преступников к судебной ответственности, включая гарантии, содержащиеся в статьях 5 и 8 Конвенции.

Поэтому Суд заявил: позитивная обязанность защищать жизнь возникает в случае, когда власти знали или должны были знать о существовании реального и непосредственного риска для жизни определенного лица или группы лиц, вызванного преступными действиями третьих лиц, и они не смогли принять меры в рамках своих полномочий, которые бы помогли избежать этого риска.

Заявитель должен доказать, что власти не сделали того, что было бы разумно ожидать в целях избежания реального и непосредственного риска для жизни, о котором знали или должны были знать. Однако Суд пояснил, что государство может быть признано виновным в нарушении статьи 2 в связи с неисполнением обязательств, даже если заявитель не смог предоставить доказательства того, что человек был преднамеренно лишен жизни государственными служащими или лицами, действующими от их лица или с их молчаливого согласия⁴⁷.

Таким образом, в деле *Kilic*⁴⁸ журналист оппозиционной газеты был убит спустя несколько месяцев после того, как обратился в полицию за защитой. Суд заявил, что государство могло предпринять достаточные меры, чтобы минимизировать риск для жизни лица, о котором они знали.

⁴⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Yasa v. Turkey* от 2 сентября 1998 г.

⁴⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kilic v. Turkey* от 28 марта 2000 г.

Поэтому Суд заключил, что власти не смогли принять разумные меры в рамках их полномочий, чтобы предотвратить реальный и непосредственный риск для жизни Кемала Килика, и, следовательно, имело место нарушение статьи 2. В отличие от дела *Osman*⁴⁹, в котором была приблизительно та же самая ситуация, Суд принял во внимание действия самой жертвы, чтобы оправдать государство.

1.4.3. Процедурные обязательства и право на жизнь

Третья категория обязательств, сформулированных Судом в первом предложении статьи 2 («право на жизнь охраняется законом»), может быть охарактеризована как процедурные обязанности. Они также могут быть причислены к позитивным обязанностям государства. В центре их внимания — расследование лишения жизни при любых обстоятельствах.

В деле *McCann*⁵⁰ Суд пояснил, что обязанность охранять право на жизнь, содержащаяся в норме статьи 2, рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государств, согласно статье 1 Конвенции, «обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе 1 настоящей Конвенции», подразумевает необходимость иметь в той или иной форме возможность провести эффективное официальное расследование в случаях гибели людей в результате применения силы, в том числе лицами, действующими от имени государства. Эта обязанность распространяется на все случаи лишения жизни, вне зависимости, действительно ли государство несет ответственность или нет⁵¹. Проведение расследования не должно ставиться в зависимость от обращения родственников погибшего с официальной жалобой или требованием об осуществлении определенных действий. Суд установил, что факт того, что власти проинформированы об убийстве, сам по себе приводит к возникновению обязательства по проведению эффективного расследования обстоятельств смерти. Неисполнение государством этой обязанности квалифицируется Судом как процедурное нарушение статьи 2 Конвенции.

⁴⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Osman v. the United Kingdom* от 28 октября 1998 г.

⁵⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McCann and others v. the United Kingdom* от 27 сентября 1995 г.

⁵¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Yasa v. Turkey* от 2 сентября 1998 г.

Возникает вопрос, что требуется от государства для соблюдения процедурной обязанности по защите права на жизнь. Суд изложил следующие требования:

Основная цель расследования фактов лишения жизни — обеспечить эффективное исполнение национальных законов, гарантирующих право на жизнь, когда вовлечены государственные служащие или органы, а также обеспечить контроль в случаях смерти. Это расследование должно быть тщательным, беспристрастным, доступным для семьи жертвы, эффективным в том смысле, что должно привести к определению, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет, и к установлению и наказанию виновных⁵².

Дело Кауа v. Turkey⁵³

Суд ответил на вышеуказанный вопрос в деле *Кауа*, возможно, втором по значимости деле о праве на жизнь, после решения по делу *McCann*. 25 марта 1993 г. Абдулменаф Кайя был убит солдатами сил безопасности Турции в окрестностях Долунэ, провинция Диярбакыр на юго-востоке Турции. Заявитель и Правительство Турции представили различные объяснения обстоятельств лишения жизни. Государство утверждало, что было вооруженное столкновение между солдатами и членами Рабочей партии Курдистана.

Правительство заявляло, что тело Кайя было обнаружено после столкновения на месте происшествия, и он был одним из РКК, погибших во время перестрелки. Местные жители свидетельствовали, что Кайя был безоружен, когда солдаты сил безопасности Турции застрелили его. У Комиссии были серьезные основания сомневаться в фактах, изложенных Правительством. Тем не менее Комиссия пришла к заключению, что фактические обстоятельства, при которых погиб Кайя, остаются в определенной степени предметом домыслов и предположений и не дают возможность сделать не вызывающие никаких сомнений выводы, что он был преднамеренно убит. Поэтому Суд постановил, что не было установлено, что Кайя был незаконно лишен жизни в нарушение статьи 2. Однако Суд обратился к проведению следствия официальными органами.

⁵² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Bubbins v. the United Kingdom* от 17 марта 2005 г.

⁵³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kaya v. Turkey* от 15 февраля 1998 г.

Суд отметил, что общий правовой запрет произвольного лишения жизни государством был бы на практике неэффективным, если бы не существовало процедуры контроля законности применения государственными властями силовых методов, способных причинить смерть. Обязательство защищать право на жизнь предполагает наличие действенной формы официального расследования в том случае, когда лица лишаются жизни в результате применения силы представителями власти. Суд признал процедурное нарушение на основании, что прокурор не сомневался в том, что убитый был террористом. Он не взял показаний у сотрудников сил безопасности на месте происшествия. Не было проверено наличие следов пороха на руках или одежде убитого. Не было проведено дактилоскопическое исследование оружия. Судебно-медицинская экспертиза была проведена небрежно и поверхностно.

Правительство утверждало, что при сложившихся обстоятельствах расследование с полным основанием могло быть сведено к минимуму. Но Суд отклонил этот аргумент. Обязанность защищать право на жизнь требует независимого и публичного расследования, чтобы определить, было ли применение силы оправданным в данных конкретных обстоятельствах.

«Чеченские» дела

Шесть дел, касающихся убийств в Чечне, демонстрируют важность обязательства по эффективному расследованию смертельных случаев. В каждом из случаев Суд признал нарушение обязанности по надлежащему расследованию. Многочисленные упущения в ходе расследования, включая не отвечающие требованиям журналы боевых действий, привели к тому, что невозможно было установить личности и допросить всех подозреваемых и свидетелей и невозможно для жертв участвовать в расследовании. Судебные постановления должны быть тщательно изучены, чтобы оценить расследования, которые будут проводиться в будущем, с точки зрения жертвы и определить требования к будущим тренингам для полицейских и дознавателей в воинских частях, где смертельные случаи происходят.

Обязательство государства проводить расследование без какой-либо дискриминации

Новшеством практики Суда является его готовность соединить нарушения статьи 2 и статьи 14, которая запрещает дискриминацию

при пользовании правами, гарантированными Конвенцией. В деле *Nachova v. Bulgaria*⁵⁴, рассмотренном в 2004 г., Суд исследовал вопрос, являлся ли факт, что две жертвы убийств, господин Ангелов и господин Петков, были по происхождению цыгане, определяющим в этих случаях.

Заявители утверждали, что предубеждение и враждебное отношение к лицам цыганского происхождения играли решающую роль в событиях, приведших к смертельным исходам, и также являются причиной непроведения эффективного расследования. Суд заявил, что обязательство по расследованию перестрелки, приведшей к смертельному исходу,

...должно быть проведено без какой-либо дискриминации, как требуется статьей 14 Конвенции. Суд повторяет, что если есть подозрение, что расовые отношения могут привести к насилию, особенно важно, чтобы официальное расследование было проведено эффективно и беспристрастно. Кроме того, это необходимо, чтобы снова подтвердить, что общество осуждает расизм и этническую ненависть, и усилить веру национальных меньшинств в способность властей защитить их от угрозы расистского насилия.

Суд отметил, что хотя в данном деле чрезвычайно трудно доказать, что основным фактором, побудившим к насильственному лишению жизни, явились расовые отношения (включая крики сотрудников сил безопасности «проклятые цыгане» во время перестрелки), нужно признать нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 2. Суд пояснил, что бремя доказывания, что не было расистского предубеждения, ложится на Правительство, а не на заявителя. Значение этого постановления еще будет расширяться, но это принципиально новый подход к защите национальных меньшинств, в том числе цыган, от полицейского насилия.

Взаимоотношения между процедурными нарушениями статьи 2 и статьи 13

Вопрос возникает, когда Суд признает нарушение статьи 2 по процедурным основаниям из-за неэффективного расследования, а также нарушение статьи 13 по тем же самым фактам. Каковы взаимоотно-

⁵⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Nachova v. Bulgaria* от 26 февраля 2004 г.

шения между этими нарушениями? Ответ заключается в том, что процедурная защита по статье 2 касается обязанности государства по проведению эффективного расследования лишения жизни.

Статья 13 гарантирует право заявителя на эффективное национальное средство правовой защиты, которое признается нарушенным, если в проведении расследования отказано или оно проведено неэффективно. Средство, при помощи которого граждане могут защитить свои права на национальном уровне в соответствии со статьей 13, будет меняться в зависимости от характера жалобы, направленной заявителем в соответствии с Конвенцией. То есть средство будет зависеть от факта, какое право, указанное в жалобе, было нарушено.

В случае незаконного лишения жизни (так, например, по жалобе на нарушение статьи 3) средство, которое бы соответствовало требованиям статьи 13, должно быть такое, которое привело бы к установлению и наказанию виновных и компенсации. Поэтому оно должно включать право доступа заявителей к расследованию и последующему предъявлению иска.

Далее Суд заявил, что жертве нарушения статей 2 и 3 Конвенции должна быть предоставлена возможность обращения в суд с гражданским иском о компенсации морального вреда или компенсации за причинение вреда здоровью или лишение жизни.

Если расследование лишения жизни, проводимое государством, совершенно неэффективно и/или если заявитель лишен доступа к расследованию или последующему предъявлению иска к ответственным, это является нарушением статьи 13. Это будет в дополнение к процедурному нарушению статьи 2, которое в данном случае уступает требованиям статьи 13. Такую оценку Суд представил в деле *Gul*⁵⁵, а также в «чеченских делах».

Поэтому признание предполагаемого нарушения статьи 2 Конвенции требует уточнить категорию обязанности, которая была нарушена, учитывая, что в результате одного и того же случая лишения жизни могут быть установлены несколько нарушений. В соответствии со статьей 13 эффективность внутреннего средства должна быть детально исследована.

⁵⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mehmet Gul v. Turkey* от 14 декабря 2000 г.

Попытки лишения жизни

Если лицо, намеревающееся лишить жизни другое лицо, стреляет в него, но не убивает жертву, встает вопрос, возникает ли ответственность, предусмотренная статьей 2 Конвенции. Во всех национальных юрисдикциях покушение на жизнь является преступлением, а во многих предусмотрено такое же наказание, как и за убийство, потому что обвиняемый несет наказание за намерение лишить жизни.

Суд признал, что в исключительных случаях при попытке убить предусмотрена ответственность в соответствии со статьей 2. В деле *Ihan v. Turkey*⁵⁶ по жалобе на нарушение права на жизнь в связи с угрозой нападения Суд заявил:

Суд напоминает, что в данном деле сила, используемая против Ильхан, не была смертоносной. Хотя это не исключает анализа жалоб заявителя на предмет соответствия статье 2, предполагается, что только при исключительных обстоятельствах плохое обращение со стороны государственных официальных лиц, которое не приводит к лишению жизни, раскрывает нарушение статьи 2.

Хотя уголовная ответственность заинтересованных в использовании силы не является предметом рассмотрения в соответствии с Конвенцией, степень и характер используемой силы и определенного намерения или цель использования силы, среди других факторов, необходимы при оценивании, были ли по определенному делу действия государственных представителей по причинению вреда, за исключением смерти, несовместимы с предметом и целью статьи 2.

Практически во всех делах, если с лицом плохо обращаются сотрудники правоохранительных органов или военные, их жалобы подпадают под статью 3. Суд напомнил, что Ильхану была нанесена травма после нанесения одного удара по голове винтовкой жандармами. Им приказали арестовать его во время операции. Они пинали и били его. Поэтому не было сомнений в серьезности его раны, которая привела к травме головного мозга. Однако Суд не был убежден в сложившейся ситуации, что использование силы, примененной жандармами, когда они арестовывали Ильхана, имело характер, предусматривающий нарушение статьи 2.

⁵⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ihan v. Turkey* от 27 июня 2000 г.

Суд перешел к признанию нарушения статьи 3⁵⁷.

Примером исключительного дела является дело *Yasa v. Turkey*⁵⁸. Жалоба касалась лишения жизни дяди заявителя и покушения на его жизнь. Суд признал нарушение статьи 2 как в отношении отказа расследовать причины смерти и покушения на жизнь заявителя⁵⁹.

*Дело Makaratzis v. Greece*⁶⁰

Это важное дело, рассматриваемое Большой палатой, включало использование огнестрельного оружия полицейскими при проведении операции преследования. Заявитель проехал на запрещающий красный сигнал в центре Афин. Его преследовали несколько полицейских на автомобилях и мотоциклах. Его автомобиль не останавливался, и во время преследования он столкнулся с несколькими другими автомобилями. Пострадали два водителя. Полиция продолжала стрелять и ранила его серьезно, но он не умер. Суд посчитал, что полиция не намеревалась его убить, а только остановить его транспортное средство. Однако это было случайностью, что он не был убит. Количество выстрелов привело к тому, что его жизнь оказалась в опасности, поэтому статья 2 была применима. Суд перешел к признанию, что было нарушение позитивной обязанности защищать жизнь, потому что в то время действовала неэффективная система правовых гарантий, чтобы минимизировать риск для жизни в случае преследования полицией.

⁵⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Berkday v. Turkey* от 1 марта 2001 г.

⁵⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Yasa v. Turkey* от 2 сентября 1998 г.

⁵⁹ См. также решение Европейского суда по правам человека по делу *Berkday v. Turkey* от 1 марта 2001 г.

⁶⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Makaratzis v. Greece* от 20 декабря 2004 г.

Глава 2. Право на жизнь в российском законодательстве и правоприменительной практике

Анна Деменева*

Статья 20 Конституции Российской Федерации устанавливает:

Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Статья 20 Конституции Российской Федерации, так же как и статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирует право на жизнь, однако, исходя из формулировки статьи российской Конституции, из нее невозможно очевидно установить все обязательства государства по защите жизни и допустимые случаи лишения жизни в соответствии с ранее рассмотренными стандартами Конвенции и практики Европейского суда по правам человека. В связи с этим в главе будут рассмотрены и иные российские законодательные акты, связанные с позитивным обязательством государства защищать право на жизнь законом, процессуальным обязательством тщательно расследовать случаи насильственного лишения жизни, а также негативного обязательства не допускать лишения жизни в случаях, не относящихся к исключениям статьи 2 Конвенции.

Позитивное обязательство государства защищать жизнь

Статья 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает, что право каждого лица на жизнь охраняется законом.

Обязательство защищать право на жизнь законом является позитивным обязательством, то есть предусматривает, что государство должно сделать для защиты прав лица. Прежде всего, государство обязано принимать законы о защите права на жизнь, о защите от на-

меренного произвольного посягательства на нее. Как государство выполняет эту обязанность — находится в сфере его усмотрения, однако в конечном итоге в национальном законодательстве должны быть уголовные санкции за лишение жизни в нарушение статьи 2 Конвенции.

В российском законодательстве сама формулировка такого обязательства отражения не нашла, хотя, безусловно, данное обязательство государство выполняет, предусматривая в Уголовном кодексе уголовную ответственность как за убийство, так и за неосторожное причинение смерти. Конвенция не требует наличия во внутреннем праве идентичной формулировки. Достаточно, если национальное право по существу обеспечивает защиту права, предусмотренного Конвенцией.

Глава 16 Уголовного кодекса РФ содержит статьи (105–109)¹, предусматривающие уголовную ответственность за лишение человека жизни, таким образом, государством выполняется позитивное обязательство по защите права на жизнь законом.

2.1. Исключения из обязательства по защите права на жизнь

Конвенция предусматривает четыре ситуации, когда причинение смерти является допустимым: Лишение жизни не рассматривается как нарушение статьи 2, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы для: а) защиты любого лица от противоправного насилия; б) осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; в) подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа; г) в соответствии с частью 1 статьи 2 правомерным является также исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. Данный перечень ситуаций, в которых лишение жизни будет считаться правомерным и не будет являться нарушением Конвенции, исчерпывающий. Рассмотрим регулирование этих моментов в российском законодательстве.

*Анна Деменева — юрист Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник», магистр международного права, аспирант Уральской государственной юридической академии.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях: Собрание законодательства РФ. 1996.17 июня. № 25. Статья 2954; Российская газета. 1996.18 июня. № 113; 19 июня. № 114; 20 июня. № 115; 25 июня. № 118.

Защита любого лица от противоправного насилия

Данное основание правомерного лишения жизни предусмотрено Уголовным кодексом РФ в главе 8 — обстоятельства, исключают преступность деяния. В частности, статья 37 Уголовного кодекса РФ предусматривает:

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Необходимо отметить, что и в российском законодательстве нашел отражение принцип, неотъемлемо связанный с исключениями статьи 2 Конвенции: применение каждого из перечисленных правомерных оснований лишения жизни может иметь место только тогда, когда «является результатом абсолютно необходимого применения силы». Часть 2 статьи 37 Уголовного кодекса РФ предусматривает:

Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

С данным вопросом также связано регулирование ситуации, когда убийство совершено при превышении пределов необходимой обороны, то есть, иными словами, не соблюден критерий «абсолютно необходимого применения силы». Статья 108 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лиц, совершивших преступление. В случае, если превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, установлено не было, состав преступления отсутствует и причинение смерти в этом случае признается правомерным и соответствующим исключениям, указанным в статье 2 Конвенции.

Закон РФ «О милиции»² в разделе IV (статьи 12–16) регулирует вопросы применения милицией специальных средств: в целях отражения нападения на граждан и сотрудников милиции (часть 1 статьи 14 Закона «О милиции»), для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков (часть 6 статьи 14 Закона «О милиции»); вопросы применения огнестрельного оружия: для защиты граждан от нападения, опасного для их жизни или здоровья (часть 1 статьи 15 Закона), для отражения нападения на сотрудника милиции, когда его жизнь или здоровье подвергаются опасности, а также для пресечения попытки завладения его оружием (часть 2 статьи 15 Закона), для освобождения заложников (часть 3 статьи 15 Закона).

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³ предусматривает основания для применения специальных средств, газового и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей. В соответствии со статьей 45 Закона специальные средства в местах содержания под стражей могут быть применены для отражения нападения подозреваемого или обвиняемого на сотрудников мест содержания под стражей и иных лиц; для пресечения неправомерных действий подозреваемого или обвиняемого, оказывающего неповиновение законным требованиям сотрудников мест содержания под стражей или иных сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также сотрудников органов внутренних дел, привлекающихся для обеспечения правопорядка; для освобождения заложников, захваченных зданий, помещений, сооружений и транспортных средств; для пресечения попытки подозреваемого или обвиняемого причинить вред окружающим.

Огнестрельное оружие в местах содержания под стражей может быть применено в соответствии со статьей 47 Закона для защиты от нападения, угрожающего жизни или здоровью сотрудников мест со-

² Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (с изменениями от 18 февраля, 1 июля 1993 г., 15 июня 1996 г., 31 марта, 6 декабря 1999 г., 25 июля, 7 ноября, 29 декабря 2000 г., 26 июля, 4 августа, 30 декабря 2001 г., 25 апреля, 30 июня, 25 июля 2002 г., 10 января, 30 июня, 7 июля, 8, 23 декабря 2003 г., 20 июля, 22 августа 2004 г.).

³ Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г.

держания под стражей, подозреваемых и обвиняемых, иных лиц; для отражения нападения подозреваемого или обвиняемого на сотрудников мест содержания под стражей, иных лиц с целью завладения оружием; для освобождения заложников, захваченных зданий, сооружений, помещений и транспортных средств; для отражения группового или вооруженного нападения на здания, сооружения, помещения и транспортные средства мест содержания под стражей; для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление, а также застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни и здоровья сотрудников мест содержания под стражей или иных лиц.

Вопросы защиты граждан и организаций от насилия или угрозы его применения регулируются законом «О борьбе с терроризмом»⁴. Статья 21 Закона устанавливает основания освобождения от ответственности за причинение вреда при проведении контртеррористической операции:

При проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Осуществление законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях

Формулировка в статье 108 Уголовного кодекса РФ «меры, необходимые для задержания лиц, совершивших преступление» является более широкой, нежели формулировка «защита любого лица от противоправного насилия». Однако для применения исключения, предусмотренного статьей 2 Конвенции — осуществление законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях, также необходимо, чтобы применение силы, в результате которого может наступить смерть, было «абсолютно необходимым». Кроме того, лишение жизни лица, совершив-

⁴ Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (с изменениями от 7 августа 2000 г., 21 ноября 2002 г., 30 июня 2003 г., 22 августа 2004 г., 7 марта 2005 г.).

шего преступление, не будет являться превышением пределов мер, необходимых для его задержания, именно тогда, когда оно посягает на жизнь другого лица.

Закон «О милиции» предусматривает право сотрудников милиции применять специальные средства для пресечения оказываемого сотруднику милиции сопротивления (часть 2 статьи 14 Закона), для задержания лица, застигнутого при совершении преступления против жизни, здоровья или собственности и пытающегося скрыться (часть 3 статьи 14 Закона), для доставления задерживаемых лиц в милицию, конвоирования и охраны задержанных, а также лиц, подвергнутых административному аресту и заключенных под стражу, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе или оказывают противодействие сотруднику милиции (часть 5 статьи 14 Закона). Применение огнестрельного оружия в соответствии с законом о милиции возможно в целях задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни, здоровья и собственности и пытающегося скрыться, а также лица, оказывающего вооруженное сопротивление (часть 4 статьи 15 Закона), для пресечения побега из-под стражи: лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления; лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано заключение под стражу; лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попыток насильственного освобождения этих лиц (часть 6 статьи 15 Закона). Кроме того, в соответствии со статьей 16 Закона попытки лица, задерживаемого сотрудником милиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к нему, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его оружию предоставляют сотруднику милиции право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 15 настоящего Закона.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает, что специальные средства в соответствии со статьей 45 Закона могут быть применены для пресечения попытки побега подозреваемого или обвиняемого из места содержания под стражей или из-под конвоя; огнестрельное оружие в соответствии со статьей 47 Закона может быть применено для пресечения попытки побега подозреваемого или обвиняемого из места содержания под стражей или из-под конвоя; для задержания вооруженного лица, отказывающегося выполнить закон-

ное требование сотрудника места содержания под стражей о сдаче оружия; для пресечения попытки насильственного освобождения подозреваемых и обвиняемых.

Подавление, в соответствии с законом, бунта или мятежа

Дословно российское законодательство не содержит таких целей, оправдывающих применение силы, как «подавление, в соответствии с законом, бунта или мятежа». Однако одним из оснований применения милицией спецсредств является пресечение массовых беспорядков и групповых действий, нарушающих работу транспорта, связи и организаций (часть 7 статьи 14 Закона «О милиции»).

В соответствии со статьей 14 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»⁵ сотрудникам органов федеральной службы безопасности разрешается хранение и ношение табельного оружия и специальных средств. Они имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, а также оружие и специальные средства в случаях и порядке, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для сотрудников милиции.

Для пресечения массовых беспорядков или групповых нарушений установленного режима содержания под стражей в соответствии со статьей 42 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в местах содержания под стражей могут использоваться специальные средства, указанные в данном законе.

Исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание

В настоящее время исполнение смертного приговора имеет все меньше шансов называться допустимым случаем лишения жизни в статье 2 Конвенции. 28 апреля 1983 г. был принят Протокол № 6 к Конвенции относительно отмены смертной казни⁶, предусматрива-

⁵ Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 30 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. от 07.03.2005 г.).

⁶ Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни. ETS № 114. Подписан в Страсбурге 28.04.1983 г. с изменениями от 11.05.1994 г.

ющий отказ государства от применения смертной казни в мирное время.

С 1994 г. одним из условий вступления государства в Совет Европы стало введение моратория на приведение смертной казни в исполнение, а также обязательство подписать Протокол № 6 в течение года с момента вступления и ратифицировать его в течение трех лет с момента подписания.

Письмо с заверением о введении в России моратория на исполнение смертной казни, о намерении подписать и ратифицировать Протокол № 6 было направлено в адрес Председателя Парламентской ассамблеи Совета Европы 18 января 1995 г. Письмо было подписано Президентом Российской Федерации, Председателем Правительства, Председателем Государственной Думы и Председателем Совета Федерации. 16 мая 1996 г. Президентом РФ был издан Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»⁷.

При присоединении к Конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия сделала оговорку о поэтапном присоединении к Протоколу № 6 в Российской Федерации.

Российская Федерация подписала Протокол № 6 16 апреля 1997 г. в г. Страсбурге. Протокол внесен на ратификацию в Государственную Думу РФ письмом Президента РФ от 6 августа 1999 г. № Пр-1025, но до настоящего времени не ратифицирован.

В связи с введением моратория на смертную казнь были также внесены изменения в Уголовный кодекс РФ.

В 2002 г. Протокол № 13 об отмене смертной казни во всех обстоятельствах был принят и вступил в силу 1 июля 2003 г. Россией данный протокол не подписан.

2.2. Процессуальное (процедурное) обязательство государства по проведению эффективного расследования

Вторым важнейшим обязательством государства при защите права на жизнь является обязательство провести эффективное расследо-

⁷ Указ Президента РФ от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // Российские вести. 1996. 18 мая. № 91; Собрание законодательства РФ. 1996. 20 мая. № 21. Ст. 2468; Российская газета. 1996. 21 мая. № 94.

вание обстоятельств смерти во всех случаях применения силы, повлекших смерть. Данное обязательство прямо не закреплено в Конвенции, оно рассматривается как неотъемлемая часть общего обязательства по охране жизни в силу толкования этого обязательства Европейским судом по правам человека в его практике. В российском законодательстве обязательство проводить эффективное расследование смерти во всех случаях применения силы также не имеет самостоятельного закрепления, и о его нарушении на сегодняшний день приходится говорить в российских судах, ссылаясь лишь на прецедентную практику Европейского суда по правам человека. Отсутствие законодательного закрепления обязательств государства по этому вопросу, а также анализ негативной национальной практики приводят к выводу, что именно это позитивное обязательство нарушается государством чаще всего.

Так, в судах Свердловской области в 2002–2003 гг. на рассмотрении находилось несколько дел о причинении смерти гражданам сотрудниками следственных органов в результате насилия, примененного к подозреваемым и обвиняемым. Эти дела чудом дошли до судебной инстанции благодаря настойчивости родственников убитых и помощи правозащитных организаций, поскольку по данным категориям дел в 80 % случаев имеют место отказы в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции; если дело возбуждено, то высока вероятность его прекращения «за отсутствием события преступления» или за отсутствием состава преступления в действиях сотрудников милиции; еще более часты ситуации, когда дело возбуждено, затем следствие приостановлено или прекращено, данные постановления обжалованы потерпевшими, и дело возбуждается снова, опять прекращается, реальных следственных действий по нему не ведется, и таким образом в течение 2–5 лет. Потерпевшим не предоставляется никакой информации о ходе следствия, да и добиться признания потерпевшим по такого рода делам тоже зачастую достаточно сложно. За этот период полностью утрачивается возможность собрать необходимые доказательства и привлечь к ответственности виновных. В российской практике неэффективность системы расследования случаев смерти, причиненных при применении силы представителями власти, становится очевидной еще на этапе обращения с заявлением о возбуждении уголовного дела. С., мать убитого при допросе молодого человека, спустя 4 года добилась привлечения к уголовной ответственности за пытки и убийство в РУВД своего сына

сотрудников милиции. Однако вопрос о неэффективности расследования случая смерти в РУВД и привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в отсутствии такого расследования на протяжении многих лет, судом так и не был рассмотрен.

Первое дело о нарушении со стороны Российской Федерации статьи 2 Европейской конвенции в отношении жителей Чеченской Республики также касалось вопроса неисполнения государством позитивного обязательства по проведению эффективного расследования фактов смерти, причиненной представителями власти. В деле *Khashiev and Akaeva v. Russia*⁸ заявители указывали, что их родственники были убиты агентами властей в нарушение статьи 2 Конвенции. Они также указывали, что власти не провели эффективного расследования фактов смерти. В частности, заявители жаловались, что хотя следственные действия начались, они не были эффективными и не могли привести к необходимому результату. Заявители ссылались на недостатки следствия. Они отмечали, что второй заявитель не была признана потерпевшей до марта 2003 г., что не позволяло ей влиять на ход следствия и участвовать в нем. Они указывали, что судебно-медицинская экспертиза не была проведена надлежащим образом, не были собраны необходимые показания родственников, другие свидетели и оставшиеся в живых не были допрошены, также указывали, что не было предпринято достаточно мер, чтобы установить виновных в совершении преступлений среди военнослужащих.

В параграфе 153 решения Европейский суд указал следующее: *Обязательство охранять жизнь, предусмотренное статьей 2 Конвенции, рассматривается в совокупности с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «гарантировать каждому, находящемуся в юрисдикции государства, права и свободы, установленные настоящей Конвенцией», и также подразумевает, что должно существовать эффективное официальное расследование случаев, когда физические лица были убиты в результате применения силы (см., помимо прочего, дело *McCann and Others v. the United Kingdom*, выше цитированное решение, § 161, и дело *Kaya v. Turkey*, решение от 19 февраля 1998 г. § 105). Основная цель такого расследования — гарантировать эффективную реализацию национальных законов, которые защищают жизнь, и в тех случаях, когда задействованы должност-*

⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Khashiev and Akaeva v. Russia* от 24 февраля 2005 г.

ные лица или официальные органы, гарантировать их ответственность за случаи смерти, которые имели место в связи с исполнением ими обязанностей. Какие формы следствия необходимо проводить, может зависеть от конкретной ситуации. Однако какие бы меры ни предпринимались, власти должны действовать по своей собственной инициативе, как только о случае стало известно. Суд напоминает, что обязательства государства по статье 2 не ограничиваются только выплатой компенсации. Следствие, проводимое в соответствии со статьей 2 Конвенции, должно привести к установлению и наказанию виновных в причинении смерти (см. дело *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 121, ECHR 2001-III).

Глава 3. Европейские стандарты обеспечения права на жизнь в условиях чрезвычайного положения

Борис Лабунец*

Согласно Федеральному закону «О чрезвычайном положении»¹, предусматривается особый правовой режим, который вводится указом Президента РФ при непосредственной угрозе жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которой невозможно без применения чрезвычайных мер. К таким обстоятельствам, в частности, относятся попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями (статья 3).

Прямая взаимосвязь прослеживается между ситуацией внутригосударственного вооруженного конфликта и режимом чрезвычайного положения, ибо правовой режим внутригосударственных вооруженных конфликтов может быть осуществлен при введении чрезвычайного положения. Несмотря на очевидность применения норм законодательства о чрезвычайном положении в условиях вооруженного конфликта, практика указывает на отсутствие реализации этого института в деятельности российских государственных органов власти.

Не случайно эта проблема рассматривалась в известном постановлении Конституционного суда РФ², где Суд мотивировал невозмож-

* Борис Лабунец — старший преподаватель кафедры международного права Тюменского государственного университета.

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 30 июня 2003 г.) // Парламентская газета. 2001. 1 июня. № 99; Российская газета. 2001. 2 июня. № 105; Собрание законодательства РФ. 2001. 4 июня. № 23. Ст. 2277.

² Постановление Конституционного суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)», Указа Президента

ность введения на территории Чеченской Республики режима чрезвычайного положения в рамках Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» 1991 г. из-за неясности, противоречивости положений данного закона и экстраординарности ситуации, сложившейся в Чечне. Суд также приходит к выводу, что *из Конституции Российской Федерации не следует, что обеспечение государственной целостности и конституционного порядка в экстраординарных ситуациях может быть осуществлено исключительно путем введения чрезвычайного или военного положения*³. По ряду причин с такими выводами Суда можно согласиться не полностью.

Во-первых, делая неоднократно ссылки на несовершенство правовой базы режима чрезвычайного положения, ее пробельности, противоречивости, Суд как бы предрешает вывод о невозможности использования данной нормативной основы. Представляется, что в деятельность Конституционного суда не должно входить толкование законов как «ненужных» для правоприменения, ибо это может послужить поводом для неисполнения любых нормативных актов, привести к нарушениям принципов законности — неукоснительного соблюдения правовых предписаний органами государственной власти. Заметим, что в 2001 г. был принят новый Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», который предусматривает необходимые условия для эффективного применения такого правового режима.

Во-вторых, Военная доктрина РФ⁴ относит к основным задачам Вооруженных сил Российской Федерации поддержание режима военного (чрезвычайного) положения, что позволяет сделать вывод о законном применении Вооруженных сил именно в условиях режима чрезвычайного положения, поскольку это отвечает положениям со-

Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях Военной доктрины Российской Федерации».

³ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

⁴ Утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 17. Ст. 1852.

ответствующего закона (статья 17). Возникает и другое предположение: а для чего вообще существует правовой режим чрезвычайного положения, как не для достаточной государственной защиты прав и свобод человека, основ конституционного строя и обеспечения общественной безопасности? На наш взгляд, именно режим чрезвычайного положения позволяет гарантировать международные гуманитарные стандарты в случае внутреннего вооруженного конфликта.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (статья 4) обращает внимание на невозможность ограничения основных, неотъемлемых прав и свобод человека во время чрезвычайного положения в государстве, участвующем в Пакте. Имеются в виду право на жизнь, запрет пыток или жестоких, бесчеловечных либо унижающих человеческое достоинство видов обращения или наказания, свобода от рабства и подневольного труда, право на признание человеческой правосубъектности, право на свободу мысли, совести и религии и т. д.

Такой подход согласуется с закрепленной в части 3 статьи 56 Конституции РФ нормой, согласно которой в условиях чрезвычайного положения не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции РФ. Очевидно, что в действующей российской Конституции перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения, значительно расширен по сравнению с Международным пактом о гражданских и политических правах (далее — МПГПП)⁵, что может свидетельствовать о положительных перспективах развития российского законодательства в области прав и свобод человека. Это обстоятельство ранее рассматривалось в юридической литературе как спорное, и отдельные авторы предлагали внести соответствующие изменения в Конституцию РФ с целью сократить данный перечень прав и свобод до «междуна-

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 28 апр. № 17. Ст. 291; Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 32. М., 1978. С. 44–58; Бюлл. Верховного суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11; Международное публичное право: Сб. док. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 470–482; Права и свободы личности (библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита»; Вып. 11). М., 1995. С. 18–34 (извлечения); Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М.: Юрид. лит., 1990. С. 32–53.

родно-правовых стандартов»⁶. Такие предложения вряд ли удачны, поскольку представляются нецелесообразными и несвоевременными. Следует согласиться с мнением С. В. Пчелинцева, отмечавшего, что решение проблемы ограничения прав и свобод граждан возможно в рамках действующего законодательства о режиме чрезвычайного положения, без «ревизии» конституционных норм⁷. В соответствии с международно-правовыми актами любые правоограничительные меры при осуществлении режима чрезвычайного положения не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию отдельных лиц или групп населения исключительно — по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии и по другим обстоятельствам.

Основные гарантии прав и свобод человека в условиях немеждународного вооруженного конфликта подтверждаются *Сиракузскими принципами толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах*⁸. В данном документе отмечается, что в случае внутренних вооруженных конфликтов государство — участник Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. ни при каких обстоятельствах не может приостановить право на судебное разбирательство с предоставлением существенных гарантий независимости и беспристрастности (статья 3). Кроме того, должны соблюдаться во время чрезвычайного положения: право на жизнь, свобода от пыток или жестоких, бесчеловечных либо унижающих достоинство видов обращения и наказания и от медицинских или научных опытов, право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, право не подвергаться обратному действию уголовного закона, как это определено в Пакте. Обычное международное право во всех случаях запрещает отказ от таких основных прав⁹.

Существенные ограничения прав человека, введенные властями РФ в Чечне, не обосновывались ни объявлением чрезвычайного положения

⁶ См.: Лозбинев В. В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации (теория, законодательство, практика). М., 2001. С. 169–171, 184–185.

⁷ Пчелинцев С. В. Права и свободы граждан в условиях чрезвычайного и военного положения // Законность. 2003. № 14. С. 39.

⁸ Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 1992. Вып. 4. С. 65.

⁹ Там же. С. 66.

ния, ни соответствующим уведомлением структур ООН (как того требует МПГПП), ни выполнением процедуры «отступления» (как того требует Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод), ни заблаговременным информированием структур Совета Европы¹⁰. Российские правозащитные организации отмечают, что одна из главных проблем, связанных с массовыми и грубыми нарушениями прав человека в Чечне, — безнаказанность совершаемых преступлений. Это отмечалось и в резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы по чеченскому конфликту, принятой в январе 2003 г. Среди средств борьбы с такой безнаказанностью — обращение в Европейский суд¹¹. В течение 2003 г. Европейский суд признал приемлемыми шесть жалоб российских граждан, жителей Чеченской Республики, поданные в Суд еще весной 2000 г. и относящиеся к нарушениям прав мирных жителей в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера на Северном Кавказе¹². По мнению Уполномоченного по правам человека в РФ¹³, до настоящего времени отсутствует точный учет населения Чеченской Республики, пострадавшего в ходе контртеррористических операций.

В октябре 2004 г. принято постановление Палаты Европейского суда по правам человека по жалобам шести граждан России, жителей Чеченской Республики. Данное постановление указывает на грубые нарушения со стороны федеральных органов власти основных прав человека: на жизнь, на эффективные средства правовой защиты, запрет пыток. Суд отказался признать, что военная операция в 1999 г. была спланирована и проведена с должной степенью заботы о жизни гражданского населения. Характерно, что Правительство в своем возражении по этому делу не указало каких-либо внутренних правовых норм, которые бы регулировали применение силы органами государства в подобных случаях¹⁴. Это обстоятельство еще раз подтвер-

¹⁰ По данным альтернативного доклада российских неправительственных организаций «О соблюдении Российской Федерацией Международного пакта о гражданских и политических правах» // Росс. бюлл. по правам человека. 2003. № 18. С. 27.

¹¹ См.: «Чеченские» дела в Страсбурге // Росс. бюллетень по правам человека. 2003. № 17. С. 106.

¹² Там же.

¹³ См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений» от 20 марта 2003 г. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

¹⁴ См.: www.echr.coe.int

ждает недостаточность правового регулирования института чрезвычайного положения, а самое главное — отсутствие эффективных государственных гарантий защиты прав человека в условиях чрезвычайного положения.

Родственники жертв массовых казней, пропавших без вести лиц стремятся обжаловать незаконные действия федеральных сил, а также бездействие правоохранительных органов, не принимающих соответствующих решений по уголовному преследованию виновных лиц, что приводит лишь к расширению массовой незаконной практики со стороны правительственных ведомств. На очереди стоит рассмотрение вопроса о приемлемости гораздо большего числа жалоб: только Правозащитный центр «Мемориал» направил в Страсбургский суд 32 жалобы по событиям последних лет в Чечне. Примерно столько же — 26 жалоб — подготовила организация «Проект правовой инициативы для Чечни»¹⁵.

По данным упомянутых неправительственных организаций совершаемые военнослужащими федеральных сил преступления, являющиеся предметом жалоб, представляют собой нарушения положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Речь идет прежде всего о статье 2 «Право на жизнь» (убийства, обнаружение трупов людей, ранее задержанных представителями федеральных сил), статье 3 «Запрещение пыток» (пытки, причинение вреда здоровью, факты бесчеловечного и унижающего достоинство обращения), статье 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» (незаконные задержания), статье 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» (фактическое отсутствие доступа к судебной защите), статье 13 «Право на эффективные средства правовой защиты» в связи со статьями 2, 3 и 5 (отсутствие эффективных средств правовой защиты на территории Чечни)¹⁶.

Особую сложность представляет расследование таких нарушений, поскольку зачастую неясно, кто именно их совершает. В жалобах потерпевших или их представителей говорится о неизвестных представителях федеральных силовых структур, российских солдатах, личность которых не установлена. Часто задержания и аресты проводятся в ходе «зачисток» вооруженными людьми в масках, и поэтому сложно выявить конкретных виновных лиц, их ведомственную при-

¹⁵ См.: www.echr.coe.int. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 112.

надлежность. Среди общего количества жалоб на беззаконие со стороны правительственных сил особо выделим жалобы против органов внутренних дел. Так, 28 июня 2000 г. подразделение МВД России арестовало несовершеннолетних Домбаева, Лианова и Табжанова, судьба которых до сих пор неизвестна, а проводимое прокуратурой расследование не установило причин и обстоятельств этого исчезновения, не выявило ни одного подозреваемого лица¹⁷. В сентябре 2001 г. сотрудники милиции осуществили незаконный арест и пытки Саламбека Хадисова и Ислама Цечоева.

Это лишь некоторые факты из многочисленных жалоб на незаконные задержания, жестокое обращение с гражданским населением со стороны представителей правоохранительных органов, которые не только нарушают свою обязанность по поддержанию законности, но тщательно скрывают факты преступной деятельности, стараясь под любым предлогом прекратить попытки провести достоверное расследование таких дел. Заметим, что в таких ситуациях государство в целом должно нести ответственность за деятельность своих органов власти и их должностных лиц в связи с нарушением государством международных обязательств. Это относится и к нарушениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Международного пакта о гражданских и политических правах. Поэтому граждане России могут обращаться не только в Европейский суд по правам человека, но и в Комитет по правам человека.

Практику Европейского суда нельзя признать обширной по тем нарушениям, о которых говорилось выше. Показательно в свете изложенного дело *Kurt v. Turkey*, рассмотренное Судом в 1998 г. Ситуация, связанная с похищением человека в этом деле, очень напоминает события в Чечне. Суд установил, что со стороны государства имело место нарушение статей 5 и 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, выразившееся в незаконном похищении и лишении свободы потерпевшего, и, самое главное, отсутствие у лица эффективных средств правовой защиты. Бездействие властей, не признающих обоснованных требований заявителя, и отказ в проведении тщательного и добросовестного расследования, видимо, само по себе дает повод к обжалованию такого безразличия к судьбе своих граждан в международные судебные инстанции. Ана-

¹⁷ См.: www.echr.coe.int. С. 113.

логичными примерами являются и другие прецеденты Европейского суда: *Kaya, Aksoy, Akdivar v. Turkey, McCann and others v. the United Kingdom*¹⁸. Эти дела объединяют как схожесть фактических обстоятельств, так и юридических оснований жалоб потерпевших. Дела против Турции характерны нарушением прав на жизнь, защиту от пыток в условиях проведения вооруженных операций в районах с режимом чрезвычайного положения. Великобритания не одно десятилетие борется с террористами из Северной Ирландии, но дело *McCann* является показательным, что не всегда в ходе проводимых властями спецопераций соблюдается важнейшее из прав человека — право на жизнь. В данном решении был дан такой комментарий: *Суд не убежден, что лишение жизни трех террористов представляло собой применение силы, абсолютно необходимой для защиты людей от противоправного насилия по смыслу пункта «а» части 2 статьи 2 Конвенции. Упущение властей также дает основания предполагать, что не была проявлена необходимая осторожность при контроле и проведении операции ареста*¹⁹. Подобный подход можно встретить в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г., где предусмотрено применение силы и огнестрельного оружия только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения обязанностей должностных лиц по поддержанию правопорядка (статья 3)²⁰.

Особый интерес вызывает дело *Ilaşcu and others v. Moldova and Russia*²¹. Заявители обжаловали нарушение статьи 2 (незаконное вынесение смертного приговора), статьи 3 (жестокое обращение с лицами, содержащимися в тюремном заключении) и других норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Примечательно, что рассматриваемые нарушения произошли в период введенного на территории Молдавии чрезвычайного режима, связанного с конфликтом в Приднестровье, где в 1992 г. находились российские войс-

¹⁸ См. решения Европейского суда по правам человека по делу *McCann and others v. the United Kingdom* от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324; по делу *Kaya v. Turkey* от 15 февраля 1998 г. по делу *Aksoy v. Turkey* от 18 декабря 1996 г.

¹⁹ Европейский суд по правам человека: Избр. решения: В 2 т. М.: НОРМА, 2000.

²⁰ См.: Сб. стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992. С. 159.

²¹ См. решение Большой палаты Европейского суда по правам человека от 4 июля 2001 г. по вопросу приемлемости жалобы № 4878 /99 по делу *Ilaşcu and others v. Moldova and Russia*.

ка, принимавшие участие в этом вооруженном конфликте. Не рассмотрев жалобу по существу, Суд признал ее приемлемой и тем самым подтвердил ситуацию возможного нарушения прав заявителей и фактическое бездействие со стороны государств, должным образом не предоставившим жертвам нарушений внутригосударственных гарантий правовой защиты.

По словам Уполномоченного РФ при Европейском суде по правам человека П. А. Лаптева, число жалоб, поданных в Суд, возрастает буквально из всех стран²². Начиная с 5 мая 1998 г. против России было подано более 22 тысяч жалоб. Значительный рост произошел на рубеже 2003 г. по причине вступления в силу новых Гражданского процессуального и Уголовно-процессуального кодексов. В результате значительно сократились возможности пересмотра судебных решений как по уголовным, так и по гражданским делам в порядке надзора. В 2004 г. ситуация стабилизировалась. Постановления Европейского суда, вынесенные по существу против России: в 2002 г. их было 2, 2003 г. — 5, 2004 г. — 15, на начало 2005 г. признаны приемлемыми и ожидают рассмотрения по существу 64 жалобы²³.

Решения Европейского суда по правам человека в силу своей обязательности могут оказать влияние на российскую практику применения европейских стандартов прав и свобод человека. По смыслу Конвенции о правах человека и основных свобод Европейский суд является международным механизмом восстановления нарушенных прав граждан и ограничивающим произвол со стороны государства.

²² Российская газета. 2005. 16 марта // www.rg.ru

²³ Там же.

РАЗДЕЛ II

Глава 4. пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение¹

Кевин Бойл*

4.1. Введение

Абсолютное право

В отличие от статьи 2 Конвенции статья 3 гарантирует абсолютное право. С 11 сентября 2002 г. после проведенных атак в Соединенных Штатах предметом обсуждения в западных странах стал вопрос, могут ли пытки быть признаны правомерными в ситуациях, когда речь идет о их применении к подозреваемым в совершении террористических актов. Часто в качестве примера ссылаются на пример «тикающей бомбы». Вопрос также был поднят в прошлом году в Германии, когда полицейские расследовали случай похищения и предполагаемого убийства 11-летнего Якоба фон Метлера. Могла ли полиция угрожать подозреваемому применением пыток для получения информации и возможного спасения жизни ребенка в этом случае? На этот вопрос должен быть дан отрицательный ответ: право является абсолютным. Однако в таких затруднительных ситуациях, если офицер

* Кевин Бойл — профессор права, Центр по правам человека Эссекского университета, Великобритания. Автор хотел бы выразить признательность и поблагодарить Хестора Уэддэмса, LL.M, аспиранта, за существенный вклад в обновление материала, содержание в главе.

¹ Перевод с английского Людмилы Чуркиной, юриста Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник».

полиции угрожал жестоким обращением или обращался жестоко в нарушение статьи 3, суды могут с легкостью сослаться на моральные причины, под влиянием которых офицер полиции действовал, и осудить его, не назначая наказания или назначив условное наказание.

Легче предупредить болезнь, чем вылечить: поэтому с 80-х годов Европейский комитет по предотвращению пыток (далее — КПП) активно посещал страны и проверял места лишения свободы на наличие гарантий против жестокого обращения с задержанными или лицами, находящимися в психиатрических клиниках. Эти отчеты представляют ценность при рассмотрении дел Европейским судом по правам человека, так как они могут подтвердить факты об условиях содержания в местах лишения свободы в различных странах. Увеличивающаяся ценность отчетов КПП для Европейского суда по правам человека явно видима в делах, которые касаются условий содержания заключенных, которые в свое время находились в камере смертников в украинских тюрьмах². Несмотря на тот факт, что КПП посещал камеры смертников только в одном из вышеуказанных заведений (в Симферополе), все шесть постановлений содержат длинный (идентичный по содержанию) раздел, который содержит фактические сведения, полученные во время его визитов в камеры смертников на Украину в 1998–2000 гг.

Обязательства государства

Статья 3 в сочетании с другими статьями Конвенции налагает негативное обязательство, которое требует, чтобы государство воздерживалось от пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

На государства также налагается позитивное обязательство по принятию мер по защите индивида от жестокого обращения не только со стороны представителей государства, но и частных лиц. Кроме того, государства обязаны проводить эффективное расследование по жалобам на нарушение статьи 3 и обеспечить эффективную систему защиты прав жертв, пострадавших от подобного обращения.

² См. решения Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2003 г. по делам: *Aliev v. Ukraine, Nazarenko v. Ukraine* — о заключенных, содержащихся в Симферополе; *Kuznetsov v. Ukraine, Poltoratskiy v. Ukraine* — о заключенных, содержащихся в Иваново-Франковске; *Dankevich v. Ukraine* — о заключенном, содержащемся в Запорожье; *Khokhlich v. Ukraine* — о заключенном, содержащемся в Хмельницком.

Бремя и стандарт доказывания

В большинстве дел на заявителе лежит обязанность доказать «вне разумных сомнений», что государство подвергло заявителя обращению или наказанию, противоречащему статье 3. Однако дело *Anguelova*³ отражает практику Суда, когда лицо, не имеющее телесных повреждений в период, предшествовавший взятию его под стражу, получило травмы после пребывания под стражей. В таких случаях бремя доказывания переносится на государство, и государство обязано представить правдоподобное объяснение причин возникновения травм, если же оно не может этого сделать, то есть основание говорить о нарушении статьи 3.

Дело *Anguelova v. Bulgaria* было рассмотрено после дел *Tomasi v. France*⁴ и *Selmouni v. France*⁵. В деле *Anguelova* 17-летнего молодого человека (Z) преследовала полиция, он был арестован. Несколько часов спустя он умер в полиции. Первоначальное полицейское расследование установило, что смерть Z наступила в результате падения, когда его преследовали. Однако во втором отчете было указано, что повреждения головы могли быть нанесены во время задержания Z. Заявитель жаловался, что Z умер в результате повреждений, причиненных полицией, и что ему не оказали медицинской помощи надлежащим образом, пока он находился в полиции. Суд признал, что правительство не представило правдоподобных объяснений относительно появления повреждений на теле господина Z, хотя повреждения указывали на бесчеловечное обращение, превышающее минимальный уровень жестокости, предусмотренный статьей 3 Конвенции.

Понятия и термины

Статья 3 гласит: *Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию.*

Какие виды обращения и наказания понимаются под пытками, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением или наказа-

³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Anguelova v. Bulgaria* от 13 июня 2002 г.

⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tomasi v. France* от 27 августа 1992 г.

⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Selmouni v. France* от 28 июля 1999 г.

нием? Статья 3 устанавливает «скользящую» шкалу жестокого обращения.

Жестокое обращение, включая пытку, бесчеловечное, унижающее достоинство человека обращение, запрещено, и в некотором смысле не имеет значения, под какую категорию из указанных оно подпадает — за исключением тех случаев, когда возникают вопросы компенсации.

Существуют серьезные споры о понятии «пытка», но нет необходимости вдаваться в них сейчас. В различных делах Европейский суд по правам человека раскрывает понятия основных терминов. Под пыткой понимается намеренное бесчеловечное обращение, причиняющее лицу очень серьезные и жестокие страдания. Если сформулировать по-другому, то «пытка» представляет собой усугубленный и преднамеренный вид бесчеловечного обращения, часто используемый для того, чтобы получить от лица сведения или признания, или применяется в качестве наказания. «Бесчеловечное обращение или наказание» — это причинение интенсивных физических или психических страданий, в то время как «унижающее достоинство человека обращение или наказание» вызывает у жертвы чувства страха, тревоги и неполноценности, приводящие к его унижению и запугиванию, а также к снижению его способности к физическому или моральному сопротивлению.

Не все виды жестокого обращения подпадают под действие статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Чтобы квалифицироваться как запрещенное данной статьей, плохое обращение должно достигать минимального уровня жестокости. Тем не менее иногда бывает трудно провести границу между жестоким обращением и унижающим достоинство обращением. В деле *Kudla v. Poland*⁶ Суд отметил, что для установления нарушения статьи 3 перенесенные страдания и унижения должны превышать те, что являются неизбежной частью страданий и унижений, связанных с данной формой законного обращения или наказания. Такое обращение, в зависимости от обстоятельств, может быть преступлением по национальному законодательству; Страсбург ориентируется на минимальный, а не на максимальный уровень. Минимальный уровень жестокости определяется такими факторами, как продолжительность,

⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kudla v. Poland* от 26 октября 2000 г.

физическое и психологическое воздействие, пол, возраст и состояние здоровья жертвы⁷.

4.2. Пытки

Много дел возникает в связи с задержанием заявителей полицией, когда они подвергаются насилию во время допроса. Как уже отмечалось ранее, разграничение различных видов жестокого обращения было включено в Конвенцию, чтобы позволить поставить клеймо «пытка» только на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень сильные и мучительные страдания. С точки зрения международного права, пытки могут быть применены со стороны публичных органов или их представителей.

Стандарт понятия пыток был снижен в результате рассмотрения дела *Selmouni v. France*⁸, в котором лицо избивали в течение нескольких дней бейсбольной битой, били кулаками и ногами. Суд заявил, что это были пытки и что некоторые действия, которые ранее квалифицировались как «жестокое и бесчеловечное обращение», в настоящее время квалифицируются как «пытки», так как высокий стандарт, который сейчас существует в области прав и свобод человека, требует большей твердости в оценке недостатков в обеспечении основополагающих ценностей демократического общества.

«Палестинское подвешивание»

Пример одного из самых жестоких видов нарушения статьи 3 можно обнаружить в деле *Aksoy v. Turkey*⁹. В данном деле заявителя, среди прочего, подвешивали за руки, связанные за его спиной, в течение нескольких дней. Такое обращение называется «палестинским подвешиванием».

По мнению Суда, такое обращение может быть осуществлено только преднамеренно; требуются определенная подготовка и усилия, чтобы осуществить это. Такое обращение, вероятно, было предпринято с целью получения информации и признания от заявителя. Кроме

⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ireland v. United Kingdom* от 18 января 1978 г., Series A no. 25, p. 65

⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Selmouni v. France* от 28 июля 1999 г.

⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Aksoy v. Turkey* от 18 декабря 1996 г.

сильной боли, которое такое обращение, вероятно, вызвало в то время, оно также привело к параличу обеих рук, как впоследствии установило медицинское освидетельствование, который продолжался некоторое время. Суд сделал вывод, что это обращение носило такой серьезный и жестокий характер, что его можно квалифицировать как пытку.

Изнасилование

В деле *Aydin v. Turkey*¹⁰ женщина была арестована вместе с ее отцом и невесткой. Деревенские охранники и жандармы забрали их в жандармерию. Во время задержания у заявителя глаза были завязаны. Она подверглась побоям, была раздета донага, помещена в шину, которая крутилась под толчками наполняемой воды. Затем ее отвели в другую комнату, где она была изнасилована одним из сотрудников сил безопасности. Она и члены ее семьи были освобождены через три дня.

Представители государства отрицали, что заявитель и другие члены семьи в тот день находились под стражей. В то время заявителю было 17 лет, и она также подверглась другим формам физического и психологического насилия. Эти ужасные и унижительные действия и акты насилия, особенно акт изнасилования, Суд квалифицировал как пытку.

Насильственное кормление

В деле *Nevmerzheritsky v. Ukraine*¹¹ заявителя, который объявил голодовку, заставили глотать резиновую трубку в пищевод для принудительного кормления. Хотя Украина настаивала, что это было необходимо для медицинских целей, заявитель утверждал, что его заставляли другие задержанные, которые были уже осуждены, а не медицинский персонал. В ходе принудительного кормления, которое происходило 5 раз в неделю, его часто приковывали наручниками к стулу или батарее и заставляли глотать трубку, которая была присоединена к 12-литровой бадье со специальной питательной смесью. Суд признал, что такое обращение было равноценно пытке.

¹⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Aydin v. Turkey* от 25 сентября 1997 г.

¹¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Nevmerzheritsky v. Ukraine* от 5 апреля 2005 г.

4.3. Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение

Суд признал, что понятие «бесчеловечное обращение» включает в себя, по крайней мере, такие действия, которые умышленно причиняют сильные страдания, нравственные или физические, что в данной ситуации является неприемлемым.

Суд признал подобное обращение «бесчеловечным», поскольку, среди прочего, оно было преднамеренным, применялось одновременно в течение многих часов и причиняло серьезный физический ущерб или сильные физические и нравственные страдания.

Обращение считается «бесчеловечным», потому что оно применяется с целью унижить или оскорбить жертву, вызвать чувства страха, тревоги и неполноценности, приводящие к его унижению и запугиванию, а также снизить его способность к физическому или моральному сопротивлению¹².

При решении вопроса, является ли обращение «унижающим достоинство» в смысле статьи 3, Суд решает вопрос, имеет ли оно своей целью унижение или оскорбление жертвы и, что касается обстоятельств, влияет ли это неблагоприятно на его или ее личность таким образом, что противоречит статье 3. Но отсутствие такой цели не может однозначно исключить нарушение статьи 3¹³.

Для установления нарушения статьи 3 перенесенные страдания и унижения должны превышать те, что являются неизбежной частью страданий и унижений, связанных с данной формой законного обращения или наказания. Это должно обеспечить государство. Кроме того, государство обязано защищать здоровье и благополучие заключенного, учитывая при этом практические требования тюремного заключения¹⁴. В завершение можно привести комментарий из дела *Yuksul v. Turkey*¹⁵, в котором Суд заявил, что *любое обращение к физической силе, которое не было обязательным в связи с поведением заявителя, унижает достоинство человека.*

¹² См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Tyrer v. the United Kingdom* от 25 апреля 1978 г.; *Soering v. the United Kingdom* от 7 июля 1989 г.; *V. v. the United Kingdom* (no. 24888/94), *Valasinas v. Lithuania* (no. 44558/98) от 24 июля 2001 г.

¹³ См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Peers v. Greece* (no. 28524/95) от 19 апреля 2001 г.; *Kalashnikov v. Russia* (no. 47095/99) от 15 июля 2002 г.

¹⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kudla v. Poland* от 26 октября 2000 г.

¹⁵ См. дело *Yuksul v. Turkey*.

По существу, страдание от бесчеловечного обращения означает психическое или физическое страдание, в то время как унижающее достоинство обращение означает лишение достоинства. Часто Суд признает, что обращение было и бесчеловечным, и унижающим достоинство.

Бесчеловечное обращение

Условия в камере, причиняющие страдания

В деле *Saleh Tekin v. Turkey*¹⁶ у заявителя была только одна почка, и его держали четыре дня при температуре ниже нуля, без постели и одеяла, поэтому такое обращение представляло собой бесчеловечное и унижающее обращение.

Операции, проводимые военными и полицейскими, по разрушению деревень

В деле *Dulas v. Turkey*¹⁷ на глазах деревенской женщины курдского происхождения, которой было более 70 лет, турецкие военные в ходе операции подожгли дома в ее деревне, в том числе и ее дом и имущество, тем самым лишив заявителя всего, что у нее было, и заставив ее покинуть деревню. Суд установил, что это должно было причинить заявителю страдания достаточно сильные, чтобы действия войск безопасности можно было назвать бесчеловечным обращением в значении статьи 3 Конвенции.

Отсутствие соответствующего медицинского обслуживания

Джудит МакГлинчи, наркоманка, будучи больной, была отправлена в тюрьму, где ей не оказали соответствующей медицинской помощи, в результате она умерла.

Из-за постоянной рвоты в ее организме не удерживалась пища, она потеряла в весе 10 кг за несколько дней заключения. Она позволила своей маме и со слезами сообщила, что умирает и что ей не дают достаточно лекарств, чтобы контролировать симптомы воздержания от героина или рвоты. Администрация тюрьмы утверждает, что это было связано с ее низким кровяным давлением. Такая ситуация в совокупности с причиненными Джудит МакГлинчи болью и страданиями

¹⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Saleh Tekin v. Turkey* от 9 июня 1998 г.

¹⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Dulas v. Turkey* от 30 января 2001 г.

ями представляла очень серьезные риски для ее здоровья. Суд отметил, что тюремные власти не обеспечили возможность с точностью установить вес жертвы, — фактор, который мог бы указать на серьезность ее состояния, но не был принят во внимание из-за неточности весов. В медицинском наблюдении был перерыв в выходные дни, в течение которых произошло дальнейшее значительное снижение веса. Тюремные власти не приняли более эффективных мер по оказанию медицинской помощи жертве, таких как помещение ее в больницу, где она могла получать лекарства и жидкости внутривенно, или приглашение более квалифицированного специалиста, который мог бы остановить у нее рвоту. Суд признал, что *... учитывая ответственность администрации тюрьмы за предоставление соответствующей медицинской помощи заключенным, Суд признает, что в данном деле было нарушение стандартов, предусмотренных статьей 3 Конвенции*¹⁸.

Неизлечимая болезнь осужденного

В деле *Mouisel v. France*¹⁹ заявитель был признан виновным в совершении вооруженного ограбления и приговорен к 15 годам лишения свободы. Он отбыл в заключении 2/3 срока, когда у него обнаружили лейкемию. Диагноз был поставлен в январе 1999 г. Было необходимо, чтобы он посещал больницу каждые три недели для проведения химиотерапии. Он страдал от сильной физической и психической боли. В соответствии с законом от 15 июня 2000 г. заключенные могли быть освобождены с особого разрешения, когда они нуждались в проведении лечения. Кроме того, на основании Закона от 4 марта 2002 г. «О правах больных» исполнение приговора может быть приостановлено, если заключенные опасно больны или их заболевание находится в прогрессирующей стадии, что несовместимо с их дальнейшим пребыванием в заключении. Однако было признано, что заявителю не было предоставлено лечение в данный период.

Господин Mouisel находился в заключении до 22 марта 2001 г. Он жаловался на то, что его водили в больницу в цепях. Этот факт не был подтвержден. Но Суд признал, что его водили в больницу в наручниках, учитывая, что такое обращение противоречит рекомендациям

¹⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McGlinchey v. the United Kingdom* от 29 апреля 2003 г.

¹⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mouisel v. France* от 14 ноября 2002 г.

Европейского комитета по предотвращению пыток относительно условий, в которых заключенные перемещаются и осматриваются врачами. Суд признал, что в течение периода до того, как его освободили, *национальные власти не обеспечили получение заявителем соответствующей медицинской помощи, что противоречит статье 3 Конвенции. Его продолжающееся содержание в тюрьме, особенно начиная с июня 2000 г., являлось нарушением его человеческого достоинства и вызвало страдания*...²⁰. Соответственно, статья 3 была нарушена.

Приковывание к кровати в больнице

Еще одно дело в отношении Франции касается больного заключенного — это дело *Henaf v. France*²¹. Заявитель был крепко прикован к кровати в больнице, хотя он отбывал длительный срок и ему оставалось несколько недель до освобождения, что означало, что он вряд ли бы сбежал. Кроме того, к его палате были приставлены два охранника для дополнительных мер предосторожности. При этих обстоятельствах приковывание к кровати составляло бесчеловечное обращение.

Унижающее достоинство обращение

Личный обыск заключенных

Ряд дел, касающихся Нидерландов, были связаны с нарушением статьи 3 в связи с содержанием в особо охраняемых тюрьмах. Большое количество вспышек насилия в тюрьмах в 80-х и 90-х годах привело к тому, что голландские власти, исходя из соображений безопасности, поместили нарушителей в особо охраняемые тюрьмы. В делах *Van Der Ven v. Netherlands*²² и *Lorse v. Netherlands*²³ Суд признал подобные действия нарушением статьи 3.

²⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mouisel v. France*, решение от 14 ноября 2002 г. См. также решения Европейского суда по правам человека по делам: *Gellmann v. France* (отказ от освобождения заключенного, зараженного СПИДом) от 14 декабря 2004 г.; *Farbtuhs v. Latvia* (продолжительное содержание заключенного, несмотря на его преклонный возраст, слабость и плохое состояние здоровья также было признано бесчеловечным обращением) от 2 декабря 2004 г.

²¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Henaf v. France* от 27 ноября 2003 г.

²² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Van Der Ven v. Netherlands* от 4 февраля 2003 г.

²³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Lorse v. Netherlands* от 4 февраля 2003 г.

В прошлом Суд считал, что содержание в особо охраняемых тюрьмах, имеющих большие меры предосторожности, не может само по себе составлять нарушение статьи 3. Суд должен, как заявлено ранее, проанализировать личную ситуацию заявителя и как на нее или на него повлияет режим. Полная сенсорная и социальная изоляция рассматривается Судом как обращение, направленное на разрушение личности и составляющее нарушение статьи 3, но если заявителя перевели из одной тюрьмы в другую в целях соблюдения мер безопасности либо обеспечения дисциплины, это необязательно составляет нарушение²⁴. Суд признал, что внимание должно быть уделено особым условиям, безотлагательности мер, длительности обращения, преследуемой цели и влиянию примененных мер на человека²⁵. Однако в этих делах Суд ранее признал, что личные обыски могут быть оправданы соображениями безопасности либо предотвращением беспорядков или совершения преступлений²⁶. Господин Лорс и господин Ван Дер Вен подвергались досмотру каждую неделю в течение нескольких лет, в дополнение к другим строгим мерам безопасности. Ни разу ничего, не соответствующего требованиям, не было найдено во время личного досмотра. Поэтому Суд признал, что, учитывая все остальные меры безопасности, регулярные обыски унижали человеческое достоинство заявителя, вызывали у него душевные страдания и чувство унижения, в результате чего было нарушено его человеческое достоинство в нарушение статьи 3 Конвенции²⁷.

²⁴ См. решение Европейского суда по правам человека о приемлемости по делу *Messina v. Italy* от 8 июня 1999 г.

²⁵ См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Dhoest v. Belgium* от 14 мая 1987 г.; *McFeeley and Others v. the United Kingdom* от 15 мая 1980 г.

²⁶ См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Valasinas v. Lithuania* (no. 44558/98) от 24 июля 2001 г.; *Iwanczuk v. Poland* от 15 ноября 2001 г.; *McFeeley and Others v. the United Kingdom* от 15 мая 1980 г.

²⁷ См. дело *YF v. Turkey* — заявитель жаловался на то, что его жена была подвергнута принудительному осмотру гинеколога. В октябре 1993 г. заявитель и его жена были доставлены в полицейский участок по подозрению в оказании помощи курдской рабочей партии. Его жена находилась в полицейском участке в течение 4 дней. Она жаловалась, что у нее были завязаны глаза и что полицейские били ее дубинками, оскорбляли ее и угрожали изнасиловать. Затем ее осмотрел гинеколог. Позже заявитель и его жена были освобождены. Заявитель жаловался на нарушение статьи 8 Конвенции, поскольку принудительный осмотр гинекологом его жены нарушает ее право на частную жизнь. Правительство заявляло, что было невозможно провести такой осмотр без ее согласия и что она могла возражать. Однако она не могла оказывать сопротивление, поскольку находилась в руках властей, которые осуществляли пол-

Бритье волос заключенных

В деле *Yankov v. Bulgaria*²⁸ 55-летний мужчина, образованный и имеющий ученую степень, содержался в изоляторе в течение 7 дней. Его голову насильно побрили. Данное дело, по мнению Суда, сводится к принудительному изменению внешности гражданина помимо его воли, что может вызвать у него чувство унижения. Оно сохраняется в течение определенного времени, так как следы его видны администрации, сокамерникам и посетителям публичных мест — в случае, если потерпевший освобождается или доставляется в публичное учреждение.

Суд отверг как необоснованные утверждения ответчика о том, что голову заявителя побрили из гигиенических соображений. Данных о каких-либо заболеваниях в тюрьме Суду не представлены; кроме того, неясно, почему при помещении в штрафной изолятор должны приниматься более строгие гигиенические меры, чем в других помещениях тюрьмы. Если даже власти специально не ставили перед собой цели унижения заявителя, эта мера, не имеющая разумного обоснования, содержит в себе произвольный карательный элемент и может казаться потерпевшему направленной на его унижение или подчинение, тем более что в данном случае у заявителя были основания так считать.

Возраст заявителя и тот факт, что с побритой головой ему пришлось появиться на судебном заседании спустя 9 дней после того, как его побрили, признаны Судом приемлемыми. Таким образом, Суд признал, что обращение было унижающим достоинство человека. Суд не рассматривал вопросы, связанные с его содержанием в изоляторе.

Переполненность

В деле *Kalashnikov v. Russia*²⁹ заявитель содержался в течение четырех лет в камере, предназначенной для 8 человек, но содержащей

ный контроль над ней во время задержания. Суд признал, что имело место «вмешательство со стороны публичной власти» в осуществление права на уважение частной жизни и что это не было «предусмотрено законом», преследуя одну из законных целей, предусмотренных статьей 8 и «необходимых в демократическом обществе» для достижения данной цели, потому что не было ни медицинской необходимости, ни требования со стороны прокурора, как установлено национальным законодательством. Имело место нарушение статьи 8.

²⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Yankov v. Bulgaria* от 11 декабря 2003 г.

²⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kalashnikov v. Russia* от 15 июля 2002 г.

от 18 до 21 человека. Он находился в одной камере с лицами, страдающими от сифилиса и туберкулеза. Туалет находился на всеобщем обозрении и не являлся частной зоной. Заявителя осматривали перед судом, чтобы установить влияние задержания на его умственное и физическое состояние здоровья, и поскольку заявитель должен был предстать перед судом, в своем отчете медицинские эксперты указали на то, что заявитель страдал нейроциркулярной дистонией, астеноневротическим синдромом, хроническим гастродуоденитом, грибковой инфекцией на руках и ногах, микозом. Суд принимает во внимание тот факт, что в данном деле не было прямого умысла на унижающее и бесчеловечное обращение с заявителем. Однако Суд посчитал, что условия содержания заявителя должны были привести к значительным нравственным страданиям, унижающим его достоинство и причиняющим чувство беспомощности и унижения.

В деле *Peers v. Greece*³⁰ гражданин Соединенного Королевства был признан виновным в совершении преступлений, связанных с наркотиками, в 1995 г. и содержался в тюрьме Коридалоса в Греции. Он жаловался на плохие условия: камера была маленькой, предназначена для одного человека, но в ней содержалось двое; ночью вентиляция не работала; было очень жарко; в камере был азиатский туалет. Суд признал, что хотя у властей не было намерения унижать, факт того, что власти не предпринимали никаких мер, чтобы улучшить условия содержания заявителя, несмотря на жалобы, указывающие на отсутствие уважения к его правам, что представляет собой унижающее достоинство обращение.

Места содержания для инвалида, не соответствующие требованиям

В деле *Price v. the United Kingdom*³¹ заявитель Адель Урсула Прайс жаловалась на обращение, которому она была подвергнута во время короткого заключения в тюрьме, куда она была отправлена за неуважение к суду.

Госпожа Прайс — инвалид с четырьмя дефектными конечностями вследствие спровоцированной талидомидом фокомелии. Она также страдает болезнью почек. Ей пришлось провести ночь в камере

³⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Peers v. Greece* от 19 апреля 2001 г.

³¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Price v. the United Kingdom* от 10 июля 2001 г.

полицейского участка графства Линкольн. В камере было холодно. Данная камера, оборудованная деревянной койкой с матрасом, не была приспособлена для содержания инвалида. Как только ее направили в больницу при тюрьме Уэйкфилд, тюремный врач записал, что заявитель в медицинском пункте испытывает следующие неудобства: *Койка — слишком высокая, умывальник — расположен высоко, движение ограничено, так как садится аккумулятор коляски, потребление жидкости — любит сок (его нет), диета — вегетарианская, общая гигиена — нуждается в помощи...* В своем решении от 2001 г. Суд признал, что в рассматриваемом деле «нет свидетельств определенного намерения унижить достоинство заявителя». Однако Европейский суд посчитал, что содержание женщины с тяжелой инвалидностью в помещении с опасно низкой температурой, где из-за жесткой и недоступной койки у нее могли появиться пролежни и где она, не испытывая при этом чрезвычайных трудностей, не могла сходить в туалет или обмыться, является унижающим достоинство человека обращением, противоречащим статье 3 Конвенции.

Порка

В деле *Tyrer v. the United Kingdom*³² 15-летний житель острова Мэн был приговорен к порке, поскольку существовала такая местная практика. Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции, признав телесное наказание, примененное к заявителю, унижительным. В данном деле Правительство Соединенного Королевства аргументировало, что общественное мнение поддерживало телесные наказания, так как это было сдерживающим средством, однако Суд указал, что наказание не теряет унижительного характера только потому, что общество верит, что это помогает при контроле за правонарушениями. Сила насилия и физические и/или моральные страдания достигают «уровня» достаточного, чтобы квалифицировать действие как унижающее достоинство обращение.

Дискриминация

Статья 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод специально запрещает дискриминацию по расовым или другим признакам. В деле *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v.*

³² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tyrer v. the United Kingdom* от 25 апреля 1978 г.

*the United Kingdom*³³ заявители, на законных основаниях проживающие в Великобритании, не имели возможности воссоединиться со своими мужьями. Было признано нарушение статьи 8 в сочетании со статьей 14. Суд не признал нарушение статьи 3, поскольку подобное обращение «не имело целью... унижить заявителей». Такой подход совпадает с решением, вынесенным в Страсбурге по делу *East African Asians v. the United Kingdom*³⁴, в котором было признано, что необходимо уделять особое внимание дискриминации по признаку расы и публичное выделение группы лиц для иного обращения с ними по расовому признаку при определенных обстоятельствах может быть особой формой оскорбления человеческого достоинства и тем самым быть равносильно унижающему достоинство обращению.

Вывод

При определении, нарушило ли действие государства статью 3 или нет, принцип уважения человеческого достоинства является основным фактором: получив сообщение о нарушении этого принципа, судья может признать, что имело место нарушение статьи, даже если не было применено насилие³⁵.

4.4. Позитивные обязательства

В соответствии с юриспруденцией Суда у государства есть обязательство принимать меры, чтобы обеспечить защиту от действий, противоречащих статье 3, для всех, кто находится под юрисдикцией государства. Эта концепция впервые появилась в деле *Costello-Roberts v. the United Kingdom*³⁶. Школьный учитель шлепнул мальчика кроссовкой на резиновой подошве. Суд признал, что за подобное обращение в частной школе, которое противоречит Конвенции, несет ответственность государство, хотя в данном случае не был превышен мини-

³³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom* от 28 мая 1985 г.

³⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *East African Asians v. the United Kingdom* от 15 декабря 1973 г.

³⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *D. v. the United Kingdom* от 2 мая 1997 г.

³⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Costello-Roberts v. the United Kingdom* от 23 марта 1993 г.

мальный уровень жестокости. Кроме того, поскольку заявитель мог подать гражданский иск к школе, средство защиты существовало.

Наблюдается существенный рост числа дел, касающихся выдачи или депортации лиц в страну, где они могут быть подвергнуты обращению, не соответствующему стандартам статьи 3.

Впервые этот принцип был применен в известном деле *Soering v. the United Kingdom*³⁷, в котором Суд заявил, что высылка или выдача лица могут нарушать статью 3 Конвенции в тех случаях, когда есть серьезные причины полагать, что данное лицо в принимающем государстве станет жертвой обращения, противоречащего данной статье. Можно отметить, что в деле *Soering* речь шла о синдроме камеры смертников, что являлось «бесчеловечным и унижающим достоинство обращением»; в условиях применения смертной казни Протоколом № 6 установлены дополнительные нормы, которые запрещают государствам, подписавшим Протокол, высылать или депортировать лиц в государства, где они будут подвергнуты смертной казни. Однако для тех государств, которые не ратифицировали Протокол № 6 или когда существует риск применения к лицам пыток и других форм жестокого обращения, действует статья 3.

Этот принцип был применен еще в двух делах в 2004 г., когда Нидерланды угрожали изгнанием тамиллов в Шри-Ланку³⁸. В деле *Ahmed v. Austria*³⁹ выходца из Сомали, который хотел получить статус беженца в Австрии, не депортировали в Сомали, несмотря на тот факт, что он был обвинен в грабеже. Поскольку для него существовал риск быть подверженным жестокому обращению, Суд заявил, что депортация его будет нарушением статьи 3 со стороны Австрии.

Новые дела, подпадающие под данную категорию, в которых вышеуказанный принцип может иметь место, появились недавно. В этих делах заявитель страдает от опасного для жизни заболевания, из-за которого он или она подвергаются лечению и аргументируют, что его или ее депортация в их страну приведет к прекращению лечения и таким образом к нарушению статьи 3. Большинство заявителей стра-

³⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Soering v. the United Kingdom* от 7 июля 1989 г.

³⁸ См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Venkadajalarma v. the Netherlands*, no. 58510/00 от 17 февраля 2004 г.; *Thampibillai v. the Netherlands* от 17 февраля 2004 г.

³⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ahmed v. Austria* от 17 декабря 1996 г.

дали от ВИЧ-инфекций или СПИДа. В деле *D. v. the United Kingdom*⁴⁰ Суд заявил, что депортация заявителя, больного СПИДом, на остров Сент-Киттс нарушила бы статью 3. Заявитель находился «в критической стадии его заболевания» или «в завершающей стадии заболевания». Он заявил, что на острове Сент-Киттс нет медицинских препаратов для его лечения. Два других дела касались жертв ВИЧ-инфекций на менее опасных стадиях и были признаны приемлемыми, но позже было заключено мировое соглашение. Все другие дела, подпадающие под эту категорию, были признаны неприемлемыми на настоящий момент⁴¹. Во всех этих делах Комиссия или Суд спрашивали себя, будет ли высылка «противоречить стандартам статьи 3 с точки зрения состояния здоровья заявителя». Их выводы в деле *Henaou v. the Netherlands*⁴² сводятся к следующему:

...нет доказательств, что болезнь заявителя достигала такой стадии, чтобы его нельзя было высылать или что у него нет перспективы получить медицинскую помощь или поддержку близких родственников в своей родной стране.

Очевидно, что Европейский суд осознает, что позитивное решение по данным делам может привести в определенной степени к риску переезда некоторых жертв, больных ВИЧ-инфекцией или СПИДом, в страны, где действует Конвенция в связи с пониманием, что о них позаботятся и им не будет угрожать депортация. В принципе иностранцы, которые подвергаются высылке, не могут жаловаться на нарушение права остаться на территории государства-участника, чтобы таким образом продолжить получение медицинской или социальной помощи.

Позитивное обязательство государств в соответствии со статьей 3 в настоящее время расширяется до реализации прав лиц, подпадающих под их юрисдикцию, посредством предоставления соответствую-

⁴⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *D. v. the United Kingdom* от 2 мая 1997 г.

⁴¹ См. решения Европейского суда по правам человека по делам: *Karara v. Finland*, Application no. 40900/98 от 29 мая 1998 г.; *MM v. Switzerland*, Application no. 43348/98 от 14 сентября 1998 г.; *SCC v. Sweden*, Application no. 46553/99 от 15 февраля 2000 г.; *Henaou v. the Netherlands*, Application no. 13669/03 от 24 июня 2003 г.; *Ndangoya v. Sweden* от 22 июня 2004 г. и *Ameignan v. The Netherlands*, Application no. 25629/04 от 25 ноября 2004 г.

⁴² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Henaou v. the Netherlands* от 24 июня 2003 г.

ющих административных, судебных и законодательных мер. Это было исследовано в деле *M. C. v. Bulgaria*⁴³. Заявителем была четырнадцатилетняя девочка, которая жаловалась на то, что двое мужчин, которых она знала, изнасиловали ее. В отношении мужчин не было возбуждено уголовное дело, так как следователи посчитали, что не было достаточно «прямых доказательств» «применения силы». Заявитель жаловалась, что болгарское законодательство и правоприменительная практика, которые оставляют изнасилование безнаказанным, если нет доказательств применения физической силы и физического сопротивления со стороны жертвы, не являлись достаточной защитой от сексуального насилия. Более того, власти не провели эффективного расследования фактов.

Поскольку Суд обнаружил, что понятие «изнасилование» в болгарском уголовном праве не отличается значительно от понятия, принятого в других государствах, существует разница в отношении таких понятий, как «сила» и «угроза». В некоторых правовых системах понятие «сила» устанавливается в делах по изнасилованию самим фактом, что преступник совершил половой акт без согласия жертвы. Однако в Болгарии, учитывая практику по делам, касающихся изнасилования, сопровождаемых существенным использованием физической силы и/или угроз по жалобам об изнасилованиях без применения силы, уголовные дела не возбуждаются. Исключение составило лишь дело умственно отсталой девочки.

Не анализируя вину предполагаемых преступников, Суд заявил, что неспособность болгарских властей провести тщательное расследование происходящих событий привело к тому, что основное внимание было уделено «прямому» доказыванию факта изнасилования. При этом «сопротивление» рассматривается практически как определяющий элемент преступления. Суд обнаружил, что власти так далеки от выполнения требований позитивных обязательств государств по установлению и эффективному применению предусмотренной уголовным правом системы наказания всех форм изнасилования и сексуального насилия, что приводит к нарушению статей 3 и 8 Конвенции.

Следующее дело, в котором речь идет о позитивном обязательстве гарантировать права, предусмотренные Конвенцией, — дело

⁴³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *M.C. v. Bulgaria* от 4 декабря 2003 г.

*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*⁴⁴. Это дело касается, среди прочего, обращения с заключенными в период распада Советского Союза и приобретения независимости Молдовы. После этого части Молдовы, известной как Молдовская Республика Приднестровья (далее — МРП), была оказана помощь со стороны России в сепаратистском движении. МРП никогда не была признана на международном уровне, и Суд указал, что Республика находилась под эффективным контролем России. Четыре заявителя были арестованы в МРП в 1992 г., один был освобожден в 2001 г., еще один — в 2004 г. Суд постановил, что условия содержания представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в делах двух из заявителей и имели место пытки в отношении двух других заявителей. Суд сделал вывод, что у Молдовского правительства были полномочия предпринять дальнейшие меры, чтобы гарантировать конвенционные права заявителей после мая 2001 г. Поэтому было признано, что Молдовское правительство действовало в противоречии с позитивным обязательством государства, предусматривающим гарантии прав трем заявителям, установленных Конвенцией, которые оставались в заключении после той даты. В деле всех заявителей Российская Федерация нарушила статью 3, так как МРП была фактически под контролем России. Суд признал, таким образом, что даже когда заявители были вне эффективного контроля государства, у государств оставалась обязанность принять меры, чтобы обеспечить гарантии их конвенционных прав.

В деле *E. and Others v. the United Kingdom*⁴⁵ шесть заявителей жаловались, что местная власть не смогла защитить их от насилия со стороны отчима. Их отец умер в 1965 г., мать сожительствовала с W. H. Суд признал, что социальная служба должна была знать, что в семье применялось сексуальное и физическое насилие со стороны W. H., и до сих пор он продолжал находиться в близком контакте с детьми. Тот аргумент, что в то же самое время службы не были в полной мере осведомлены о сексуальном насилии по отношению к детям, был незначительным в этом деле, поскольку социальная служба знала, что W. H. был обвинен в сексуальных преступлениях, и обяза-

⁴⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* от 8 июля 2004 г.

⁴⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *E. and Others v. the United Kingdom* от 26 ноября 2002 г.

на была следить за его поведением. Социальной службе следовало было знать, что для детей оставался потенциальный риск. У двоих из заявителей проявлялись признаки значительного страдания от насилия в домашних условиях. Однако данный факт не был расследован; и что самое важное, социальные службы должны были отправить одного из детей, который пытался принять большую дозу лекарства, к докладчику слушаний по делам детей, что могло привести к требованию осуществления надзора.

Правительство аргументировало, что более полное сотрудничество и коммуникация между властями необязательно бы раскрыло насилие или предотвратило его. Однако Суд заявил, что хотя статья 3 не требует, чтобы это было продемонстрировано, но тогда не случилось бы ошибки или упущения жестокого обращения со стороны публичных властей. Отказ принять соответствующие меры, которые могли бы реально привести к изменению результата или уменьшению вреда, является достаточным, чтобы гарантировать ответственность государства. Пример непроведения расследования, отсутствия коммуникации и сотрудничества со стороны властей должен быть рассмотрен как имеющий значительное влияние на ход событий и что надлежащее и действенное руководство их ответственностью может, по крайней мере, уменьшать риск или причиненный ущерб. Соответственно, было признано нарушение позитивного обязательства, предусмотренного статьей 3, со стороны социальной службы.

4.5. Процедурные обязательства проводить расследование

В деле *Assenov and others v. Bulgaria*⁴⁶ Суд отметил необходимость проведения эффективного расследования по жалобам на нарушения статьи 3. Суд заявил, что без надлежащего расследования *запрет в праве пыток и бесчеловечного и унижающего достоинства обращения, несмотря на свою фундаментальную важность, будет на практике неэффективным, и тогда в отдельных случаях некоторые должностные лица смогут злоупотреблять правами тех, кто находится у них под контролем и при этом избегает наказания.*

В таких обстоятельствах, когда заявитель выдвигает спорную претензию на предмет того, что он незаконно и в нарушение статьи 3

⁴⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Assenov and others v. Bulgaria* от 28 октября 1998 г.

подвергался жестокому обращению со стороны полицейских или каких-либо других должностных лиц, это положение, читаемое вместе с положением об основных обязательствах государства согласно статье 1 Конвенции *обеспечивать всем гражданам в рамках их юрисдикции их права и свободы, определенные в... Конвенции*, налагает на государство обязательство предпринять серьезное официальное расследование. При обстоятельствах, когда невозможно доказать «при отсутствии обоснованного сомнения», что государственные органы существенно нарушили статью 3, отказ проводить независимое, эффективное, открытое расследование правдоподобных фактов, изложенных в заявлении, может привести к процедурному нарушению статьи 3.

В своих решениях по некоторым делам, указанных в предыдущих разделах, Суд дополнительно признал, что отказ государства проводить эффективное расследование по заявлению о жестоком обращении может также поднять вопросы по другим статьям, таким как статья 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и статья 13 (право на эффективные средства правовой защиты).

Этот принцип был заложен в деле *Assenov and others v. Bulgaria*⁴⁷. 19 сентября 1992 г. во время игры в азартные игры на рыночной площади в Шумене господин Ассенов (в возрасте 14 лет) был задержан полицейским, не находившимся при исполнении служебных обязанностей. Он отвел мальчика на автобусную станцию и вызвал подкрепление. Затем родители господина Ассенова, которые оба работали на автобусной станции, пришли и попросили освободить сына. Господин Иванов, стараясь показать, что готов применить любую необходимую меру наказания, стал избивать мальчика деревянной палкой.

Тем временем прибыли двое полицейских, которые, по словам заявителей, били мальчика дубинками. Между родителями мальчика и полицейскими возник конфликт, хотя господин Ассенов был неагрессивен и уступчив. На него и его родителей надели наручники и затолкали в полицейскую машину. Их привезли в полицейский участок, где продержали 2 часа без предъявления обвинения и отпустили. Господин Ассенов жаловался, что полицейские били его игрушечным пистолетом и дубинками и ударили в живот.

⁴⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Assenov and others v. Bulgaria* от 28 октября 1998 г.

Суд согласился, что была проблема с доказательствами фактов избиения господина Ассенова полицейскими.

Однако Суд считает, что *медицинское освидетельствование, показания г-на Ассенова, тот факт, что он находился в задержании в течение двух часов в полиции и отсутствие показаний свидетелей о том, что господин Иванов бил господина Ассенова достаточно сильно для того, чтобы причинить ему такие синяки, то есть все эти факты вместе рождают подозрение о том, что повреждения могли быть нанесены полицией.*

Суд признал в деле Ассенова и в дальнейшей практике Суда, что на государстве лежит бремя доказывания, что расследование соответствует Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Более того: *Расследование, согласно статье 2, должно быть в состоянии привести к выявлению и наказанию виновных. Без такого расследования запрет в праве пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, несмотря на свою фундаментальную важность, будет на практике неэффективным, и тогда в отдельных случаях некоторые должностные лица смогут злоупотреблять правами тех, кто находится у них под контролем, и при этом избегать наказания.*

Для того чтобы расследование было эффективным, «все разумные шаги» должны быть предприняты, чтобы гарантировать доказательства относительно инцидента, включая *показания свидетелей, судебные доказательства и, если возможно, вскрытие трупа, которые дают полную и точную информацию о причиненных ранах и объективный анализ клинических выводов, включая причину смерти.*

Стандарты эффективного расследования

Суд заявил, что требование того, чтобы расследование было эффективным, является *обязательством не добиться результатов, а применить средства*. Другими словами, Суд делает акцент не на том, привело или нет расследование к выводу, что жестокое обращение имело место, а к тому, объяснимо ли это. Таким образом, в деле *Khashiyev* Суд отметил, что, поскольку расследование было проведено, отсутствие соответствующих судебных отчетов и отказ установить и опросить других свидетелей препятствовали обнаружению конкретных доказательств жестокого обращения и в связи с этим наказанию виновных. Было признано, что эти расследования были

проведены недостаточно тщательно и эффективно, чтобы соответствовать статье 3⁴⁸.

Независимость расследования

Лица, ответственные за проведение расследования, должны быть независимыми от тех лиц, которые участвовали в событиях. Суд подчеркнул, что *это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но также и практическую независимость*, указывая, что Суд готов рассмотреть вероятность проведения независимого расследования, чтобы установить, действительно ли расследование не зависит от профессиональных связей с теми, по чьему делу они проводят расследование.

Своевременность расследования

Расследование должно проводиться своевременно и быстро. Скорость — важный элемент в начале расследования случаев жестокого обращения, когда требуется принять немедленные действия, чтобы получить доказательства, которые могут быть использованы в поддержку жалобы о жестоком обращении или против нее.

Открытость расследования

Наконец расследование должно быть открытым и доступным для публичного исследования, чтобы обеспечить ответственность как на практике, так и в теории.

⁴⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Khashiyev and Akayeva v. Russia* от 24 февраля 2005 г.

Глава 5. Запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения или наказания в российском законодательстве и правоприменительной практике

Людмила Чуркина*

В российском законодательстве впервые слово «пытка» появляется в статье 27 Закона РСФСР от 17 мая 1991 г. «О чрезвычайном положении», согласно которому введение чрезвычайного положения не может служить основанием для применения пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, для каких-либо ограничений права на жизнь, свободу мысли, совести, религии. Таким образом, уже с начала 90-х годов российское право содержит запрет пыток.

На Российское государство налагается обязательство запретить применение пыток, что отражается, прежде всего, в Конституции Российской Федерации.

Статья 21 Конституции Российской Федерации содержит запрет пыток:

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Статья 56 Конституции Российской Федерации устанавливает, что запрет пыток не может быть ограничен ни при каких условиях.

Несмотря на международный и конституционный запрет подвергать человека пыткам, насилию, жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению, в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует отдельная статья, предусматривающая уголовную ответственность за пытки, нет и указания на обязанность правоприменителя понимать и применять термин «пытка» так, как того требует статья 1 Конвенции против пыток и других жесто-

* Людмила Чуркина — юрист Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник», соискатель Уральской государственной юридической академии.

ких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹:

Любое действие, которым... лицу умышленно причиняется сильная боль, физическое или нравственное страдание, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

Термин «пытка» содержится в двух статьях Уголовного кодекса РФ²: пункт «д» части 2 статьи 117 — истязание, часть 2 статьи 302 — принуждение к даче показаний, но не в качестве основного признака преступления, а только наряду с другими в качестве квалифицирующего признака, усиливающего наказание за основное преступление.

Пункт «д» части 2 статьи 117 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает:

Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса, ... совершенное... с применением пытки... наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Часть 2 статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает:

Принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производяще-

¹ Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Конвенция подписана СССР 10 декабря 1985 г., ратифицирована с оговорками (Указ Президента ВС СССР от 21 января 1987 г. № 6416-ХI) // Ведомости ВС СССР. 1987. 11 нояб.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (в ред. от 28.12.2004 г.) (с изм. и доп., вступающими в силу с 30.01.2005 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 1996. 18 июня. № 113; 19 июня. № 114; 20 июня. № 115; 25 июня. № 118.

го дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, ... соединенное с применением насилия, издевательств или пытки, наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

Итак, понятие «пытки» введено в уголовное законодательство Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступившим в действие 16 декабря 2003 г., в то время как Конституция РФ принята еще в 1993 г. То есть более 10 лет гарантированное Конституцией право граждан на защиту от пыток, унижающее достоинство обращение не было урегулировано внутригосударственным правом.

Понятие «пытки» закреплено в примечании к статье 117 Уголовного кодекса Российской Федерации:

Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях.

Очевидно, что понятие, данное в Уголовном кодексе, не в полной мере соответствует понятию, данному в Конвенции.

Рассмотрим основные различия.

Очевидно, что понятие, данное в Уголовном кодексе РФ, более соответствует понятию, принятому в практике Европейского суда по правам человека, чем понятию, данному в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Под «пыткой» Европейский суд понимает усугубленный и преднамеренный вид бесчеловечного обращения, часто используемый для того, чтобы получить от лица сведения или признания, или применяется в качестве наказания.

Сравнивая понятие «пытки», приведенное в Уголовном кодексе РФ, с понятием, установленным Конвенцией ООН против пыток, можно отметить, что Уголовный кодекс РФ не учитывает того, что пытки в соответствии с международным правом могут быть направлены не только на получение сведений от потерпевшего, но также выступать как способ незаконного воздействия на третьих лиц в форме запугивания, принуждения, подавления воли лица. Также Примечание к статье 117 Уголовного кодекса РФ не предусматривает «дискриминацию любого характера» как основание для применения пы-

ток, несмотря на то, что Конвенция специально устанавливает такой признак. Кроме того, что в российском уголовном праве нет концепции *command responsibility* (с англ. «ответственность руководителей»), позволяющей привлечь к ответственности лицо, под эффективным контролем и командованием которого находятся непосредственные исполнители определенного преступления, за совершение данного преступления. Поэтому можно констатировать отсутствие уголовно-правовых механизмов вменения должностному лицу бездействия, выразившегося в попустительстве пыток, совершаемых с его ведома или молчаливого согласия, но при отсутствии приказа или распоряжения с его стороны.

Недостаток определения пыток, данного в Уголовном кодексе РФ, состоит и в том, что из него с достаточной ясностью не следует, охватываются ли им лишь деяния, совершаемые в процессе расследования, или также имеются в виду все подобные эпизоды в рамках деятельности любых государственных должностных лиц и даже негосударственных агентов. Из буквального толкования Примечания следует, что российское законодательство не подходит к пытке как к исключительно должностному преступлению в отличие от Конвенции, которая, не ограничивая объем этого понятия рамками уголовного процесса, все же подразумевает должностной характер рассматриваемого преступления.

Следует также отметить, что, поскольку применение пытки является квалифицирующим признаком части 2 статьи 117, действие данной статьи ограничено случаями, в которых не было последствий, указанных статьями 111 и 112 Уголовного кодекса РФ, что характеризует понятие «истязания» (часть 1 статьи 117).

Часть 2 статьи 302 Уголовного кодекса РФ также предусматривает признак «применение пыток», но ее действие ограничено рамками части 1 этой статьи, устанавливающей ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. Таким образом, очевидно, что исключена возможность применения этой статьи к эпизодам вне уголовного процесса (например, в вооруженных силах), что не в полной мере отражает содержание понятия пыток по международному уго-

ловному праву. Следовательно, российский законодатель не в полной мере выполнил требования Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Необходимо заметить, что нормы части 2 статьи 117 и части 2 статьи 302, по ряду случаев находящиеся в конкуренции, некоторые гипотетические ситуации оставляют неохваченными — например, эпизоды пыток, совершенных вне рамок уголовного процесса и вызвавших последствия, указанные в статьях 111 и 112 Уголовного кодекса РФ. Кроме того, обозначение пыток как квалифицирующего признака части 2 в указанных статьях несовершенно с точки зрения юридической техники, так как порождает тавтологию при раскрытии соответствующих квалифицированных составов и лингвистически не вписывается в конструкцию этих статей, в чем можно убедиться, подставив в обоих случаях вместо слова «пытки» дефиницию, предусмотренную Примечанием к статье 117 Уголовного кодекса РФ.

Общий запрет применения пыток содержится в ряде других уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных законодательных актов России. Например, таких как Закон «О милиции»³, Закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁴, Уголовно-процессуальном⁵ и Уголовно-исполнительном⁶ кодексах Российской Федерации и некоторых других нормативных актах.

Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает:

Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Статья 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривает:

³ Закон Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-I (в ред. от 22.08.2004 г.).

⁴ Закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 22.08.2004 г.).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28.12.2004 г.).

⁶ Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 01.02.2005 г.).

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституцией Российской Федерации уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения с осужденными.

Статья 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации устанавливает:

Осужденные... не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию.

Статья 7 Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁷ предусматривает:

Военнослужащим внутренних войск запрещается прибегать к обращению, унижающему человеческое достоинство.

Все вышеуказанные положения уголовного законодательства носят сугубо декларативный характер, отсутствует система контроля за их исполнением, правоприменительная практика ведомств противоречива.

В частности, часть 2 статьи 5 Закона «О милиции» предусматривает:

Милиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

По данным правозащитных организаций, в Министерстве внутренних дел Российской Федерации есть неофициальные инструкции по задержанию подозреваемых в совершении преступлений, в которых рекомендуется в профилактических целях предотвращения сопротивления использовать такие методы жестокого обращения, как сбивание с ног, фиксирование в причиняющих страдание и унижение позах (например, «растяжка» — длительное удержание человека у стены со сцепленными за шеей ладонями и широко раздвинутыми ногами).

Эти и другие меры принуждения, в том числе к даче показаний или приведения к послушанию, давно уже не рассматриваются как недопустимая практика.

Применение насилия в ходе задержания, конвоирования и содержания под стражей стало «нормой».

⁷ Федеральный закон РФ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ (в ред. от 22.08.2004 г.).

Во время следствия, дознания и оперативно-розыскных мероприятий необходимые показания от подозреваемых, обвиняемых и свидетелей добываются при помощи насилия. Более того, со стороны представителей правоохранительных органов часто звучат угрозы применить насилие не только в отношении задержанного, но и к его близким, чаще всего родственникам, членам семьи.

В судебной практике встречаются случаи, когда обвиняемый в ходе предварительного расследования или подсудимый в ходе судебного разбирательства заявляет о применении к нему незаконных методов, связанных с психологическим или физическим воздействием. Указывают на причинение ударов, телесных повреждений, длительность допросов в течение нескольких часов подряд без предоставления воды и пищи.

Между тем эти заявления чаще всего не принимаются судом во внимание и порой даже не заносятся в протокол судебного заседания. В случае подачи письменных жалоб они могут подшиваться в материалы дела, но в приговоре или в ответах на жалобы судьи кратко указывают, что данные факты подтверждения не нашли, в то время как никаких проверок ими фактически не проводилось.

Условия содержания в местах заключения

Статья 4 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» устанавливает:

Содержание под стражей осуществляется в соответствии с принципами законности, справедливости, презумпции невиновности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации и не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей.

Однако сами условия содержания в камерах являются жестокими, бесчеловечными и унижающими достоинство; они сами по себе могут представлять собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и даже пытки. Поскольку подозреваемые лица содержатся там, чтобы ускорить проведение следствия, сломив их волю с це-

люю получения признания и информации, вполне можно считать, что они подвергаются пыткам⁸.

Пункт 9 Минимальных стандартных правил о помещениях для содержания заключенных предусматривает норму свободной площади в размере 4 кв. м, в действительности на одного человека в местах заключения в среднем приходится 1,7 кв. м, а в некоторых учреждениях — 0,4–0,65 кв. м. Не хватает кроватей, заключенные спят по очереди. Зачастую камеры плохо освещены и вентиляционная система не функционирует либо вообще не предусмотрена.

Власти Российской Федерации не отрицают наличие проблем с местами заключения, ссылаясь на экономическое состояние страны. Но на практике условия содержания заключенных связаны не только с внешними факторами.

В частности, во многих исправительных учреждениях заключенных за жалобы на действия администрации отправляют в ШИЗО, карцер, их избивают дубинками, а также к ним применяются спецсредства, что является нарушением положений, предусмотренных статьями 43–45 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», статьей 86 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Законом РФ № 5473-1 от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Отсутствие соответствующего медицинского лечения

Переполненность камер приводит к распространению инфекционных заболеваний. Зачастую лица, зараженные сифилисом, туберкулезом, находятся в одной камере с другими заключенными. Хотя в последнее время ситуация с обеспечением следственных изоляторов и колоний противотуберкулезными медицинскими препаратами заметно улучшается.

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений⁹ и Правилами внутреннего распорядка следственных изо-

⁸ Доклад Специального докладчика господина Найджела С. Родли, представленный в соответствии с резолюцией 1994/37 Комиссии по правам человека, E/CN.4/1995/34/Add.1, п. 71.

⁹ Утверждены Приказом Министерства юстиции РФ № 224 от 30 июля 2001 г.

ляторов¹⁰ заключенные имеют право на получение медицинской помощи. Однако на практике возникает масса проблем: недостаток медицинских препаратов, оборудования, недостаток медицинского персонала, зависимость врачей от администрации мест лишения свободы¹¹.

Личный обыск заключенных

Статья 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых под стражей» предусматривает процедуру личного обыска и досмотра подозреваемых, обвиняемых.

Порядок проведения обыска заключенных в исправительных учреждениях, основания и порядок их проведения установлены Инструкцией о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях¹² и Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции¹³.

По данным правозащитных организаций, допускаются нарушения требований, предусмотренных выше, к личному обыску. В частности, сообщается о случаях осмотра половых органов в следственных изоляторах без соблюдения санитарно-гигиенических требований.

Государство обязано принимать меры для обеспечения защиты от действий, противоречащих статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Экстрадиция

В практике Европейского суда по правам человека остро стоит вопрос выдачи лиц в страну, где они могут быть подвергнуты жестокому обращению.

В Российской Федерации порядок принятия решения об экстрадиции предусмотрен статьями 462–464 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Несмотря на тот факт, что Российская Федерация признает закрепленное в международном праве положение об отказе в выдаче

¹⁰ Утверждены Приказом Министерства юстиции № 148 от 12 мая 2000 г.

¹¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kalashnikov v. Russia* (no. 47095/99) от 15 июля 2002 г.

¹² Утверждены приказом Министерства юстиции РФ № 83 от 7 марта 2000 г.

¹³ Утверждены приказом Министерства юстиции № 148 от 12 мая 2000 г.

иностранному государству лица, «если имеются серьезные основания полагать, что лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче, было или будет подвергнуто в запрашивающем государстве пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания», в статье 464 УПК РФ, которая перечисляет случаи отказа в выдаче, это основание вообще не предусмотрено.

Следовательно, российское законодательство и правоприменительная практика не предусматривают процедуру выяснения и установления фактов угрозы применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство человека видов обращения или наказания.

Несоблюдение требований статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод связано не столько с отсутствием норм в уголовном праве, сколько с нежеланием ответственных органов государства рассматривать пытки в качестве преступления.

В частности, в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁴ сотрудники прокуратуры обязаны осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших преступления, включая и сотрудников правоохранительных органов. Поэтому органы прокуратуры, знающие практику получения признаний с применением пыток, обычно придерживаются принципа невмешательства и тем самым поощряют практику применения пыток.

При обращении граждан в прокуратуру на применение пыток сотрудниками правоохранительных органов прокуратура обычно отказывает в возбуждении дела сразу же или возбуждает уголовное дело и прекращает по нему производство в связи с отсутствием состава преступления. В нарушение глав 20 и 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ проверка фактов применения пыток и иного жестокого обращения сводится к получению объяснительных от работников правоохранительных органов по фактам жалобы. Тем самым нарушается обязательство проведения эффективного расследования случаев применения пыток и иного жестокого обращения.

¹⁴ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 декабря 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 22.08.2004 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. 20 нояб. № 47. Ст. 4472; Российская газета. 1995. 25 нояб. № 229.

Следователи и оперативные работники милиции тесно сотрудничают, особенно при расследовании преступлений. Оперативные работники задерживают подозреваемого в совершении преступления, доставляют его в милицию. Получив нужные показания путем применения пыток, милиционеры передают подозреваемого следователю. Соответственно, органы прокуратуры заинтересованы в сокрытии случаев применения жестокого обращения.

Практика показывает, что пытки, жестокое и бесчеловечное обращение, совершенные должностными лицами, в том числе и сотрудниками правоохранительных органов, рассматриваются Уголовным кодексом Российской Федерации как должностные преступления: по статье 286 — превышение должностных полномочий или по статье 302 — принуждение к даче показаний.

Помимо вышеуказанных норм, уголовное законодательство содержит и другие нормы, позволяющие преследовать виновных в применении пыток и иных видов жестокого обращения. Например, если пытки и иное жестокое обращение привели к причинению физического вреда, они могут преследоваться как преступление против жизни и здоровья, наказание за которое предусмотрено в главе 16 Уголовного кодекса Российской Федерации; если пытки были сопряжены с сексуальным насилием, они могут преследоваться как преступление против половой неприкосновенности личности, предусмотренное главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Приложение 1

Обзор прецедентов Европейского суда по правам человека по статьям 2, 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

ДУГОЗ ПРОТИВ ГРЕЦИИ

DOUGOZ v. GREECE

Постановление от 6 марта 2001 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, Мохамед Дугоз, гражданин Сирии, утверждал, что в Сирии его обвинили в преступлениях против национальной безопасности, а именно в разглашении информации в период прохождения военной службы. Заявитель уехал из этой страны. По его словам, впоследствии он был признан виновным в этих преступлениях и приговорен к смертной казни.

Власти Греции утверждали, что примерно в июле 1983 г. заявитель нелегально прибыл в Грецию. Заявитель считал, что въехал в Грецию на законных основаниях.

В 1987 г. заявитель был задержан греческими властями за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. В 1988 г. Апелляционный суд Афин в составе трех судей, заседая в качестве суда первой инстанции, признал заявителя виновным. Приняв во внимание, что заявитель употреблял наркотики сам, суд приговорил его к лишению свободы сроком на два года. В 1989 г. приговор был утвержден Апелляционным судом Афин в составе пяти судей.

В 1989 г. заявитель подал ходатайство в Афинское бюро Верховного комиссара ООН по делам беженцев о предоставлении ему статуса беженца и был признан беженцем под мандатом Верховного комиссара. В связи с этим власти Греции выдали ему удостоверение на право проживания в стране в качестве иностранца.

По утверждению государства-ответчика, право на проживание заявителя в Греции истекло 8 января 1991 г. Однако он незаконно продолжал находиться в стране.

В 1991 г. заявитель был задержан за воровство и незаконное но-

шение оружия. На время проведения расследования его заключили под стражу. В 1993 г. Апелляционным судом г. Нафплион в составе судей и присяжных он был признан виновным в названных правонарушениях и приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы.

6 июня 1994 г. заявитель был условно освобожден. Исходя из общественных интересов, начальник полиции в тот же день распорядился о его высылке из Греции.

23 июня 1994 г. заявитель подал ходатайство греческим властям о предоставлении ему статуса беженца. 4 августа 1994 г. министр общественного порядка отклонил данное ходатайство, которое было признано поданным заявителем недобросовестно, поскольку «было подано через десять лет проживания заявителя в Греции с очевидной целью избежать законной высылки после освобождения из тюрьмы, где он отбывал длительное наказание за крайне тяжкие преступления».

9 июля 1995 г. заявитель был задержан в Греции за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. 26 ноября 1996 г. он был признан Апелляционным судом Афин в составе трех судей виновным и приговорен к трем годам лишения свободы и штрафу. В 1998 г. Апелляционный суд Афин в составе пяти членов оставил в силе данный приговор.

Когда 25 июня 1997 г. заявитель ходатайствовал о досрочном освобождении, он утверждал, помимо прочего, что имел возможность вернуться в Сирию, поскольку исполнение его приговора было отложено. Палата по уголовным делам первой инстанции г. Пирей рассмотрела данное ходатайство в закрытом судебном заседании 16 июля 1997 г. Хотя заявитель не был допущен на слушания, там присутствовал и был заслушан государственный обвинитель. Суд принял решение об условном освобождении заявителя и его высылке из Греции. Суд сделал вывод, что поведение заявителя во время пребывания в тюрьме говорило о том, что после своего освобождения он больше не будет совершать преступления и что необходимости в его дальнейшем содержании под стражей нет.

В соответствии с данным решением заявитель 10 июля 1997 г. был освобожден из тюрьмы и до своей высылки из страны заключен в полицейский изолятор на основании мнения заместителя государственного обвинителя Кассационного суда, посчитавшего, что решение по аналогии распространяется на случаи высылки по распоряжению судов. Первоначально заявитель содержался в изоляторе г. Дра-

педона. Власти Греции выдали ему временный паспорт, а 12 сентября 1997 г. в сирийском посольстве в Афинах он получил разрешение на въезд в Сирию.

Заявитель утверждал, что в изоляторе Драпецены было 20 камер. Временами в нем содержалось до 100 человек. Камера заявителя была переполнена людьми. Число задержанных в отдельные дни в десять раз превышало положенное. В ней не было коек, людям не выдавали матрацев, простыней и одеял. Некоторые задержанные были вынуждены спать в коридоре. Камеры были грязными, санитарного оборудования не хватало, поскольку изолятор был рассчитан на меньшее число задержанных. Горячей воды было мало, подолгу ее вообще не подавали. Недоставало свежего воздуха, отсутствовало естественное освещение, не было площадки для прогулок. Единственным местом, где задержанные могли размяться, являлся ведущий к туалету коридор.

По утверждению заявителя, в изоляторе Драпецены не было никаких развлечений. Занять себя было нечем. Камера была настолько переполнена, что заявитель даже не мог читать. Дважды в день задержанным приносили тарелку «сносной пищи». Молоко не давали вообще, фрукты, овощи и сыр — редко. Более того, получать пищу извне задержанные не могли. Заявитель был лишен возможности обратиться к врачу или купить что-либо в аптеке. Навещать было разрешено только тех, у кого были семьи, вследствие чего к иностранцам никто не приходил. Заявитель не мог обратиться в социальные службы или к прокурору. Хотя таксофоны имелись, их было явно недостаточно. Отмечались случаи грубого обращения со стороны охраны.

28 ноября 1997 г. заявитель обратился к министру общественного порядка с просьбой разрешить ему выехать в какую-нибудь страну, кроме Сирии, где его ожидала смертная казнь.

2 февраля 1998 г. заявитель подал ходатайство об аннулировании ордера на высылку, сославшись при этом, помимо прочего, на Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, а также на тот факт, что Верховный комиссар признал его беженцем. Он, кроме того, утверждал, что продолжающееся содержание его под стражей нарушает статью 5 указанной Конвенции и что ордер на высылку из страны был выдан в нарушение национальных законов.

В апреле 1998 г. заявителя перевели в изолятор Управления полиции на Александрас авеню. По словам заявителя, условия содержа-

ния в нем не отличались от условий содержания в Драпецоне, если не считать наличия естественного освещения и вентиляции в камерах, а также достаточной подачи горячей воды. По описанию властей Греции, условия содержания на Александрас авеню были такими же, как в Драпецоне.

28 апреля 1998 г. представитель Верховного комиссара в Афинах обратился в Министерство общественного порядка с просьбой воздержаться от высылки заявителя в Сирию на время производства по его делу.

11 мая 1998 г. Палата по уголовным делам первой инстанции Пирея, заседавшая в закрытом судебном заседании, отказалась аннулировать ордер на высылку, напомнив, помимо прочего, что в своем ходатайстве от 25 июня 1997 г. заявитель утверждал, что в Сирии его больше не преследовали. В решении суда не было специального определения относительно жалобы заявителя на условия содержания под стражей.

26 и 28 июля 1998 г. заявитель обратился к министру юстиции и министру общественного порядка Греции с ходатайством об аннулировании ордера на высылку и в любом случае о своем освобождении.

3 декабря 1998 г. заявителя выслали в Сирию. Власти Греции утверждали, что ранее ими была получена информация Интерпола о том, что Сирия требует экстрадиции заявителя и не подавала.

Заявитель утверждал, что по прибытии в Сирию его заключили под стражу. Условия содержания под стражей представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он жаловался на незаконность и чрезмерную продолжительность своего содержания под стражей, а также на отсутствие во внутрисударственном праве средств защиты в подобных ситуациях.

Решением от 8 февраля 2000 г. жалоба была объявлена частично приемлемой.

Выводы Суда

Суд напомнил, что в соответствии с практикой конвенционных органов жестокое обращение, чтобы оно могло квалифицироваться по статье 3 Конвенции, должно достигать минимального уровня жестокости (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г.). То же относится и к обращению, унижающему достоинство (см. *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, решение от 25 марта

1993 г.). Оценка этого минимального уровня жестокости относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность жестокого обращения, его физические и психологические последствия и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г.; *Costello-Roberts v. the United Kingdom*, решение от 25 марта 1993 г.).

В настоящем деле Суд отметил, что заявителя сначала содержали в течение нескольких месяцев в полицейском участке Драпедоны, который служит изолятором для лиц, задержанных по Закону об иностранцах. Заявитель утверждал, среди прочего, что его содержали в переполненной и грязной камере, которая была в неудовлетворительном санитарном состоянии, не была приспособлена для ночлега, не имела достаточного снабжения горячей водой, доступа свежего воздуха, естественного освещения; в ней не было пространства для прогулок. Заявитель даже не мог читать книгу — настолько была переполнена камера. В апреле 1998 г. заявителя перевели в Управление полиции на Александрас авеню, где условия содержания не отличались от Драпедоны и где его продержали до 3 декабря 1998 г., когда он был выслан в Сирию.

Суд посчитал, что условия содержания под стражей иногда могут быть эквивалентны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. В «греческом» деле к таким условиям Комиссия отнесла перенаселенность камер, недостаточное отопление помещений, неудовлетворительную гигиену, плохие условия для сна, недостаточные питание и отдых, отсутствие контактов с внешним миром. При оценке условий содержания под стражей принимались во внимание совокупный эффект этих условий, а также конкретные утверждения заявителя. В настоящем деле, хотя Суд и не выезжал на место, он отметил, что слова заявителя подтверждаются выводами доклада Европейского комитета по предотвращению пыток (ЕКПП) от 29 ноября 1994 г. о ситуации в изоляторе Управления полиции на Александрас авеню. В своем докладе ЕКПП подчеркнул, что оборудование камер и режим содержания в этом изоляторе не позволяли находиться там больше нескольких дней; уровень заполнения камер был значительно выше предусмотренного, а санитарные условия — ужасающими. Хотя представители ЕКПП во время данного визита изолятор Драпедоны не посещали, Суд отметил, что власти Греции характеризовали условия в изоляторах на Александрас авеню и Драпедоны как аналогичные, а сам заявитель признал, что в первом случае

дело обстояло лучше с естественным освещением, вентиляцией камер и подачей горячей воды.

Кроме того, Суд учел, что в 1997 г. ЕКПП посещал изоляторы и на Александрас авеню, и Драпедоны, причем считал необходимым повторно посетить оба места в 1999 г. Заявитель находился под стражей в период с июля 1997 г. по декабрь 1998 г.

В свете сказанного Суд постановил, что условия содержания заявителя в изоляторах Управления полиции на Александрас авеню и Драпедоны, а именно серьезная перенаселенность помещения и отсутствие условий для ночлега в сочетании с непомерным сроком содержания, в подобных условиях были равносильны унижающему достоинство обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

ДУЛЯШ ПРОТИВ ТУРЦИИ

DULAS v. TURKEY

Постановление от 30 января 2001 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, Зубейде Дуляш, гражданка Турции, утверждала, что ее дом и имущество были уничтожены в ходе операции, проводившейся жандармерией в ее деревне на юго-востоке Турции. Заявитель ссылалась на статьи 2, 3, 5, 6, 8, 13, 14, 18, а также бывшую статью 25 Конвенции и статью 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Решением от 23 мая 1996 г. Комиссия признала жалобу приемлемой. В Суде заявитель отказалась от своей жалобы в части нарушения статей 2, 5 и 14 Конвенции.

Выводы Суда

Заявитель ссылалась на нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Заявитель утверждала, что обстоятельства, при которых ее заставили покинуть свой дом, сожженный у нее на глазах, и насильно выселили, таким образом, оставив ее незащищенной и в нужде, составляют как минимум бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Как неоднократно подчеркивал Суд, статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом или организованной преступностью, Конвенция запрещает безо всяких исключений применение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. В отличие от других положений Конвенции и Протоколов к ней, не существует норм, предусматривающих исключения из положений данной статьи, и согласно статье 15 Конвенции не допускаются отступления от нее (см. *Aksoy v. Turkey*, решение от 18 декабря 1996 г.).

Суд напомнил, что жестокое обращение должно соответствовать минимальному уровню жестокости, чтобы оно подпадало под применение статьи 3 Конвенции. Установление этого минимума относительно: он зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность жестокого обращения, его физическое и психическое воздействие на жертву и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см., среди других прецедентов, *Tekin v. Turkey*, решение от 9 июня 1998 г.).

Заявителю в данном деле на момент произошедших событий было более семидесяти лет. Ее дом и имущество были уничтожены у нее на глазах, тем самым она была лишена крова и средств к существованию, и ей пришлось покинуть деревню и общину, где она прожила всю жизнь. Власти Турции не предприняли никаких шагов, чтобы оказать ей помощь в ее бедственном положении.

Принимая во внимание способ, которым был уничтожен ее дом, и ее личные данные, Суд установил, что заявителю, вероятно, были причинены страдания достаточного уровня жестокости действиями сил безопасности, которые могут быть охарактеризованы как бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции (см. *Selguk and Asker v. Turkey*, решение от 24 апреля 1998 г.).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

МАККЕРР ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

McKERR v. THE UNITED KINGDOM

Постановление от 4 мая 2001 г.

Обстоятельства дела

11 ноября 1982 г. Джервез МакКерр управлял своей автомашиной «Форд Эскорт». В салоне автомашины находились два пассажира: Юджин Тоуман и Шон Бернс. Никто из перечисленных мужчин вооружен не был. На улице Таллигалли Роуд в восточной части Лергена в них было произведено, по крайней мере, 109 выстрелов сотрудниками специального подразделения мобильной поддержки Королевской полиции Ольстера. Все трое мужчин были убиты.

Факты, имеющие отношение к смерти Джервеза МакКерра, остаются предметом спора более десяти лет, в течение которых проводились расследования, трижды возбуждалось уголовное преследование и другие связанные с данным инцидентом юридические процедуры.

В ноябре 1982 г. старший инспектор Уэртер принял меры по сохранению места перестрелки нетронутым. На месте происшествия побывал врач, который провел первичный осмотр тел. 12 ноября 1982 г. судебно-медицинский эксперт из лаборатории судебно-медицинских наук Северной Ирландии провел детальный осмотр места происшествия, а профессор Маршалл произвел вскрытие тел. Место перестрелки и сохранившиеся там предметы были сфотографированы, составлена схема места происшествия. В тот же день сотруднику, отвечающему за работу на месте происшествия, были переданы винтовки сотрудников полиции, автомат и пистолет. На месте происшествия были обнаружены 84 стреляные гильзы. Полиция провела поквартирный опрос в близлежащих домах, были организованы обращения через прессу к возможным свидетелям с просьбой явиться к представителю местных органов власти.

15 ноября 1982 г. в рамках начавшегося расследования следователь в должности старшего инспектора Скотт допросил троих сотрудников Королевской полиции Ольстера, которые входили в подразделение, состоявшее из пяти человек. Сержант М., констебль Б. и констебль Р. дали письменные показания. В этих показаниях приводились подробности инцидента, но не упоминалось о том, что подозреваемые находились под наблюдением сотрудников специального подразделения и, как предполагалось, выехали на совершение убий-

ства. Давшие показания сотрудники получили от заместителя начальника вышеназванного специального подразделения указание не упоминать о том, что они принадлежат к этому специальному подразделению, а также о том, что накануне инцидента им стала известна полученная оперативным путем определенная информация. Уже позднее утверждалось, что такая мера была предпринята, чтобы предотвратить обнародование факта наличия предварительной разведывательной информации, что могло бы помешать проведению контртеррористических мероприятий.

18 января 1983 г. эти трое сотрудников, М., Б. и Р., были допрошены с учетом полученных результатов судебно-медицинской экспертизы. Их показания были зафиксированы в протоколах.

Результаты проведенного Королевской полицией Ольстера расследования были направлены Генеральному прокурору для рассмотрения вопроса о том, следует ли возбуждать уголовное преследование. Генеральный прокурор потребовал проведения дополнительного расследования. 19 и 20 июля 1983 г. упомянутые сотрудники были допрошены, и на этот раз они заявили, что им было сообщено, что трое погибших находились под наблюдением и, как предполагалось, выехали на совершение убийства.

Вскоре после этого Генеральный прокурор вынес решение о том, что в отношении этих троих сотрудников («троих ответчиков») должны быть выдвинуты обвинения. Обвинительное заключение было предъявлено 8 марта 1984 г., а 29 мая 1984 г. в него были внесены изменения — Б. было предъявлено обвинение в убийстве Юджина Тоумана, а М. и Р. — в пособничестве, подстрекательстве Б. к совершению этого преступления.

Суд над тремя подсудимыми проходил в Белфасте в период между 29 мая и 5 июня 1984 г., председательствовал лорд-судья Гибсон, который вел дело без присяжных. В деле об уголовном преследовании участвовали 27 свидетелей, которые предстали перед судом для дачи показаний, а еще 11 свидетелей дали показания в письменном виде, и эти показания были оглашены в судебном заседании. В качестве доказательств были представлены 75 предметов.

В конце слушаний по данному уголовному делу лорд-судья Гибсон сделал вывод о том, что собранные доказательства в отношении троих подсудимых не установили их вины, и, заключив, что состав преступления отсутствует, оправдал их. В своем постановлении, касаясь обоснований для такого вывода, он указал:

Перед обвиняемыми была поставлена задача арестовать Тоумана и Бернса по подозрению в проведении террористических актов, в том числе убийств, а также помешать им совершить новое убийство, попытку в отношении которого, как считают полицейские власти, для чего у них были основания, они собирались предпринять.

Каждый из обвиняемых был соответствующим образом проинструктирован, да к тому же получил еще информацию о том, что подозреваемые, вероятно, будут вооружены и что они являются убежденными и опасными террористами, которые во всеуслышание заявляли, что не сдадутся живыми. Следовательно, если планировалось их арестовать, все заинтересованные лица знали, что для проведения задержания придется применять оружие.

О степени опасности при проведении операции, как ожидалось, можно судить по тому обстоятельству, что трое обвиняемых были оснащены одним автоматом, двумя винтовками Ruger, тремя полуавтоматическими пистолетами и имели около 200 патронов.

Подозреваемые находились под наблюдением и, судя по полученной информации, направлялись в автомашине, которой управлял МакКерр, для совершения предполагаемого убийства. Тогда полиция выставила кордон, чтобы остановить их и арестовать. Они прорвались через этот кордон на высокой скорости, тем самым подвергнув опасности жизнь сотрудника полиции. Обвиняемые, которые находились неподалеку в автомобиле, сразу начали преследование. Вслед ухודившему от погони автомобилю были произведены выстрелы.

Выводы Суда

Статья 2 Конвенции, гарантирующая право на жизнь и приводящая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, содержит одно из основополагающих положений Конвенции, на которое в мирное время не распространяется отступление, предусмотренное статьей 15 Конвенции. Вместе со статьей 3 Конвенции она олицетворяет также одну из основных ценностей всех демократических обществ, которые составляют Совет Европы. Обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны быть, следовательно, четко сформулированы. Цель и смысл Конвенции как инструмента защиты каждого отдельного человека требуют и того, чтобы статья 2 Конвенции интерпретировалась и применялась бы так, чтобы оговоренные в ней гарантии носили практический и эффек-

тивный характер (см. *McCann and others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г.).

В свете значения защиты, гарантируемой статьей 2 Конвенции, Суд обязан проявить при рассмотрении случаев лишения жизни максимальную внимательность и тщательность, принимая во внимание не только действия представителей государственных органов, но и все сопутствующие обстоятельства. Когда рассматриваемые события целиком или частично находятся в поле зрения исключительного ведения и требуют внимания соответствующих властей, как, например, в случае с лицами, которые состоят под их контролем в период временного пребывания под стражей, возникают серьезные опасения фактического свойства в отношении имеющих место случаев нанесения увечий и смерти. В самом деле, бремя представления доказательств, как это и должно быть, возлагается на соответствующие власти, задача которых заключается в том, чтобы дать необходимые и убедительные объяснения (см. *Salman v. Turkey*, решение от 27 июня 2000 г.; *Çakıcı v. Turkey*, решение от 8 июля 1999 г.; *Ertak v. Turkey*, решение от 9 мая 2000 г.; *Timurtas v. Turkey*, решение от 13 июня 2000 г.).

Применение статьи 2 Конвенции, если брать ее целиком, показывает, что она распространяется не только на умышленное убийство, но и на ситуации, при которых допускается «применение силы», что может привести в качестве неожиданного исхода к лишению жизни. Умышленное, преднамеренное применение силы со смертельным исходом является лишь единственным фактором, но его нужно принимать во внимание при оценке необходимости этого применения. Любое применение силы должно быть не более чем «абсолютной необходимостью» для достижения одной или более целей, которые перечислены в подпунктах от «а» до «с». Сама формулировка указывает на то, что оценка подобной необходимости должна быть проведена в данном случае более строго и исчерпывающе, чем это делается при других обстоятельствах, когда определяется, является ли действие государства «необходимым в демократическом обществе» согласно части 2 статей 8–11 Конвенции. Следовательно, примененная сила должна быть строго соотносимой с упомянутым достижением допустимых целей (см. *McCann and others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г.).

Обязательство по гарантированию права на жизнь согласно статье 2 Конвенции, понимаемое в совокупности с общей обязанностью

государства по статье 1 Конвенции обеспечить «каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... настоящей Конвенции», требует также понимания, что в какой-то форме должно присутствовать эффективное официальное расследование, когда в результате применения силы погибли люди (*McCann and others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г.; *Kaya v. Turkey*, решение от 19 февраля 1998 г.). Существенно важный характер цели проведения такого расследования состоит в том, чтобы обеспечить эффективное исполнение внутренних законов, которые стоят на защите права на жизнь, и чтобы, как в случаях с участием представителей государственных органов или организаций, обеспечить их подотчетность в отношении смертельных исходов, имевших место в сфере их ответственности. Что касается того, какие формы расследования будут отвечать поставленным целям, то это зависит от различных обстоятельств. Вместе с тем какая бы форма ни была избрана, соответствующие власти должны проявлять инициативу, коль скоро проблема попала в поле их зрения. Они не могут уступать инициативу родственникам в том, что касается внесения официального ходатайства или всего груза проблем, связанных с проведением любых относящихся к расследованию процедур (см., например, *Ilhan v. Turkey*, решение от 27 июня 2000 г.).

Суд постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с недостатками расследования относительно фактов смерти Джервеза МакКерра.

ТАНЛИ ПРОТИВ ТУРЦИИ

TANLI v. TURKEY

Постановление от 10 апреля 2001 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, Мустафа Танли, курд по национальности, 1933 г. рождения, являлся фермером и проживал в деревне Ёртюлю округа Догубеязит на юго-востоке Турции. Его сын Махмут родился в 1972 г.

27 июня 1994 г. жандармы Центральной жандармерии округа Догубеязит прибыли в указанную деревню для проведения досмотра. Жители деревни были собраны у мечети. Во время проведения досмотра в деревне сын заявителя сопровождал жандармов. Начальство

отряда жандармов допросило заявителя о его сыне, после чего жандармы покинули деревню, забрав с собой Махмута Танли. На тот момент Махмут Танли никаких жалоб на здоровье не высказывал.

28 июня 1994 г. заявитель обратился к властям с целью получения информации о своем сыне. В свидании с сыном ему было отказано, после чего он уехал.

29 июня 1994 г. около 5.30 утра полицейские прибыли в дом сына заявителя и доставили последнего в полицейский участок, где начальник охраны сообщил ему, что его сын скончался от сердечного приступа во время содержания под стражей. Заявитель ответил, что его сын ничем не болел и, по его предположению, умер от пыток, а также попросил свидания с прокурором. Прокурор прибыл в офис начальника охраны и сказал заявителю, что причиной смерти его сына явился сердечный приступ. Заявитель продолжал утверждать, что причиной смерти его сына стали пытки.

28 июня 1994 г. было произведено вскрытие трупа двумя врачами — Ихсаном Ёзюу и Айдыном Мазлумом, один из которых являлся врачом-педиатром, а другой работал в клинической больнице округа Догубеязит.

Тело Махмута Танли было доставлено в полицейский участок Улу-соя 29 июня 1994 г. Все тело было в кровоподтеках, а от левой стороны грудной клетки до брюшной полости был сделан надрез, на который были наложены швы. Полицейские заявили, что надрез был сделан в ходе операции, произведенной в момент, когда у Махмута Танли случился сердечный приступ. Затем полицейские потребовали от заявителя подписать некий документ, содержание которого ему было неизвестно. Заявитель подписал документ из опасений за свою безопасность.

Махмут Танли не имел судимости и не подозревался в совершении какого-либо преступления. До момента, когда его доставили в полицейский участок, диагноз сердечного заболевания ему не ставили, а также не было подозрений в наличии какого-либо сердечного или иного заболевания. Заявитель же слишком опасался возможного применения к нему репрессивных мер, а потому не потребовал проведения судебной экспертизы тела своего сына.

29 июня 1994 г. заявитель сообщил в отделение Ассоциации по защите прав человека округа Догубеязит, что на теле его сына были следы ударов и применения физической силы, которые дают основания полагать, что его смерть явилась результатом применения к

нему пыток. Аналогичное сообщение было сделано братом заявителя.

29 июня 1994 г. заявитель обратился к Главному прокурору округа Догубеязит с письменным заявлением относительно смерти своего сына, которая, на его взгляд, произошла при подозрительных обстоятельствах. Он также жаловался на необъективность посмертной судебно-медицинской экспертизы, которая проводилась людьми, не являющимися специалистами в этой области. Он просил о направлении тела его сына в Институт судебной медицины, однако позже отказался от своей просьбы из-за опасений за свою жизнь.

25 июля 1994 г. прокурор опросил иных жителей деревни, которые подтвердили, что ранее Махмут Танли не имел никаких проблем со здоровьем.

3 августа 1994 г. Главный прокурор Агри возбудил уголовное дело в отношении трех полицейских, допрашивавших Махмута Танли в день его смерти, — Али Гюндогду, Мурата Демирпенче и Ёккеша Айбара. Производство по делу неоднократно приостанавливалось. 2 февраля 1995 г. суд принял решение направить материалы дела в Институт судебной медицины для получения заключения о причинах смерти. 23 мая 1995 г. Институт принял решение о проведении эксгумации тела, после чего производство по делу было приостановлено до получения заключения Института. 14 мая 1996 г. суд признал, что причину смерти установить не представляется возможным, и оправдал трех обвиняемых.

Выводы Суда

При оценке доказательств по делу Суд руководствуется критерием доказанности «при отсутствии обоснованного сомнения». Такая доказанность может быть при наличии как достаточно веских, явных и согласующихся между собой доказательств, так и не опровергнутых предположений в отношении наличия определенных фактов. В связи с этим следует учитывать поведение сторон в момент собирания доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г.).

Суд понимает дополнительный характер своей роли и должен быть особенно внимателен при исполнении своей обязанности, которую должен был выполнить судебный орган первой инстанции (см. *McKerr and others v. the United Kingdom*, решение от 4 апреля 2000 г.). После того как состоялось национальное судебное разбирательство,

Суд не может подменять оценку обстоятельств дела, сделанную внутригосударственным судом, своей точкой зрения, и, по общему правилу, оценка доказательств должна также производиться национальным судом (см. *Klass and others v. Germany*, решение от 22 сентября 1993 г.). Несмотря на то, что решения национальных судов необязательны для Европейского суда, обычно требуются убедительные аргументы для того, чтобы он отверг результаты исследования обстоятельств внутригосударственными судами (см. упоминавшееся выше *Klass and others v. Germany*).

Однако когда жалоба подана на нарушение статей 2 и 3 Конвенции, Суд должен быть особенно внимательным (см. *Ribitsch v. Austria*, решение от 4 декабря 1995 г.). Если по тем же обвинениям имел место уголовный процесс в национальном суде, следует учитывать, что ответственность в уголовном праве и ответственность в международном праве за нарушение положений Конвенции — понятия несовпадающие. Компетенция Суда ограничена лишь последним случаем. Ответственность по Конвенции основана на ее нормах, которые следует толковать и применять в соответствии с целями Конвенции и в свете применимых принципов международного права. Ответственность государства на основании Конвенции, вытекающая из действий его органов или должностных лиц, не следует путать с индивидуальной уголовной ответственностью, закрепляемой национальным правом и определяемой национальными судебными инстанциями. В задачи Суда в данном случае не входит решение вопросов вины.

Махмут Танли проходил службу в армии с 27 января 1992 г. по 27 июня 1993 г. В его армейском деле не содержится каких-либо данных относительно заболеваний или оказания медицинской помощи. Заявитель и опрошенные жители деревни высказали единогласное мнение, что Махмут Танли каких-либо проблем со здоровьем или заболеваний не имел. Власти Турции не представили никакой информации с целью опровержения таких данных. Поэтому Суд придерживается мнения, что в момент ареста Махмут Танли находился в полном здравии и никаких заболеваний ранее не имел.

В соответствии с показаниями полицейских Махмут Танли был передан жандармами в полицейский участок Улуйола примерно в 21.30 27 января 1994 г. Он подозревался в поддержке Рабочей партии Курдистана (РПК), являясь членом ее вооруженного формирования. Суд обратил внимание на то, что в своих показаниях полицейские ссылаются на признание Ахмута Аккуша от 7 февраля 1994 г., кото-

рый указал на Махмета Танли как на члена РПК. Заявлялось, что список, содержащий имя Махмута Танли, был также обнаружен на телах членов РПК, убитых во время вооруженного столкновения. Ахмут Аккуш впоследствии, когда был вызван в Суд присяжных, отказался от своих заявлений. Заявитель активно отрицал, что его сын был замешан в совершении какого-либо правонарушения. Но решение этого вопроса не входит в компетенцию Европейского суда, данный вопрос должен был быть разрешен в ходе национального уголовного разбирательства. Все же Суд не нашел оснований подвергать сомнению, что причиной ареста Махмута Танли явилось подозрение в членстве в РПК или намерение получить информацию о деятельности РПК в данной местности.

Допрос Махмута Танли проводили трое полицейских: начальник Али Гюндогду, Мурат Демирпенче и Ёккеш Айбар, причем последний заявил, что не принимал участия в проведении допроса. В соответствии с показаниями Али Гюндогду допрос Махмута Танли состоялся не в день ареста, а на следующий день, незадолго до того, как он упал в обморок и затем скончался. По этому вопросу показания Ёккеша Айбара и Мурата Демирпенче сходятся. Суд считал необходимым заметить, что никакие документальные свидетельства не подтверждают показаний в отношении случившегося во время содержания под стражей. Так же было и в деле *Salman v. Turkey*, которое тоже касалось смерти лица, находящегося под арестом в полиции, в материалах дела не было и документальных свидетельств, отражающих время выхода задержанных из камер или время допроса. Однако в деле нет доказательств, дающих основание полагать, что такое изложение фактов было бы в чьих-то интересах и сокращало бы время действительного контакта полицейских с Махмутом Танли.

В соответствии с показаниями Али Гюндогду и Мурата Демирпенче допрос Махмута Танли начался примерно в 21.00. Далее указаний на время нет до тех пор, пока прокурор не отметил в протоколе с места происшествия и в протоколе проведения вскрытия, что ему сообщили о смерти в 22.30. Что происходило до этого, известно лишь трем полицейским, проводившим допрос. В соседней комнате были и трое других полицейских, бывших свидетелями некоторых событий, а также доктор Агралли, прибывший для оказания помощи. Однако в объяснениях доктора Агралли тоже не содержится указания на время его прибытия в полицейский участок.

Со слов трех полицейских, допрашивавших Махмута Танли, через несколько минут после начала допроса, после того, как ему сообщили о подозрениях относительно его членства в РПК, Махмут сильно разволновался, побледнел, стал заикаться, упал в обморок и начал задыхаться. Сотрудники полиции Ёмер Гюзель, Джафер Йигит и Нихат Аджар тоже подтвердили, что Али Гюндогду находился в комнате только 10–15 минут, а потом вышел вызвать врача. Они также подтвердили, что примерно через 10 минут Джафер Йигит вернулся вместе с доктором Агралли из близлежащей больницы округа Догубеязит. Но через несколько минут доктор объявил, что дыхание Махмута Танли прекратилось, массаж сердца и искусственное дыхание оказывались примерно полчаса, но не принесли результатов. Все полицейские утверждают, что насилие, пытки и иное жестокое обращение к задержанному не применялось.

В протоколе, составленном в ту ночь по факту смерти, отмечено, что на теле покойного следов насилия не обнаружено и что смерть наступила вследствие сердечного приступа. Недостатки данной экспертизы будут освещены ниже. Вторая экспертиза, проведенная почти через год, не смогла определить, были ли на теле умершего следы применения пыток, ввиду сильного разложения трупа. Фотографии, представленные заявителем, также неубедительны — на них изображены некие следы, которые, возможно, являются, а возможно, и не являются следами применения пыток; давность этих следов и появлялись ли они после смерти, неясны. Не привносят убедительности и утверждения заявителя и его дяди Ахмета Танли перед Ассоциацией по защите прав человека, согласно которым они видели на теле погибшего свидетельства насилия. Эти заявления не были повторены ни прокурору, ни перед судом, в то время как в обращении заявителя к прокурору делается особый акцент на видах пыток, которые не оставляют заметных следов.

Утверждения заявителя, согласно которым причиной смерти его сына явились пытки, основаны в большей степени на том, что он был абсолютно здоров перед арестом и что вероятность смерти двадцатидвухлетнего мужчины от внезапного сердечного приступа минимальна. Следует также обратить внимание, что, по данным ЕКПП, применение пыток к членам РПК, содержащимся под стражей в полиции, являлось в рассматриваемое время очень распространенной практикой.

Утверждалось, что смерть наступила по причине эмболии сердеч-

ных сосудов, однако такое объяснение было подвергнуто суровой критике Институтом судебной медицины и доктором Милроем, суд-медэкспертом, чье заключение было представлено заявителем.

Однако на основании имеющихся данных сделать вывод о наличии у покойного эмболии сосудов было невозможно.

Суд пришел к выводу, что причина смерти не была установлена с медицинской точки зрения в ходе национального судебного разбирательства. В частности, не было доказано, что Махмут Танли умер естественной смертью.

Стандарт доказанности со стороны государства, применяемый Судом, — доказанность вне разумных сомнений. Такая доказанность может быть достигнута неопровержимыми фактами. Вопрос, подвергался ли непосредственно перед смертью Махмут Танли пыткам, непосредственно связан с вопросом об ответственности государства-ответчика за их применение и его смерть в период нахождения под стражей в полиции. Суд рассмотрит в совокупности фактические и юридические вопросы, относящиеся к жалобе заявителя на основании Конвенции.

Расследование проводилось прокурором округа Догубеязит. Прокурор присутствовал при посмертной экспертизе, проводимой двумя врачами. Недостатки данной экспертизы были освещены выше. Прокурор взял показания у трех полицейских, проводивших допрос; трех офицеров, находившихся рядом с комнатой для допросов, которые были свидетелями развития событий; доктора Агралли, который оказывал первую медицинскую помощь; заявителя и нескольких жителей деревни. Он запросил также справку из военного дела Махмута Танли и получил информацию из жандармерии округа Догубеязит. Он получил и заявление адвоката Ахмета Гереза, который оказывал помощь заявителю при подаче жалобы. Показания других арестованных, содержащихся вместе с Махмутом Танли в полицейском участке Улуйола, получены не были.

То, что заявитель по совету своего адвоката попросил прокурора направить тело его сына для экспертизы в Институт судебной медицины в Стамбуле, не оспаривается. Прокурор сообщил, что обязанность обеспечить транспортировку в надлежащем гробу ложится на заявителя. Заявитель, посоветовавшись с семьей, отказался от своей просьбы и сообщил прокурору о своем намерении похоронить тело. Он настаивал на отказе даже после того, как прокурор попросил обдумать данное решение еще раз, поскольку результаты экспертизы

очень помогли бы при проведении расследования. Затем прокурор выдал тело с тем, чтобы заявитель произвел захоронение.

Причины отказа от проведения экспертизы заявитель объяснял в своих заявлениях: в Ассоциации по защите прав человека он сообщил, что опасался ответных санкций; в объяснении от 29 июня 1994 г. указал, что считал проведение экспертизы бессмысленным; в заявлении прокурору от 30 июня 1994 г. ссылаясь на возможные трудности и опасался оказания на него давления; на судебном разбирательстве 22 сентября 1994 г. снова утверждал, что опасался ответных санкций; в заявлении, сделанном в связи с подачей жалобы в Комиссию, от 6 июня 1995 г. указывал на сложности осуществления данного мероприятия.

Ахмет Герез в своем объяснении от 30 июня связывал отказ с трудностями при транспортировке тела и иными неопределенными опасениями.

Суд удовлетворен объяснением, что заявитель отказался от проведения экспертизы как по причине страха перед ответственностью, с которой связано данное мероприятие, так и по причине опасений возможной негативной реакции со стороны определенных лиц.

Обвинительный акт от 3 августа 1994 г. содержит обвинения Али Гюндогду, Мурата Демирпенче и Ёккеша Айбара в причинении смерти в результате применения насилия, наказание за которое устанавливается статьей 243 Уголовного кодекса Турции. Первое заседание Суда присяжных прошло 12 августа 1994 г., на нем были выданы повестки о вызове в суд свидетелей. 22 сентября 1994 г. Суд присяжных заслушал показания двух обвиняемых (Мурат Демирпенче в суд не явился), заявителя, трех жителей деревни и полицейских — Нихата Аджара, Джафера Йигита и Ёмера Гюзеля.

Показания Мурата Демирпенче были заслушаны судом 20 октября 1994 г. 17 ноября 1994 г. в суд явился Ахмут Аккуш, еще один житель деревни Ёртюлю, и были получены результаты судебного поручения о проведении допроса доктора Атрали. Иных процессуальных действий не совершалось до 12 февраля 1995 г., когда суд принял решение направить материалы дела в Институт судебной медицины в Стамбуле для получения заключения. 23 мая 1995 г. после получения ответа из Института судебной медицины суд вынес постановление о проведении эксгумации трупа.

Эксгумация трупа была осуществлена 9 июня 1995 г., и 12 июня 1995 г. была произведена посмертно экспертиза. Протокол осмотра

трупа был направлен Первому комитету экспертов для заключения. Судебное заседание было отложено до получения данного заключения, а 18 января 1996 г. суд поручил прокурору выяснить причины такой долгой задержки. Заключение Института судебной медицины было составлено 13 марта 1996 г., где указывалось, что установить причину смерти невозможно.

14 мая 1996 г. Суд присяжных вынес оправдательный приговор трем полицейским на том основании, что причина смерти Махмута Танли не была установлена и не имелось веских доказательств, свидетельствующих о совершении ими преступления, в котором они обвиняются.

Заявитель попытался подать апелляцию на вынесенный оправдательный приговор 15 мая 1996 г. Суд присяжных отказал в разрешении на апелляцию ввиду того, что заявитель не является стороной в процессе. Данное решение Суда присяжных было оставлено в силе Апелляционным судом 11 ноября 1996 г.

Суд отметил, что власти государства-ответчика не представили убедительных объяснений смерти Махмута Танли, наступившей в период его содержания под стражей, учитывая его явно крепкое здоровье до ареста. В отличие от дела *Salman v. Turkey*, в материалах рассматриваемого дела нет сведений о следах телесных повреждений, которые подтверждали бы обвинения заявителя в применении пыток. Несмотря на то, что заявитель и другие свидетели утверждали, что видели кровоподтеки на теле покойного, в материалах дела нет медицинского обоснования, согласно которому указанные кровоподтеки являются последствиями пыток, а не трупными изменениями. Судмедэксперт, к которому обратился заявитель, не смог представить никаких выводов на основании фотоснимков тела, сделанных накануне захоронения тела. Следовательно, в материалах дела не имеется доказательств, за исключением неустановленной причины смерти, подтверждающих факт применения пыток.

При таких обстоятельствах, а также учитывая вывод в отношении статьи 2 Конвенции, Суд не считал уместным делать выводы на основании утверждений заявителя относительно того, имели ли место пытки и жестокое обращение в действительности или нет. Учитывая недостатки посмертной экспертизы, которые сделали невозможным получение конкретных доказательств применения насилия, а следовательно, и установление и наказание виновных лиц, Суд счел, что данная жалоба должна рассматриваться на предмет наличия на-

рушения статьи 13 Конвенции (см. *Ihan v. Turkey*, решение от 27 июня 2000 г.). Что касается утверждений заявителя о последствиях, отразившихся на нем, Суд ни в коей мере не ставит под сомнение тяжелые переживания, вызванные смертью сына. Однако Суд не нашел в данном случае нарушения статьи 3 Конвенции вопреки ссылке заявителя на прецедентное право Европейского суда.

Суд счел, что нарушение статьи 3 Конвенции не было доказано. Соответственно, Суд пришел к выводу, что данное положение Конвенции не нарушено.

ЭРГИ ПРОТИВ ТУРЦИИ

ERGI v. TURKEY

Решение от 28 июля 1998 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, господин Эрги, выступал от своего имени, а также представлял интересы своей убитой сестры и ее несовершеннолетней дочери. Дело касается событий, произошедших 29 сентября 1993 г. в деревне Кесентас, в результате которых погибла Хавва Эрги.

29 сентября 1993 г. местные правоохранительные органы в деревне Кесентас устроили засаду с целью поймать членов Рабочей партии Курдистана. Они открыли беспорядочный огонь по жилым домам, якобы преследуя членов РПК, в результате чего и была застрелена сестра заявителя, которая в этот момент вышла за чем-то на балкон. Баллистическая экспертиза подтвердила, что пуля, убившая ее, относится к оружию турецких вооруженных сил. Было также установлено, что пуля была выпущена именно со стороны, где расположились бойцы правоохранительных органов, поскольку в противном случае она попала бы в одну из стен дома.

Однако представители государства утверждают, что сестра заявителя не могла быть убита их войсками, поскольку они располагались со строго противоположной стороны, и то, что со слов заявителя было беспорядочной стрельбой, являлось лишь прицельной зачисткой членов РПК (ни один из них не был убит или задержан).

В ходе разбирательства в органах правосудия Турции данное дело было передано в прокуратуру Эргани жандармом Ахметом Кузу с докладом о том, что Хавва Эрги была убита в ходе военной опера-

ции против членов террористической группы в результате вооруженного столкновения. 12 декабря 1993 г. прокурор Эргани Мустафа Йус, усмотрев дело выходящим из-под его юрисдикции, передал его в Национальный Военный суд Дийарбакир, где оно по-прежнему ожидает решения. В письме от 8 декабря 1994 г. Генеральный прокурор Национального Военного суда Дийарбакир в Министерство юстиции сообщил, что Хавва Эрги была убита пулей, которая отколошетила от дверного проема, была сильно смята, вследствие чего не могло быть точно установлено, откуда стреляли. Заявления о беспорядочной стрельбе были неправомерны, поскольку огонь был открыт след террористам.

Поскольку факты дела являются причиной спора, Комиссия сочла необходимым провести собственное расследование при участии сторон, а также при привлечении некоторых документов, включая устные и письменные показания, принятые у свидетелей тремя делегатами во время слушаний в Анкаре 7–8 февраля 1996 г. Результаты этого расследования можно представить следующими пунктами: 1) подобные столкновения происходили в деревне и ранее; 2) данные события (29 сентября 1993 г.) не были должным образом оформлены в документах; 3) двое жандармов признались, что не находились в деревне во время столкновения; 4) судя по всему, представители силовых органов вообще не были допрошены в связи с данным происшествием; 5) заявитель также утверждал, что беспорядочная стрельба была открыта по жилым домам в связи с убийством «осведомителя» и что представители полиции неоднократно их запугивали; 6) заявитель показал порядка 100 домов, поврежденных пулями, в то время как в отчетах властей речь шла о 5–6 домах и нескольких автомобилях; 7) много месяцев спустя Комиссия получила план деревни, из которого было видно, что стрельба велась со стороны правоохранительных органов Турции; Правительство этого не оспаривало; 8) Комиссия не смогла подтвердить, что пуля, убившая Хавву Эрги, была выпущена представителем вооруженных сил Турции, однако фактов, говорящих в пользу этого суждения, достаточно; 9) военного расследования данного дела не было, хотя операция проводилась с нарушением основного правила (не проводить военных операций в населенных пунктах).

Представляя свои интересы, своей погибшей сестры и малолетней племянницы, господин Эрги жаловался, что его сестра была убита вооруженными силами, что нарушает статью 2 Конвенции.

Выводы Суда

Комиссия, ссылаясь на полученные сведения и улики, заявила о невозможности утверждения, была ли Хавва Эрги убита солдатами, но фактов, говорящих в пользу данного суждения, предостаточно, однако маловероятна мысль не о вооруженной засаде против террористов, а о целенаправленной стрельбе по жилым домам в связи с убийством «осведомителя». В дополнение к вышесказанному Комиссия обнаружила, что операция проводилась с недостаточной предосторожностью о сохранности гражданского населения. Соответственно, нарушение статьи 2 имело место.

Заявитель выразил сомнение о присутствии членов РПК в районе в день проведения операции и утверждал, что стрельба велась без правового оправдания в нарушение статьи 2 Конвенции. Поскольку государство не смогло доказать присутствие членов РПК, что им надлежало сделать, утверждение заявителя должно было быть признано верным на основании правомерного сомнения, как, например, в других случаях подобных разбирательств (решение по делу *Godínez Cruz v. Honduras*, рассмотренному Межамериканским судом по правам человека от 29 января 1989 г., п.136, 140–141, а также решение по делу *Bleir v. Uruguay*, рассмотренному Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций).

С другой стороны, если Правительство действительно проводило вооруженную операцию, то она не была должным образом спланирована и проведена, а потому заявитель попросил подтвердить выводы Комиссии. Он также обратился к Суду с тем, чтобы был подтвержден факт ненадлежащего расследования обстоятельств данного дела. Он утверждал, что статья 2 была нарушена в четырех аспектах: 1) государство-ответчик не справилось со своими обязательствами провести юридическое расследование (в прокуратуре) и внутреннее расследование (в жандармерии); 2) прокурор Национального Военного суда не предпринял никаких действий в отношении прокурора Эргани, который, по сведениям Комиссии, составил отчет, не соответствующий действительности, чтобы оправдать обвиняемых (солдат); 3) командование жандармерии вовсе не проводило расследования; 4) выучка вооруженных сил и правила проведения операции были неадекватны и не предотвратили стрельбы по жилым домам, что нарушило статью 2.

Правительство не отрицало факта, что в районе проводилась во-

оруженная операция, однако оспаривало, что Хавва Эрги была убита солдатами, также и то, что операция была направлена против жителей деревни.

Подобно Комиссии, Суд полагает, что недостаточно сведений, чтобы утверждать, что сестра заявителя была намеренно убита солдатами в связи с обстоятельствами, описываемыми заявителем.

В дополнение Суд придает особое значение процедурным требованиям, подразумеваемым статьей 2 Конвенции. В соответствии с ними обязательство защищать право на жизнь, рассматриваемое вместе с основной обязанностью государства, возложенной статьей 1, а именно *обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции*, подразумевает проведение эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди погибли в результате применения силы, среди прочего, функционерами государства (см. решение по делу *McCann*; а также решение по делу *Kaya*). Таким образом, в отличие от определения данной ситуации государством, эти дела не ограничиваются теми, где было установлено, что смерть была вызвана именно функционерами государства. Не является определяющим и то, было ли подано родственниками умершего или другими лицами формальное заявление об убийстве в соответствующие компетентные следственные органы. В рассматриваемом деле одно то, что представители власти знали о случившемся убийстве, подразумевает, в силу самого факта, вступление в силу обязательства, возложенного статьей 2 Конвенции, о проведении эффективного расследования обстоятельств смерти.

Тем не менее Суд был шокирован высокой степенью доверия, с которым Мустафа Юс, прокурор, которому надлежало расследовать факт смерти Хаввы Эрги, отнесся к заключению жандармерии о том, что она была убита пулей РПК. Он пояснил, что только в случае наличия фактов, противоречащих данному заключению, он бы счел нужным принятие других мер по расследованию. Он также полагал, что это было долгом пострадавшей семьи — убедить его, что действия правоохранительных органов были неверны, чего они не сделали. Именно на основании отсутствия таких подозрений он вынес решение об отсутствии юрисдикции, отмечая, что РПК подозревалась в убийстве, не принимая во внимание показания пострадавшей семьи, жителей деревни, а также военных, присутствовавших во время операции.

Учитывая это, из вышеуказанного доклада не было очевидно, что именно пулей РПК была убита сестра заявителя.

Более того, доклад был составлен начальником жандармерии, Исой Гундогду, который лично не присутствовал во время столкновения и, кроме того, заявил, что не имел представления о том, какие офицеры или воинские части были задействованы в операции, и что он опирался на информацию, полученную из коротких радиосообщений. Несмотря на это, прокурор не стал расследовать обстоятельства убийства Хаввы Эрги, а потому не мог быть проинформирован об этих документах.

Не было проведено и более детального разбора ни начальником жандармерии, ни прокурором о том, была ли военная операция проведена надлежащим образом. И, несмотря на то, что Ахметом Кузу было отмечено, что военная операция должна проводиться вне населенного пункта, а по плану данная операция была сосредоточена на севере деревни, не проводилось никаких разбирательств адекватности планирования по отношению к конкретным обстоятельствам дела.

В свете всего вышесказанного Суд, как и Комиссия, полагает, что власти не справились со своими обязательствами по проведению эффективного расследования смерти Хаввы Эрги.

Принимая во внимание мнение, составленное Комиссией, а также соображения, исходящие из формулировки статьи 2, Суд полагает, что турецкие власти не защитили надлежащим образом жизнь Хаввы Эрги, прежде всего, из-за ошибок в планировании и проведении операции вооруженных сил и отсутствия адекватного и эффективно расследования.

Соответственно, нарушение статьи 2 имело место.

ИРЛАНДИЯ ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

IRELAND v. THE UNITED KINGDOM

Решение от 18 января 1978 г.

Обстоятельства дела

Основанием данного дела стал трагический длительный кризис в Северной Ирландии. Для борьбы с тем, что государством-ответчиком было охарактеризовано как «самая длительная и жестокая тер-

рористическая кампания, проходившая в какой-либо части острова Ирландии», в Северной Ирландии в августе 1971 г. были введены меры по внесудебному аресту, содержанию под стражей и интернированию, которые осуществлялись вплоть до декабря 1975 г. Разбирательства в данном деле рассматривают как масштаб и функционирование данных мер, так и утверждаемое жестокое обращение с людьми, подобным образом оказавшимися в заключении.

К марту 1975 г., по данным государства-ответчика, более 1 100 человек были убиты, более 11 500 — ранены, а также была разрушена собственность на сумму, превышающую 140 000 000 фунтов стерлингов в ходе данных событий в Северной Ирландии.

В 1971 г. в Северной Ирландии в связи со сложившейся ситуацией было введено чрезвычайное положение и так называемое прямое правление. В силу вступили ряд законов и положений, специально для этого подготовленных (Закон о террористах, Акт о чрезвычайном положении и поправки к ним). В соответствии с данными положениями любой человек, заподозренный в связях с террористами, мог быть задержан для получения информации и имен других участников. Проводились специальные операции, в ходе которых были задержаны сотни людей и доставлены во временные центры допросов, местоположение некоторых установлено не было, среди прочих называются «Дворцовые Бараки» и военная база Балликинлер, а также Гирдвуд Парк. Во время допросов в данных центрах применялись так называемые пять техник: 1) принуждение задержанных часами оставаться в напряженном положении, стоя на цыпочках лицом к стене; 2) надевание на головы задержанных непрозрачных колпаков из ткани и содержание их в таком виде, кроме времени допроса; 3) содержание и допрос заключенных в помещениях, где было постоянно шумно; 4) лишение сна; 5) лишение еды и питья. Именно эти пять техник стали предметом спора о применении пыток и жестоком, унижающем достоинство обращении.

Все вышеперечисленные меры были приняты для борьбы с членами Ирландской Республиканской армии (ИРА) — крупной террористической организации. Однако в обозначенный период в стране действовали и другие формирования, но их деятельность, в отличие от деятельности ИРА, не была кровопролитной. Несмотря на принимаемые меры, в середине периода ИРА ужесточила свои атаки, породив при этом множество споров о необходимости введения в стране чрезвычайного положения.

В ходе разбирательства были рассмотрены показания нескольких сотен свидетелей, имена многих скрыты в целях безопасности, поэтому применяется код каждого конкретного случая. Государством-заявителем были также выбраны показательные случаи для подробного рассмотрения Судом.

Выводы Суда

Во-первых, Суд сразу же оговаривается, что от него не требуется разбираться в каждом аспекте трагических событий в Северной Ирландии. От него не требуется давать оценку действиям террористов, а потому будут рассмотрены только пункты жалобы Правительства Ирландской Республики против Соединенного Королевства. Однако для принятия данных решений Суду придется рассмотреть множество событий, составляющих подоплеку дела.

Для того чтобы определить, велась ли в Северной Ирландии деятельность, противоречащая статье 3 Конвенции, Суд будет опираться на данные, полученные от всех сторон, участвующих в процессе.

Комиссия в своих выводах ссылалась в основном на показания более сотни свидетелей, а также на «показательные случаи», отобранные из всех государством-заявителем. Суд согласился с подобным подходом к подбору доказательств для принятия решения о том, были ли нарушения статьи 3.

Как ранее отмечалось Комиссией, понятие «жестокое обращение» должно подразумевать минимальный уровень жестокости, что определяется всеми обстоятельствами дела: продолжительность подобного обращения с человеком, методы физического и психологического воздействий, а также иногда пол, возраст и состояние здоровья пострадавшего.

В данном деле единственными рассматриваемыми понятиями могут быть «пытка» и «жестокое и унижающее достоинство обращение», то есть понятие «негуманное или унижающее достоинство наказание» не рассматривается.

Применение пяти техник

Пять техник применялись в комплексе и вызывали если не фактический вред здоровью, то длительные физические и психологические страдания и вели к возникновению психических расстройств во время допросов. Таким образом, они, разумеется, попадают в категорию жестокого обращения. Унизительными они являются, поскольку

ку внушали жертвам чувства страха, злости и неполноценности и выводили их из физического и морального равновесия. В этих двух позициях Суд придерживается мнения Комиссии.

Для того чтобы определить, являлось ли применение пяти техник допроса применением пыток, Суд должен учесть разницу, приводимую в статье 3 между этим понятием и понятием о негуманном и унижительном обращении. По мнению Суда, различие это содержится, прежде всего, в разнице интенсивности вызванных страданий. Это понятие также заложено в статье 1 Резолюции 3452 (XXX), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 г., которая гласит: *Пыткой является отягченная и сознательная форма жестокого, негуманного и унижительного обращения или наказания*. Несмотря на то, что пять техник применялись в комплексе и систематически с целью получения информации и имен других подозреваемых, они не вызывали страданий, невыносимых настолько, насколько это заложено смыслом понятия «пытка».

Таким образом, Суд постановил, что использование пяти техник допроса являло собой негуманное и унижающее достоинство обращение, что нарушает статью 3.

Несмотря на то, что государство-заявитель настаивало на случаях жестокого и унижительного отношения помимо пяти техник, Суд считал, что доказательств тому недостаточно.

Соответственно, никакой другой деятельности, противоречащей статье 3 Конвенции, в неустановленном(ых) центре (центрах) не обнаружено, свидетельства, относящиеся к единичному случаю, не могут самостоятельно стать доказательством наличия подобной деятельности.

«Дворцовые Бараки»

Решением Суда было признано, что деятельность, проводимая Королевскими полицейскими силами Ольстера (КПО) в период с сентября по ноябрь 1971 г., на основании «показательных случаев» T2, T8, T12, T15, T9, T14 и T10, рассмотренных Комиссией, включала в себя факты жестокого, унижительного обращения.

Однако, как и ранее, Суд не считал данную деятельность пытками на основании интерпретации статьи 3.

Ирландское Правительство обратилось также к Суду с тем, чтобы тот принял постановление о том, что подобная деятельность велась в «Дворцовых Бараках» вплоть до июня 1972 г., однако на осно-

вании лишь утверждений заявителя подобное решение вынесено быть не может, поэтому Суд, как и Комиссия, полагает, что свидетельств этому недостаточно.

Другие места

По утверждениям государства-заявителя, деятельность, противоречащая статье 3, велась в Северной Ирландии и в других местах с 1971 по 1974 г., например, в Гирдвуд-Парке и в Балликинлере; эти утверждения отрицаются государством-ответчиком.

Вначале Суд разбирался с ситуацией в военном лагере Балликинлера, который был использован в качестве центра задержания и допросов в течение нескольких дней в 1971 г. сотрудниками КПО. Суду надлежало определить, была ли данная деятельность примером жестокого унижительного обращения или нет. Разумеется, с самого начала не было речи о пытках. Однако доказано, что подобная практика ненадлежащего обращения существовала, поскольку во время проведения военной операции сотни людей были задержаны и допрошены. Суд счел, что показаний свидетелей недостаточно, чтобы решить, нарушались ли положения статьи 3. Суд постановляет, что деятельность, проводимая в этом военном лагере, была компрометирующей и предосудительной, но не противоречила статье 3.

И в заключение Суд не находит нарушений статьи 3 в деятельности, проводимой в других местах, названных государством-заявителем.

Государство-заявитель потребовало также принятия решения в отношении государства-ответчика о начале уголовных или административных разбирательств в отношении лиц, участвовавших в этих действиях, однако Суд данное требование отклонил.

Z И ДРУГИЕ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Z AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM

Постановление от 10 мая 2001 г.

Обстоятельства дела

Заявители — четверо родных братьев и сестер: Z., девочка 1982 г. рождения; A., мальчик 1984 г. рождения; B., мальчик 1986 г. рождения; C., девочка 1988 г. рождения. Родители заявителей поженились в ноябре 1981 г.

На семью впервые обратили внимание социальные службы в октябре 1987 г. после визита инспектора здравоохранения ввиду заботы о детях и семейных проблем. Сообщалось, что Z. по ночам таскает еду. По направлению социальных служб 24 ноября 1987 г. была проведена встреча специалистов, в которой участвовали соответствующие органы и на которой было решено, что семью должны посещать социальный работник и инспектор здравоохранения. Семью проверяли на следующей встрече, состоявшейся в марте 1988 г., и оказалось, что проблемы исчезли, дело было закрыто.

В сентябре 1988 г. один из их соседей сообщил, что дом закрытается и дети остаются на улице практически весь день.

В апреле 1989 г. полиция сообщала, что спальные комнаты детей были грязными. Семейный врач также подтверждал, что спальные комнаты детей были грязными и двери оставались закрытыми. Учитель детей Армстронг выразила беспокойство в мае 1989 г. и потребовала созвать специалистов для рассмотрения дела. В июне 1989 г. Национальное общество по недопущению жестокого обращения с детьми и группа работников по особым ситуациям провели встречу по жалобам соседей на то, что дом грязный и что дети проводят большую часть дня в своих спальнях, им не позволено играть на улице, они часто плачут. В августе 1989 г. бабушка детей со стороны матери обратилась с жалобой в социальные службы на то, что мать не заботится о детях, и на дисциплину детей.

4 октября 1989 г. на встрече специалистов, на которой присутствовали сотрудники социальных служб, учитель заявителей, семейный врач и инспектор по здравоохранению, было решено, что социальный работник в семью направляться не будет. Школе было поручено наблюдать за весом старших детей, а инспектор по здравоохранению должен был продолжать регулярно посещать семью. Было решено, что данная проблема касалась ограниченной небрежной заботы о детях, нежели физического злоупотребления, и что родителям будут помогать для лучшего осуществления ими их обязанностей.

В октябре 1989 г., когда заявители были на каникулах, их дом был ограблен. Войдя в него, полиция обнаружила, что он очень грязный. И использованные гигиенические женские прокладки и грязные салфетки были оставлены на серванте, а матрасы детей были мокрыми от мочи. 13 декабря 1989 г. на встрече специалистов инспектор по здравоохранению потребовала внесения четырех старших детей в Реестр по защите детей, поскольку она считала, что их мать не могла осуще-

ствлять заботу о них. Данное предложение было отклонено. Однако в семью была направлена помощник по социальной работе М. На встрече не считали целесообразным созывать конференцию по данному делу на этой стадии. До встречи Z. и А. сообщили учителю, что А. обжегся кочергой. Было решено, что данное утверждение будет рассмотрено.

23 марта 1990 г. на встрече специалистов были отмечены улучшения в отношении чистоты дома, постельное белье детей дважды было обнаружено чистым. Однако докладывалось, что Z. и А. достают еду из мусорных баков в школе. Это было расценено как тревожный фактор, особенно потому, что ожидалось рождение еще одного ребенка.

11 июля 1990 г. на встрече специалистов учитель детей сообщила об ухудшении благосостояния детей; Z. и А. продолжали брать еду из мусорных баков в школе, а А. сильно пачкался. М. посещала семью еженедельно на данной стадии и сообщала, что проверяла спальные комнаты детей. Она отмечала, что дети ели примерно в 16.00–16.30, а после этого не ели до утра. Детей также отправляли спать в 18.00. Было запланировано предоставить матери заявителей дальнейшую помощь через добровольческие агентства.

Примерно в сентябре 1990 г. докладывалось, что А. и В. имели кровоподтеки на лицах. Сотрудники полиции провели расследование после того, как соседи сообщили о криках из дома заявителей, но не установили следов кровоподтеков. Они доложили в социальные службы, что «условия в доме были ужасающими и не подходили для проживания детей».

3 октября 1990 г. на следующей встрече специалистов помощник по социальной работе М. утверждала, что ей известно о том, что дети ходят грязными, и об отсутствии интереса к этому у их матери. Очевидно, дети испражнялись в своих спальнях и размазывали экскременты по окнам. Учитель выразила озабоченность, особенно состоянием А. и В., и утверждала, что дети рассказывали о деревянных строительных материалах, которыми были закрыты двери в их спальни. Было решено продолжить наблюдение за детьми.

5 декабря 1990 г. на встрече специалистов было принято решение провести конференцию по данному делу в январе 1991 г. как результат озабоченности воспитанием детей и состоянием их спальных комнат. М. утверждала, что состояние спальной комнаты мальчиков значительно ухудшилось. Она нашла комнаты сырыми и зловонными. Кровать А. была сломана, и из нее торчал металлический

прут. Постельное белье было сырым и грязным, на нем были следы земли.

В докладе от 24 января 1991 г. учитель указывала, что А. плохо выглядел, был часто грязным и постоянно лазил по мусорным бакам на игровой площадке в поисках яблочных огрызков. Z. была грустной, она часто и без причин плакала, все больше отстранялась от девочек-сверстниц после неприятных инцидентов, в которых были сделаны нелицеприятные оценки ее внешнего вида. В. был одиноким, грустным и перепачканным. Он регулярно становился безучастным, часто плакал и просил взрослых о физической помощи.

28 января 1991 г. на конференции по данному делу М. утверждала, что в спальной комнате мальчиков не было освещения, ковра или игрушек и что их постельное белье было сырым, зловонным и испачканным. Их мать не меняла им белье. Их учитель утверждала, что Z. часто плакала и была замкнутой, А. лазил по школьным мусорным бакам и был всегда грязным, а В. был очень замкнутым, требовал к себе внимания и постоянно был голоден. Председатель конференции пришел к выводу о том, что, несмотря на многие вопросы по воспитанию заявителей и условиям в их доме, имеется недостаточно доказательств для обращения в суд. Казалось, родители не намеренно пренебрежительно относились к детям и, принимая во внимание их собственное плохое воспитание, считали, что они делают все, что могут, и что необходима дальнейшая помощь в целях улучшения положения. Было решено не заносить детей в Реестр по защите детей.

5 марта 1991 г. у В. были обнаружены «необычные» кровоподтеки на спине.

На следующей встрече социальных служб в апреле 1991 г. не было отмечено изменений в условиях проживания детей. Учитель детей заявила, что Z. и А. продолжают лазить за едой в мусорные баки и что А. становится все более замкнутым. М. докладывала, что мать заявителей утверждала, что дети подбирают еду из мусорных баков на парковке по пути в школу.

В июле 1991 г. мать заявителей сообщила социальным службам, что детям было бы лучше проживать под опекой. 12 августа 1991 г. в социальные службы позвонил сосед заявителей, который утверждал, что детей постоянно запирают на грязном заднем дворе, что они постоянно плачут и длительное время содержатся в своих спальных комнатах, в которых размазывают фекалии по окнам. Позже бабушка и дедушка заявителей со стороны матери заявили опекуну, что

мать обращалась с Z. как с маленькой слугой, и Z. должна была очищать окна от фекалий.

С 19 по 28 августа 1991 г. трое старших детей провели некоторое время с воспитателями во временных воспитательных учреждениях. Воспитатели докладывали, что А. до того, как к ним попал, не знал, как мыться, принимать ванну и чистить зубы. Он мочился в постель каждую ночь и воровал еду у своего брата. В. описывался как «очень напуганный. Он не мог понять, как он мог играть в саду и дверь при этом оставалась бы открытой, чтобы он мог войти, тогда как он привык, что она закрыта». Его также научили правильно пользоваться туалетом и мыться.

18 сентября 1991 г. на встрече специалистов М. заявила, что условия, в которых спят дети, являются ужасными. Матрацы в спальном комнате мальчиков были рваными, и прутья торчали из них. Мальчики воровали еду, за этим также заставляли С. Их мать утверждала, что она не может их контролировать. Было решено не проводить встречу по защите детей, но провести месячную проверку веса троих старших детей в школе, а инспекторы по здравоохранению должны были проверять вес двух младших детей. Было решено, кроме того, направлять Z., А. и В. во временные воспитательные учреждения на каникулы, а также на выходные раз в месяц.

В ноябре–декабре 1991 г. у С. было обнаружено развивающееся косоглазие. Ее мать не приходила с ней на прием в поликлинику в течение следующих месяцев.

Как было сообщено на встрече специалистов 21 ноября 1991 г., мать заявителей сказала, что не может контролировать поведение детей, поскольку они отказывались идти спать, когда им об этом говорили, и воровали еду. Было установлено, что дом находился в приемлемом состоянии, хотя условиям в спальном комнате мальчиков все еще следует уделить внимание. Вес детей записывался. Было отмечено, что Z. прибавила в весе за последние два месяца один килограмм, в то время как за последние два года она набрала лишь один килограмм двести пятьдесят граммов. А. за год поправился только на один килограмм пятьсот граммов. В. набрал за год двести пятьдесят граммов. Велось обсуждение вопроса о том, что троих старших детей следует поместить под попечительство местных органов власти, чтобы позволить их матери «встать на ноги». Социальные службы установили шестимесячный срок, в то время как врач рекомендовал срок от восемнадцати месяцев до двух лет.

В декабре 1991 г. социальный работник ознакомил мать заявителей с планом оказания ей помощи в ведении покупок, расходовании денег и приготовлении еды.

Z., А. и В. были размещены у добровольцев с января по март 1992 г. и за это время набрали вес. В марте и апреле 1992 г. их мать осведомлялась о том, могли ли мальчики, А. и В., быть усыновлены.

14 января 1992 г. С. стала ходить в ясли при семейном центре. Было отмечено, что она была необщительной, ее развитие отставало, она не умела делиться с другими, плохо говорила.

9 марта 1992 г. на следующей встрече специалистов было решено, что необходимо прибегать и далее к временным воспитательным учреждениям. Вес детей был зафиксирован, наблюдалось его увеличение у Z., А. и В.

Родители детей развелись в апреле 1992 г.

30 апреля 1992 г. на встрече специалистов было решено, что целесообразно последовать просьбе матери заявителей и направить А. и В. на усыновление. Учитель затронула вопрос основополагающей роли заботы матери о детях, в частности, в связи с положением Z. в семье и ее материнской ролью, которую она играла. М. сообщала, что положение А. и В. в семье было ужасающим.

10 июня 1992 г. мать заявителей попросила поместить детей под опеку, поскольку она не могла с ними справиться. Она утверждала, что если их у нее не заберут, она их будет бить. Заявители были помещены во временное воспитательное учреждение. 22 июня 1992 г. после проведения встречи по защите детей заявители были внесены в Реестр по защите детей в категории «пренебрежение и эмоциональное злоупотребление».

Заявители были раздельно направлены во временные воспитательные учреждения. Сразу было отмечено, что у Z. грязная, поношенная одежда. Она утверждала, что ей не хотелось бы жить со своими братьями и сестрами, поскольку ей постоянно приходилось присматривать за ними. А. каждую ночь мочился в постель, избегал физических контактов и страдал от ночных кошмаров. В. не знал, как пользоваться туалетом и туалетной бумагой. С. быстро привыкла к своим приемным родителям.

8 октября 1992 г. местные власти приняли решение о необходимости установления опеки над детьми. 7 декабря 1992 г. были приняты временные решения об этом.

Инспектор, назначенный 18 января 1993 г., рекомендовала уста-

новить опеку над всеми заявителями в целях их защиты от дальнейшего причинения вреда. Она утверждала, что существовало «изобилие доказательств того, что дети подвергались физическому и психическому жестокому обращению». Как она отметила, родители не следили за их здоровьем и постоянно не являлись на приемы к врачам, в частности, к окулисту.

В январе 1993 г. все заявители были осмотрены доктором Дорой Блэк, консультантом по детской психиатрии. Доктор Блэк утверждала, что трое старших детей проявляли признаки физиологического расстройства. У Z. были явные признаки тяжелой депрессии, она ощущала ответственность за свою семью и за ее разрушение. Отношение матери к ней могло быть описано как грубое и эмоционально насильственное. У A. и B., страдавших ночными кошмарами, были обнаружены признаки посттравматического стресса, а A. находился в хронически подавленном состоянии. Доктор Блэк отметила, что все дети были лишены любви и физической заботы. Она описывала их жизненный опыт как «притупленный, ужасающий» и добавляла, что данный случай был наихудшим проявлением пренебрежения и эмоционального жестокого обращения, с которым она когда-либо сталкивалась на протяжении своей профессиональной деятельности. По ее мнению, социальные службы «в прошлом склонялись к тому, чтобы избежать внесения этих детей в Реестр по защите детей, и слишком затянули с этим, в результате чего как минимум у троих детей появились признаки тяжелого психологического расстройства».

14 апреля 1993 г. Судом графства Милтон Кейнс было принято решение об установлении полной опеки над заявителями.

В июне 1993 г. Государственный солиситор, выступая в качестве заступника заявителей, возбудил разбирательство против местных властей, потребовав возмещения ущерба за небрежность и нарушение законной обязанности, утверждая, что власти не уделили внимания благосостоянию заявителей, как того требует закон, и должны были действовать быстрее и эффективнее, когда они были проинформированы о положении заявителей. Утверждалось, что бездействие местных властей причинило психологический вред заявителям. 12 ноября 1993 г. суд отклонил иск как не имеющий оснований.

Заявители обжаловали это решение в Апелляционный суд, который 28 февраля 1994 г. подтвердил решение суда отклонить иск.

Заявители подали жалобу в Палату лордов. 29 июня 1995 г. Палата лордов отклонила их жалобу, признав, что иск не может быть по-

дан против местных властей ввиду пренебрежения или нарушения законной обязанности в отношении невыполнения их обязательства по обеспечению благосостояния детей в соответствии с Законом об охране детства 1989 г. в части опеки.

Выводы Суда

Заявители утверждали, что местные власти не обеспечили им защиту от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в нарушение статьи 3 Конвенции, которая устанавливает следующее:

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

В своем докладе Комиссия выразила единодушное мнение, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции. Она считала, что существовала позитивная обязанность государства по защите детей от обращения, нарушающего настоящее положение. Власти знали о жестоком обращении и пренебрежении, которым подвергались четверо детей на протяжении ряда лет, находясь в руках у своих родителей, и несмотря на разумно доступные им средства, не предприняли эффективных мер, чтобы положить этому конец.

Заявители попросили Европейский суд подтвердить такой вывод о нарушении.

Власти Соединенного Королевства не оспаривали выводы Комиссии о том, что обращение, которому подвергались четверо заявителей, достигало уровня жестокости, запрещенного статьей 3 Конвенции, и что государство не выполнило свою позитивную обязанность в нарушение статьи 3 Конвенции по обеспечению заявителям адекватной защиты от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Суд напомнил, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она полностью запрещает пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание. Обязанность Высокой Договаривающейся Стороны согласно статье 1 Конвенции по обеспечению каждому, находящемуся под ее юрисдикцией, прав и свобод, определенных в Конвенции, взятая в совокупности со статьей 3 Конвенции, требует от государства предпринять меры, предназначенные для обеспечения того, чтобы лица, находящиеся под его юрисдикцией, не подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, включая такое жестокое обращение, осуществляемое

частными лицами (см. *A. v. the United Kingdom*, решение от 23 сентября 1998 г.). Такие меры должны обеспечить эффективную защиту, в частности, детей и иных уязвимых лиц и включать в себя разумные шаги по предотвращению жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать (см. *Osman v. the United Kingdom*, решение от 28 октября 1998 г.).

В настоящем деле не оспаривалось то, что пренебрежение и злоупотребления, которым подвергались четверо заявителей, достигли порога бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. На такое обращение было указано местным властям самое раннее в октябре 1987 г. Они несли законную обязанность защищать детей и имели в своем распоряжении круг полномочий, включавших полномочие на изъятие детей из их дома. Однако детей поместили лишь во временное воспитательное учреждение по настоянию их матери 30 апреля 1992 г. На протяжении периода наблюдения, длившегося четыре с половиной года, они подвергались в своем доме тому, что детский психиатр-консультант, осматривавший их, назвал ужасающим опытом. Комитет по компенсациям ущерба, причиненного преступной деятельностью, также установил, что дети подвергались ужасному пренебрежению на протяжении длительного периода и пострадали от физического и психического вреда, непосредственно нанесенного преступлением. Суд признал сложность и деликатность решений, вынесенных социальными службами, и важность противопоставленного принципа уважения и сохранения семейной жизни. Однако настоящее дело не оставляет сомнений относительно того, что система не защитила этих детей-заявителей от тяжкого продолжительного пренебрежения и злоупотреблений.

Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

ПРАЙС ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

PRICE v. THE UNITED KINGDOM

Постановление от 10 июля 2001 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, Адель Урсула Прайс — инвалид с четырьмя дефектными конечностями вследствие спровоцированной талидомидом фкомелии. Она также страдает болезнью почек. 20 января 1995 г. в ходе

гражданского производства в суде графства Линкольн по истребованию присужденного долга она отказалась ответить на вопрос о своем финансовом положении и была заключена на семь дней в тюрьму за неуважение к суду. Насколько помнит заявитель, судья распорядился, чтобы ее тут же отвезли в тюрьму г. Уэйкфилд. Выходя из зала суда, заявитель обратилась к служащему суда с просьбой разрешить ей взять с собой устройство для зарядки аккумулятора инвалидной коляски. По ее словам, служащий суда сказал, что это устройство в тюрьме будет считаться предметом роскоши и, следовательно, взять его с собой она не может.

Поскольку дело заявителя слушалось во второй половине дня 20 января 1995 г., не было возможности в тот же день доставить ее в тюрьму, вследствие чего ей пришлось провести ночь в камере полицейского участка графства Линкольн. Данная камера, оборудованная деревянной койкой с матрацем, не была приспособлена для содержания инвалида. По словам заявителя, поскольку койка была жесткой (отчего у нее могла появиться боль в бедрах), ей ничего не оставалось, как спать в инвалидной коляске. Она также не могла дотянуться до кнопки вызова надзирателя и до выключателей, не могла воспользоваться унитазом, поскольку он был выше сиденья коляски и, следовательно, для нее недоступен.

Из тюремных записей явствует, что по прибытии в тюрьму в 19.20 заявитель сообщила дежурному, что у нее больные почки и хроническое воспаление уха, но что в тот момент в помощи врача или лечения она не нуждалась. В 19.50 она отказалась от еды и горячего питья. В 20.50 сказала, что испытывает холод, и надзиратель вернул ее в два одеяла. Когда к заявителю снова зашли в 21.15, она продолжала жаловаться на холод. В 21.35, поскольку ей было все еще холодно и поэтому появилась головная боль, заявителя завернули еще в одно одеяло. Ей предложили выпить горячего, но она отказалась. В 22.00 она спала, в 22.50 — проснулась и снова стала жаловаться на холод, опять отказалась от горячего питья. В 23.15 попросила вызвать врача, который прибыл в 23.50.

Как значится в тюремных записях, заявитель спала до 7.00, после чего была переведена в другую камеру. Там ей предложили еду и питье, но она отказалась. В 8.30 ее отвезли в женскую тюрьму «Нью-Холл» Уэйкфилда, где заявитель находилась до второй половины дня 23 января 1995 г.

В тюрьме «Нью-Холл» заявителя поместили не в обычную каме-

ру, а в тюремный медицинский пункт. Там была широкая дверь, позволяющая въезжать в помещение на коляске, в туалетной нише имелись поручни, а больничная койка была снабжена гидравлическим управлением. По прибытии в тюрьму заявитель заполнила медицинскую анкету. По ее словам, у нее были проблемы со здоровьем, но они — «под контролем и решаются по мере появления».

Заявитель утверждала, что вечером 21 января 1995 г. женщина-надзиратель посадила ее на унитаз, после чего оставила сидеть в этом положении в течение трех часов, пока больная не разрешила мужчине-санитару снять ее с унитаза и подмыть. Власти Соединенного Королевства утверждали, что 21 января 1995 г. дежурила только одна няня — сестра Листер, которая воспользовалась помощью двух сотрудников, старшего офицера Тингла и офицера Боумена, чтобы посадить больную на унитаз. Затем она вышла из комнаты, дав возможность больной сделать свое дело. После этого сестра Листер подмыла заявителя и положила на спину. Из справки властей Соединенного Королевства неясно, кем являлись старший офицер Тингл и офицер Боумен — членами медперсонала или офицерами тюрьмы, не имевшими сестринской квалификации. Далее заявитель утверждала, что в тот же вечер 21 января 1995 г. медсестра, помогавшая ей сесть на унитаз, в присутствии двух мужчин — тюремных санитаров сняла с нее нижнее белье, тем самым оголив ее ниже пояса перед мужчинами. Власти Соединенного Королевства отрицали, что подобное имело место. Они утверждали, что до своего освобождения из тюрьмы заявитель жаловалась начальнику тюрьмы на недостаток соответствующих условий, но при этом описанные выше события не упоминала.

Положения об уменьшении тюремного срока, изложенные в статьях 45 и 33 Закона об уголовной юстиции 1991 г., предусматривали, что заявитель должна была отбыть только половину назначенного по приговору срока, то есть три с половиной дня.

Заявителя забрал из тюрьмы ее знакомый. Она утверждала, что в результате плохого обращения с ней в тюрьме у нее в течение десяти недель были проблемы со здоровьем. Однако заявитель не представила конкретных медицинских доказательств в подтверждение своей жалобы.

30 января 1995 г. заявитель проконсультировалась с адвокатами, намереваясь подать против Министерства внутренних дел иск за халатность. Ей была предоставлена бесплатная юридическая помощь в размере суммы расходов на сбор доказательств и оплату консуль-

тации адвоката по существу дела и по определению размера компенсации. В своем заключении от 6 марта 1996 г. адвокат указал на трудности, с которыми столкнется заявитель, если будет доказывать, что, как она утверждает, за ней был плохой уход, и сослался на постановление Высокого суда (см. *Knight and others v. Home Office and other*), согласно которому ввиду недостатка средств тюремные стандарты ухода в тюремном госпитале ниже, чем установленные для соответствующих внешних учреждений. С учетом данного прецедента и ожидаемых трудностей в подборе доказательств адвокат пришел к выводу, что у заявителя не было серьезных перспектив выиграть этот иск и что даже в случае успешного исхода компенсация вряд ли превысит 3 000 фунтов стерлингов. В свете данного заключения 13 мая 1996 г. сертификат заявителя на бесплатную юридическую помощь был аннулирован.

Выводы Суда

Заявитель утверждала, что ее заключение в тюрьму и обращение с ней во время содержания в тюрьме нарушили статью 3 Конвенции, которая гласит:

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Власти Соединенного Королевства разъяснили, что по прошествии времени было невозможно установить, давались ли выносившим приговор судьей какие-нибудь указания в отношении места заключения заявителя, хотя обычно Суд графства таких указаний не дает. Непосредственная информация о свободных местах в полицейских участках и тюрьмах имеется у полиции и тюремных властей, поэтому судам удобнее оставлять решение вопросов размещения заключенных на усмотрение этих органов. Даже если судья непосредственно не учел особые нужды заявителя, это не означало нарушения им статьи 3 Конвенции, если при этом не было реального риска плохого обращения с заключенным — чего в случае с заявителем не произошло.

Обращение с заявителем во время заключения было намного ниже минимального уровня жестокости, необходимого для ссылки на статью 3 Конвенции. Так, по прибытии заявителя в тюрьму «Нью-Холл» были учтены ее особые обстоятельства, и она была помещена в тюремный медицинский пункт с доступом к медицинскому персоналу, который делал все необходимое, чтобы удовлетворить ее потребности в пище, питье и гигиене. Власти Соединенного Королевства отри-

цали, что заявителя обслуживал сотрудник мужского пола, или что она была унижена, или что ее достоинство пострадало от того, что она предстала в раздетом виде перед служащими мужского пола. Они напомнили Суду, что согласно его практике сам заявитель должен доказательно опровергнуть обоснованные сомнения в правильности своих утверждений.

Заявитель утверждала, что судья, вынесший приговор, полностью отдавал себе отчет в ее проблемах. Однако он все же решил отправить ее в тюрьму, предварительно не позаботившись о наличии в ней необходимых условий. В полицейском участке заявителя держали в холодном помещении, что обострило заболевание почек. Камера в медпункте не соответствовала ее нуждам, как признал тюремный врач, проводивший медицинский осмотр при поступлении в тюрьму. Обслуживавшие ее тюремные медсестры и служащие были неприветливыми и не старались ей помочь. В продолжение всего заключения заявителя подвергали бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, оставившему физические и психологические травмы.

Суд напомнил, что для того, чтобы быть квалифицированным по статье 3 Конвенции, жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня относительна. Она зависит от всех обстоятельств дела, в том числе продолжительности жестокого обращения, его физических и моральных последствий и в некоторых случаях пола и состояния здоровья жертвы.

Чтобы определить, было ли обращение с заявителем «унижающим достоинство» по смыслу статьи 3 Конвенции, Суд, помимо прочего, обращает внимание на то, преследовало ли оно цель унижить и оскорбить заинтересованное лицо, хотя отсутствие такой цели не может окончательно исключать возможность установления им нарушения статьи 3 (см. *Peers v. Greece*, постановление от 19 апреля 2001 г.).

В рассматриваемом случае заявитель, страдающая талидомидом, безрукий и безногий инвалид с многочисленными болезнями, включая неполноценные почки, проявила неуважение к суду в ходе гражданского производства и была приговорена к лишению свободы на семь дней (хотя по правилу о сокращении наказаний фактически находилась в тюрьме только три ночи (четыре дня)). Похоже, что в соответствии с английским правом и практикой судья, вынесший приговор (в данном случае приговор крайне суровый), перед непосредственной отправкой заявителя в место заключения никак не поинте-

ресовался, где ее будут содержать и смогут ли в месте задержания обеспечить условия, соответствующие ее тяжелому недугу.

Заявитель и власти Соединенного Королевства по-разному характеризуют отношение к ней во время содержания в тюрьме. Поскольку с тех пор прошло немало времени и отсутствуют материалы расследования внутренних судов, трудно восстановить подробную и точную картину происшедшего. В то же время Суд придал большое значение тому обстоятельству, что представленные властями Соединенного Королевства документальные свидетельства, включая относящиеся к тому времени записи, сделанные медперсоналом и служащими тюрьмы, указывают на неспособность полицейских и тюремных властей адекватно учесть особые потребности заявителя.

В первую ночь заключения заявитель содержалась в камере местного полицейского участка, поскольку отвезти ее в тюрьму было поздно. Записи в журнале задержания показывают, что заявитель каждые полчаса жаловалась на холод — серьезная проблема для заявителя, страдающей хроническим заболеванием почек и неспособной согреться движением. Когда в конце концов появился врач, он констатировал, что она не могла лежать на койке и должна была спать в инвалидной коляске, что условия содержания не были приспособлены к нуждам инвалида и что в камере было слишком холодно. Однако Суд отметил, что, несмотря на замечания врача, сотрудник полиции, отвечавший за содержание заявителя, ничего не сделал для перевода ее в более удобное место заключения или ее освобождения. Вместо этого заявитель была оставлена в камере на всю ночь, хотя врач обернул ее в «космическое одеяло» и дал обезболивающее.

На следующий день заявителя доставили в тюрьму Уэйкфилда, где она провела три дня (две ночи). Как указано в записях медсестры, в первую ночь содержания под стражей дежурная сестра не смогла самостоятельно поднять заявителя и по этой причине не помогла ей воспользоваться туалетом. Заявитель утверждала, что вследствие этого ей пришлось перенести крайне унижительное обращение, оказавшись в руках служащих тюрьмы мужского пола. Власти Соединенного Королевства отрицают данную версию событий. Тем не менее представляется ясным, что служащих мужского пола попросили помочь посадить заявителя на унитаз и снять с него.

Суд отметил, что при поступлении заявителя в тюрьму врач и штатная медсестра в своих записях выразили озабоченность по поводу проблем, которые могли возникнуть во время содержания ее под стра-

жей, включая необходимость подниматься на кровать, садиться на унитаз, обмываться, принимать питье и передвигаться, когда разряжается аккумулятор инвалидной коляски. Озабоченность была столь большой, что начальник тюрьмы разрешил персоналу попытаться найти для заявителя место во внешней больнице. Однако в данном случае они все равно не смогли бы перевести туда заявителя, так как у нее не было жалоб на конкретное заболевание. Ко времени освобождения из-под стражи заявитель нуждалась в искусственном опорожнении мочевого пузыря, поскольку недостаток питья и трудности с доступом в туалет привели к задержке мочеиспускания. Она утверждала, что в течение десяти недель после освобождения испытывала проблемы со здоровьем, однако не смогла подкрепить эти утверждения медицинскими справками.

В рассматриваемом деле нет свидетельств определенного намерения унижить достоинство заявителя. Однако Суд признал, что содержание женщины с тяжелой инвалидностью в помещении с опасно низкой температурой, где из-за жесткой и недоступной койки у нее могли появиться пролежни, где она, не испытывая при этом чрезвычайных трудностей, не могла сходить в туалет или обмыться, является унижающим достоинство человека обращением, противоречащим статье 3 Конвенции.

Поэтому в данном случае Суд пришел к выводу о нарушении статьи 3 Конвенции.

ДЕНИЗЧИ И ДРУГИЕ ПРОТИВ КИПРА

DENIZCI AND OTHERS v. CUPRYS

Постановление от 23 мая 2001 г.

Обстоятельства дела

Между 4 и 22 апреля 1994 г. заявители были задержаны сотрудниками полиции и подвергнуты грубому обращению. Их заставили подписать заявления о том, что они добровольно переезжают в северную часть Кипра. Затем они были выдворены в Северный Кипр, причем было сказано, что в случае возвращения их убьют. 2 июня 1994 г. по возвращении на юг сын девятого заявителя Илкер Туфансой был застрелен неизвестными лицами.

Однако некоторые заявители впоследствии вернулись в Южный Кипр, где полиция заставила их сделать заявления о том, что они подвергались плохому обращению со стороны властей Турецкой Республики Северный Кипр (далее — ТРСК), принудивших их к подписанию формуляров жалоб в Европейскую комиссию.

Выводы Суда

Суд напомнил о своей устоявшейся практике, по которой в соответствии с конвенционной системой, действовавшей до 1 ноября 1998 г., установление и проверка фактов были в первую очередь возложены на Европейскую комиссию (бывшие статьи 28 и 31 Конвенции). Однако в данном случае, хотя делегация Комиссии и заслушивала показания заявителей и свидетелей на Кипре, сама Комиссия к 1 ноября 1999 г. доклад не составила, как того требует бывшая статья 31 Конвенции. Поэтому Суду в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции и пунктом 5 Правила 99 Регламента Суда надлежит оценить доказательства и установить факты с учетом всех имеющихся материалов. В данном контексте имеют значение следующие соображения:

1) Суд основывал свои выводы на устных показаниях, данных представителям Комиссии, или письменных показаниях, отобранных в ходе разбирательства; при оценке обоснованности утверждений заявителей стандартом доказанности является «вне разумных сомнений». Подобная доказанность может основываться на сосуществовании достаточно надежных, понятных и совпадающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций фактов; кроме того, может учитываться поведение сторон при отборе показаний (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г.);

2) что касается устных показаний, то Суд отдавал себе отчет в трудностях оценки таких устных показаний, полученных с участием переводчиков; поэтому он внимательно и скрупулезно подходил к истолкованию смысла и значения свидетельских показаний, данных представителям Комиссии. Относительно как устных, так и письменных показаний Суд понимал, что культурный контекст, в котором жили некоторые заявители и свидетели, делал неизбежными некоторые неточности в датах и отдельных деталях (в частности, связанных с цифрами), и не считает, что это обстоятельство способно само по себе отразиться на достоверности показаний;

3) Суд хорошо понимал, что в случаях противоречивого изложения фактов он не может выступать в качестве безупречного суда первой инстанции, рассматривающего факты дела. Выше говорилось о языковых проблемах; но есть еще одна проблема — неизбежный недостаток непосредственного и детального знания условий жизни в регионе. Кроме того, ни Комиссия, ни Суд не имеют права принуждать свидетелей к явке. В данном случае из 28 вызванных свидетелей пять не смогли дать показания представителям Комиссии. Поэтому Суд был поставлен перед трудной задачей принятия решения при отсутствии потенциально значимых показаний;

4) Суду не было представлено никаких законченных производством местных дел с детальными материалами о предполагаемом выдворении заявителей в период между 4–22 апреля 1994 г. Соответственно, Суд основывал свои выводы на устных показаниях, данных представителям Комиссии, или письменных показаниях, представленных в ходе судебного разбирательства.

Заявители утверждали, что в период между 4 и 22 апреля 1994 г. они были задержаны, избиты и насильственно высланы в северную часть Кипра. Власти Кипра отрицали эти факты и указывали, что заявители ушли в северный район по собственному желанию, где были арестованы и подвергнуты избиению турецко-кипрскими солдатами и полицией.

Следовательно, Суду надлежит рассмотреть свидетельские показания, относящиеся к утверждениям заявителей.

Сообщение заявителей о том, что в период между 4–22 апреля 1994 г. они были задержаны полицией Кипра, подвергнуты грубому обращению и высылке в северную часть Кипра, подтверждается рядом свидетелей, заслушанных представителями Комиссии или представивших письменные показания. В частности, Суд отметил, что, несмотря на свои письменные обращения к властям Кипра, где они отказываются от своих показаний, перед представителями Комиссии заявители подтвердили свои первоначальные показания, в которых детально и с минимальными разночтениями описывают события. Суд не считал эти разночтения непримиримыми, полагая, что небольшие расхождения объясняются трудностью восстановления в памяти обстоятельств по прошествии значительного периода времени.

Прежде всего, Суд придал особое значение неоспоримому факту приезда в ночь на 17 апреля 1994 г., самое позднее около 4 часов утра

18 апреля 1994 г., Хусейна Мавидениза с женой и детьми, Хусейна Давулчулара с женой и Догана Давулчулара с женой и детьми в дома Азиза Мертходжи и Йылмаза Давулчулара, находящиеся на юге Кипра. Он отметил, что они прибыли туда, чтобы найти работу и устроиться на жительство. Панайота Папахристофору утверждала, что 17 апреля 1994 г. она дала Азизу денег на такси для поездки в северную часть Кипра, чтобы взять с собой нескольких турок-киприотов, но поздно вечером того же дня ей не понравилось, что Азиз привез в ее дом слишком много людей. Она также утверждала, что всех турок-киприотов Азиз привез в ее дом, а именно Хусейна Мавидениза с женой и детьми, Догана Давулчулара с женой и детьми и Хусейна Давулчулара с женой и детьми. Поэтому 18 апреля 1994 г. в 8.00 она якобы дала им денег на такси, чтобы те могли вернуться на север. Суд считал, что данная версия выглядит неправдоподобной и свидетельствует о стремлении возложить единоличную ответственность за возвращение людей в тот же день в северную часть страны на Панайоту Папахристофору.

Суду трудно согласиться с тем, что после многочасового переезда для поселения на юге группа людей, в том числе женщины и дети, тут же откажется от своих планов и отправится в долгое и утомительное обратное путешествие только потому, что жена Азиза Мертходжи не захотела оставить их у себя дома. В то же время власти Кипра не дали никакого объяснения, почему люди, ночевавшие в доме Йылмаза Мавидениза, решили, как утверждали власти, рано утром на следующий день после прибытия вернуться на север.

При оценке показаний Суд также придал большое значение тому обстоятельству, что по прибытии с севера для устройства на жительство на юге — как вытекает из показаний сотрудников ЦРС и большинства заявителей перед представителями Комиссии — турки-киприоты обычно шли в полицию за социальной помощью в получении жилья и работы.

До заслушания показаний свидетелей в Никосии власти Кипра отрицали, что заявители были задержаны в указанные ими дни и что они приходили в участки полиции для подачи заявлений об отъезде. Однако 3 сентября 1998 г. Андреас Спалалос передал представителям Комиссии шесть заявлений и сказал, что эти заявления, в которых говорится о желании выехать на север Кипра, подписали шестеро турок-киприотов, в разное время посетивших отделения полиции Лимассола (Илкер Денизчи, Эрбай Каптаноглу, Йылмаз Мавидениз

и Сулейман Сейер) и Пафоса (Илкер Туфансой и Ташер Кишмир). Его утверждение, что бланки заявлений заполнялись разными сотрудниками полиции в Лимассоле и Пафосе, не подкрепляется осмотром текстов, который показывает, что все они заполнены одним почерком. Учитывая, что заслушанные Комиссией сотрудники ЦРС подтвердили прикрепление каждого служащего ЦРС к определенному участку полиции, можно сказать, что устные показания заявителей о подписании ими заявлений в одном и том же участке полиции, а именно в районном отделении Троодоса-Камбоса, выглядят полностью правдоподобными.

На слушании все заявители дали одинаковое описание событий, которое соответствовало фактам, изложенным в формулярах жалоб, поданных в Комиссию, и их показаниям в «полиции ТРСК».

Суд также рассмотрел показания заявителей властям Кипра, сопоставив их с устными показаниями. При этом у него возникли серьезные сомнения относительно достоверности показаний властям, особенно учитывая следующие моменты:

а) Суд придал особое значение показаниям Ташера Кишмира представителям Комиссии. Власти поставили под сомнение достоверность показаний этого заявителя, данных и Комиссии, и на севере Кипра, а также его устных показаний. Они подчеркнули, что брат заявителя живет на севере, и утверждали, что по этой причине заявитель, опасаясь за брата, боялся признаться, что его заставили солгать в жалобе, адресованной Комиссии.

Суд отметил, что в полиции Кипра заявитель дважды отказывался от описания событий, изложенного им в жалобе, поданной в Европейскую комиссию, а также подчеркнул то обстоятельство, что, несмотря на неудовлетворительное состояние здоровья (после аварии он пользовался инвалидной коляской) и явные физические страдания, он все-таки явился на беседу с представителями Комиссии. Перед представителями Комиссии заявитель подтвердил свою первоначальную жалобу и сообщил, что четырежды давал показания в полиции Кипра, причем все они были написаны под диктовку полиции и не соответствовали действительности;

б) на Суд также произвели впечатление устные показания Эрбая Каптаноглу, данные Комиссии. По мнению Суда, они соответствовали другим имевшимся свидетельствам. Поэтому Суд пришел к выводу, что заявитель представил правдивое и в основных деталях точное описание событий;

в) в своих показаниях, данных кипрской полиции, Илкер Туфансой утверждал, что решил тайно перейти на север по причине болезни матери. Однако в своих устных показаниях Ребийе Туфансой отрицала, что в это время была больна. У Суда нет оснований сомневаться в искренности показаний Ребийе Туфансой представителям Комиссии. Пожилая неграмотная женщина явно не могла исказить события и последовательно давать неправдивые ответы.

Показания Димитры Иродоту представителям Комиссии усилили сомнения, возникшие относительно показаний Илкера Туфансой кипрской полиции. Ее показания подтвердили, что Илкер Туфансой был арестован и выслан на север вместе с Ташером Кишмиром. Суд также отметил ее разъяснение, что после возвращения на юг Илкер пришел в полицию сказать о своем желании жить вместе со свидетельницей, чтобы полиция не отсылала его на север. Полиция приняла Илкера хорошо, поэтому он дал показания.

Как заявил в своих показаниях кипрской полиции от 23 августа 1994 г. Мурат Доксандокуз, он потому решил переехать в северную часть Кипра, что после убийства Феофиласта Георгиадеса у него появилось чувство страха. В то же время в своих устных показаниях он утверждал, что перешел на северную сторону, чтобы навестить больную мать. Суд отметил и другие бросающиеся в глаза неувязки в показаниях Мурата Доксандокуза. Так, в его показаниях полиции Кипра говорится, что Эрбай Каптаноглу выступал перед журналистами, собравшимися в больнице Никосии (Северный Кипр), от его имени, но без его согласия. В показаниях представителям Комиссии данный элемент вообще не упоминается. Кроме того, Мурат Доксандокуз сказал, что не помнит, какую версию фактов излагал следователям ООН. Суд также находит крайне расплывчатым описание ареста заявителя «полицией ТРСК», которая, предположительно, доставила его в аэропорт вместе с сотней других лиц, среди которых был и Эрбай Каптаноглу. Данное обстоятельство не подтверждается ни его собственными показаниями полиции Кипра, ни другими свидетелями.

Изложенная заявителями картина событий не противоречит свидетельствам Сулеймана Сейера, Оле Роинааса и Димитры Иродоту, которые подтверждают многие ранее упоминавшиеся заявителями детали. Наконец, Суд отметил, что изложенная заявителями картина событий признается правдоподобной в докладе ВСО НК.

Поэтому Суд счел, что задержание заявителей и их высылка, по всей видимости, проводились по аналогичному, если не одному сце-

нарию. Заявителей задерживали в разные дни, но всякий раз это было утром, по месту жительства или на работе.

После задержания их доставляли в участок полиции в Лимассоле, а затем в Управление по Никосии, как они полагали, управление ЦРС. Исключением были Ташер Кишмир и Илкер Туфансой, которых сразу доставили в Никосию. Большинство заявителей арестовывали известные им сотрудники ЦРС. Продержав некоторое время в Никосии, около полудня их отвозили в полицейский участок, расположенный в горном районе, предположительно, Троодос-Камбос. Устные показания не дают возможности точно назвать населенный пункт, где расположен этот полицейский участок. Всю вторую половину дня заявителей держали в полицейском участке. В 8–9 часов вечера их отвозили к сухому руслу реки и заставляли идти в северном направлении, угрожая, что в случае возвращения они будут расстреляны. Миновав буферную зону, заявители попадали в северную часть острова в районе Анголеми-Ташпинар. Там их задерживали и передавали «полиции ТРСК» турецкие солдаты. Поскольку заявители приходили с повреждениями на теле, их сначала доставляли в больницу, после чего брали под стражу. Похоже, что их водили к врачам ООН на освидетельствование, но к этому не принуждали. Их также допрашивала гражданская полиция ООН.

Суд отметил, что согласно показаниям восемь заявителей и сын девятого подверглись грубому обращению во время нахождения под стражей в Никосии, особенно в горном участке полиции.

Суду надлежало установить, имело ли место жестокое обращение с заявителями и Илкером Туфансой, и если оно действительно имело место, то происходило ли оно во время их задержания на юге Кипра.

Прежде всего, Суд отметил, что в соответствии с медицинскими заключениями у заявителей и Илкера Туфансой были зафиксированы телесные повреждения различной степени тяжести. При этом в заключениях не указан характер повреждений: были ли все они случайными или заявители причинили их сами себе. Следовательно, Суду надлежало установить, какого характера были телесные повреждения, нанесенные заявителям в рассматриваемый период. При этом Суд основывался главным образом на заключении врачей ООН, а также, хотя и в меньшей степени ввиду поверхностного характера, на протоколах медицинских осмотров заявителей в северной части Кипра. Суд также полагался на устные свидетельства, которые ранее были им признаны достоверными.

Касаясь заключений доктора Мацакиса, Суд отметил, что этот свидетель сам не осматривал заявителей и составил свое заключение на основании доклада ООН и изучения фотоснимков заявителей. Его заключение, несомненно, имеет меньшее значение, чем заключения врачей ООН, которые осматривали заявителей вскоре после нанесения им телесных повреждений.

Как подчеркнул Суд, хотя доктор Мацакис лично заявителей не видел и несмотря на то, что врачи ООН нашли утверждения последних достоверными, доктор Мацакис в догматической и высокомерной манере эти заявления отверг. Суд, в частности, отметил, что в заключении доктора Мацакиса имеется ряд замечаний, не носящих медицинского характера и затрагивающих проблемы, не входящие в его компетенцию. В связи с этим Суд отметил, что в своих докладах 1994 и 1995 гг. доктор Мацакис высказал точку зрения, согласно которой заявители бежали в северную часть Кипра. Более того, в своих устных показаниях Европейской комиссии доктор Мацакис признал, что его замечания по поводу умственных способностей и социального статуса Йылмаза Мавидениза были субъективными и, возможно, преувеличенными.

Суд также отметил, что в заключении доктора Мацакиса 1998 г. содержится информация о количестве крови, указывающем на недавно перенесенную травму; что на ноге ампутирован четвертый палец, однако если бы нога была придавлена, то, скорее всего, повреждены были бы первый или пятый пальцы.

Медицинский осмотр заявителя в северной части Кипра показал, что у него были ссадины на обеих скулах, на правой челюсти, в верхней части спины и на правом плече, а также повреждения различных размеров на обеих руках и голени. Однако из данного заключения не видно, в какое время могли быть нанесены эти повреждения. А потому Суд не в состоянии полностью полагаться на данное заключение, хотя может учитывать его для подтверждения своих выводов.

В свете вышесказанного Суд счел установленным, что заявитель во время задержания кипрскими властями был подвергнут побоям, которые были достаточно жестокими, чтобы вызвать появление значительного количества крови в его моче. В то же время при отсутствии убедительных медицинских свидетельств он не может с определенностью судить о способе избиения или о частях тела, по которым наносились побои. По той же причине он не может сделать вывод, что заявитель потерял свои зуб и палец в результате избиения.

Азиз Мертходжа

Заявитель утверждал, что подвергался избиениям, находясь под стражей в Никосии, и что перед высылкой ему дали пощечину.

Медицинский осмотр заявителя в северной части Кипра показал, что у него были припухлость и синяк в лопаточной области спины.

Хотя не имеется никаких указаний на возможное время нанесения этих повреждений, Суд считал обоснованным вывод, что имело место избиение заявителя во время задержания кипрскими властями. Однако за отсутствием других медицинских свидетельств Суд не в состоянии точно установить, каким способом наносились побои.

Хусейн Мавидениз, Йылмаз Мавидениз и Доган Давулчулар

Трое заявителей утверждали, что в участках полиции Лимассола и Никосии им наносили побои ладонями и кулаками, а в горном отделении — мешками с песком и дубинками. Хусейн Мавидениз утверждал, что в результате нанесения ему сильных ударов в область почек у него в течение нескольких дней было затрудненное мочеиспускание. В своих устных показаниях он добавил, что по-прежнему имеет затрудненное мочеиспускание.

Ознакомившись с результатами осмотра заявителей в северной части Кипра и заключениями врачей ООН, Суд счел установленным, что во время задержания кипрскими властями заявителей избивали главным образом по спине и плечам.

Хасан Мертходжа

Заявитель утверждал, что в отделе ЦРС по Никосии и в полицейском участке в горах его избивали толстой палкой и дубинками.

Поставив под сомнение сделанное врачом ООН описание телесных повреждений, которое якобы недостаточно, чтобы судить об их давности, доктор Мацакис высказал мнение, что Йылмаз Мавидениз мог получить эти повреждения в оккупированной зоне Кипра.

Соответственно, Суд счел, что к показаниям доктора Мацакиса следует относиться с осторожностью.

Илкер Денизчи

Заявитель утверждал, что в участке полиции Никосии его избивали в течение двадцати минут. В полицейском участке жестоко избивали ладонями и кулаками, воздействовали на него электрошоковой дубинкой, нанесли несколько ударов оливковой палкой и руко-

яткой пистолета, полицейский выбил ему дубинкой зуб. Наконец, заявитель утверждает, что, доставив его к руслу реки, полицейские заставили его снять обувь и стали топтать пальцы его ног, разбив некоторые из них до крови; затем тушили о пальцы ног сигареты.

Суд отметил, что в заключении врачей ООН засвидетельствовано четырнадцать шрамов различной давности и формы, этиология которых неизвестна. В заключении также говорится, что у заявителя отсутствует правый резец, но на месте отсутствующего зуба нет признаков насилия. В свете имеющегося медицинского заключения Суд счел установленным, что во время задержания кипрскими властями заявителя избивали главным образом по плечам и в области ключицы.

Эрбай Каптаноглу

Заявитель утверждал, что в Управлении ЦРС по Никосии его избивали кулаками и ладонями, а в горном отделении полиции — толстой палкой и дубинками.

Ознакомившись с представленным медицинским заключением и устными показаниями, которые были расценены как правдивое изложение событий, Суд счел установленным, что заявитель подвергался избиениям во время задержания кипрскими властями, главным образом по плечам.

Ташер Кишмир

Заявитель утверждал, что во время пребывания в Управлении ЦРС по Никосии ему наносили удары и пощечины по лицу и затылку, а в полицейском участке полицейские использовали дубинки, одна из которых от сильных ударов разломалась на куски.

Принимая во внимание медицинские свидетельства и устные показания заявителя, которые были признаны правдивым изложением событий, Суд счел установленным, что заявитель во время задержания кипрскими властями подвергался избиениям главным образом по плечам.

Илкер Туфансой

В своей жалобе, поданной в Европейскую комиссию, Илкер Туфансой утверждал, что во время задержания в Управлении ЦРС по Никосии его избивали и наносили пощечины и что в отделении полиции в горах его избивали резиновой дубинкой.

Рассмотрев представленное медицинское заключение и устные показания Ташера Кишмира, подтверждавшие признанные достовер-

ными показания Илкера Туфансоя, Суд счел установленным, что во время задержания кипрскими властями Илкер Туфансой подвергался избиениям, главным образом по плечам.

*Факты, связанные с убийством Илкера Туфансоя,
и расследование властей*

Факты вокруг событий, имевших место вечером 2 июня 1994 г., в основном не оспариваются. На основании полученных властями и представителями Комиссии показаний Суд счел установленным следующее.

После выдворения 22 апреля 1994 г. Илкер Туфансой 5 мая 1994 г. вернулся на юг Кипра и остановился в Пафосе в доме, указанном ему кипрской полицией. Утром 2 июня 1994 г. Илкер Туфансой сообщил полиции, что собирается жить в поселке Ставроконну. Во второй половине дня 2 июня 1994 г. он разговаривал со старостой Ставроконну, разрешившим ему занять пустующий дом, о котором рассказал Эртугрул Акбурч. Вечером 2 июня 1994 г. Илкер Туфансой, его друг Эртугрул Акбурч и Кириакос Николау приехали в Ставроконну, чтобы навести в доме порядок, поскольку Илкер собирался там жить вместе с Димитрой Иродоту. После уборки дома (около 9.00) они были расстреляны неизвестными лицами из автоматов и пистолетов по дороге к дому Эртугрула Акбурча.

В своих устных показаниях представителям Комиссии Кириакос Николау, единственный свидетель преступления, добавил, что убийцы сначала застрелили Эртугрула Акбурча, а затем уже Илкера Туфансоя. Именно свидетель оповестил полицию об убийстве.

Суд внимательно изучил представленные кипрскими властями материалы следствия и счел, что обстоятельства убийства Илкера Туфансоя и Эртугрула Акбурча не содержат признаков, позволяющих установить личность убийц.

Суд отметил, что полиция прибыла на место убийства сразу после получения сообщения Кириакоса Николау. Суд не усмотрел серьезных упущений или небрежности в проведении следственных действий на месте преступления. Были собраны патроны для баллистической экспертизы, зафиксировано положение трупов и их местоположение, на месте преступления судебный эксперт осмотрел труп. В тот же день в больнице Пафоса было произведено вскрытие.

Суд отметил, что показания были взяты у многих жителей Ставроконну и соседних поселков. Из этих показаний видно, что за неде-

лю до убийства Эртугрул Акбурч говорил в деревне, что знает убийцу своего отца и собирается отомстить за него. Суд далее отметил, что в различных домах были произведены обыски; были сделаны анализы мочи, крови и отпечатки пальцев; осмотрено оружие ряда жителей поселка.

Однако к июлю 1995 г., через год после начала следствия, ключ к раскрытию данного убийства все еще не был найден. В этих условиях Генеральный прокурор распорядился о проведении коронерского расследования, которое было осуществлено коронером Ф. Харламосом. Несмотря на тщательное исследование всех улик, коронер пришел к выводу, что убийство было преднамеренным преступным деянием, совершенным неизвестными лицами. Однако дело все еще остается открытым и будет таковым, пока не найдут убийц и пока они не предстанут перед судом.

На основании названных установленных фактов Суд перешел к рассмотрению различных жалоб заявителей в контексте статей Конвенции.

Предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции

Заявитель Ребийе Туфансой утверждала, что государство-ответчик виновно в убийстве ее сына Илкера Туфансоя. Она полагала, что лишение ее сына жизни было следствием ряда деяний, в которых могут быть виновны власти или представители государства-ответчика. Она утверждала, что государство-ответчик не смогло обеспечить безопасность жизни ее сына на контролируемой им территории, не смогло наказать или отдать под суд ни одного лица или сотрудника полиции за преследование, жестокое обращение и высылку из страны, учиненные в отношении живущих и работающих на его территории киприотов турецкого происхождения, включая ее сына. По ее мнению, это значит, что государство-ответчик одобряет такие деяния, поддерживает их или попустительствует им. Заявитель ссылалась на статью 2 Конвенции, которая гласит:

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: а) для защиты любого лица от противоправного

насилия; b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Власти Кипра утверждали, что расследование обстоятельств убийства Илкера Туфансой было эффективным и тщательным, и в связи с этим обратили внимание на многочисленные следственные действия, произведенные в ходе расследования. Как сочли власти Кипра, у них не было оснований полагать, что жизни Илкера Туфансой угрожала настолько большая опасность, что требовалась защита полиции.

Суд напомнил о своем выводе, что он не может определить, кто убил Илкера Туфансой. Факт совершения преступления сотрудниками ЦРС или лицами, действовавшими по их указанию, установлен не был.

Однако это не исключает ответственности кипрских властей. Суд дополнительно рассмотрел вопрос о том, не было ли обстоятельств, указывающих на уклонение властей Кипра от вытекающих из статьи 2 Конвенции позитивных обязательств по защите права на жизнь через имеющиеся профилактические и защитные структуры во время смерти Илкера Туфансой и через следственные действия после его смерти.

Суд напомнил, что первое предложение пункта 1 статьи 2 Конвенции призывает государства не только воздерживаться от преднамеренного и противоправного лишения жизни, но и принимать соответствующие меры по охране жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией. Всем известно, что обязательства государства в этих вопросах простираются дальше его первоочередного долга обеспечивать право на жизнь путем принятия эффективных положений уголовного законодательства, удерживающего от совершения преступлений против личности, которое опирается на правоохранительный механизм профилактики, подавления и наказания за нарушение таких положений (см. *Osman v. the United Kingdom*, решение от 28 октября 1998 г.).

Однако подобное обязательство не должно восприниматься как возложение на плечи властей невозможной или неподъемной ноши. Когда утверждают о нарушении властями их позитивного обязательства по защите права на жизнь в контексте вышеупомянутого долга предотвращать и подавлять преступления против личности, должно быть установлено, что они знали или обязаны были своевременно

узнать о существовании реального и непосредственного риска для жизни определенного человека, риска, проистекающего из криминальных действий третьей стороны, и что они не приняли согласно своим полномочиям мер, которые в соответствии с обоснованными ожиданиями могли отвести этот риск.

В рассматриваемом деле Суд отметил, что после своего возвращения на юг 5 мая 1994 г. Илкер Туфансой был в постоянном контакте с полицией Кипра. Сначала он жил в доме, указанном полицией, в Пафосе. 2 июня 1994 г. он проинформировал полицию о своем намерении переехать в Ставроконну, где его друг Эртугрул Акбурч нашел ему дом. Димитра Иродоту заявила представителям Комиссии, что за три дня до убийства Илкер говорил, не вдаваясь в детали, что с ним что-то может случиться. Однако во время разговора с заявителем Ребийе Туфансой Илкер выглядел полным оптимизма и просил своих родителей получить разрешение на переезд к нему на юг.

В материалах, рассматриваемых Судом, ничто не указывает на то, что Илкер сообщил о своих подозрениях полиции Кипра (даже если предположить, что он знал о прямой и реальной опасности для его жизни). Ничто не указывает и на то, что власти Кипра могли знать об угрозе преступного нападения третьей стороны на Илкера Туфансой и не приняли мер по его защите.

По этим причинам Суд пришел к выводу, что нарушение статьи 2 Конвенции в данном случае отсутствует.

Как напомнил Суд, обязательство по защите жизни, вытекающее из статьи 2 Конвенции, взятой в совокупности с общим обязательством государства согласно статье 1 Конвенции обеспечить *каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... настоящей Конвенции*, имплицитно подразумевает, что при насильственной смерти человека должен существовать какой-то вид эффективного официального расследования (см. *Timurtas v. Turkey*, решение от 13 июня 2000 г.).

Это обязательство не ограничивается случаями, где установлено, что убийство совершено государственным служащим. Простое знание властей об убийстве дает основание для реализации обязательства по статье 2 Конвенции провести эффективное расследование обстоятельств смерти (см. *Ergi v. Turkey* решение от 28 июля 1998 г.).

В рассматриваемом деле Суд отметил, что сразу по получении властями сообщения об убийстве на место преступления выехала полиция. Был снят план места убийства, составлен список найденных ули-

Патологоанатом, прибывший через несколько часов, провел осмотр трупов и в тот же день — вскрытие. Суд также отметил следственные действия местной полиции Пафоса по делу об убийстве Илкера Туфансоя и его друга, которое меньше чем через год насчитывало уже более 600 листов.

В свете вышесказанного и ознакомившись со следственным делом, представленным местными властями, Суд не нашел элементов, позволяющих сделать вывод, что следствие по делу об убийстве Илкера Туфансоя было неадекватным.

Следовательно, нарушение статьи 2 Конвенции в связи с этим отсутствует.

Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

Заявители утверждали, что они (в случае Ребийе Туфансой и ее сына Илкера) являются потерпевшими вследствие нарушения государством-ответчиком статьи 3 Конвенции, которая предусматривает:

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Власти Кипра это утверждение не комментировали, однако не согласились с фактами, приведенными в обоснование существования данной части жалобы.

Заявители утверждали, что характер обращения с ними (в случае девятого заявителя — с ее сыном) в полиции Кипра и способ их выдворения в северную часть Кипра были умышленным причинением им глубокого физического и умственного страдания, равносильного пытке или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Суд напомнил, что статья 3 Конвенции олицетворяет главнейшую ценность демократических обществ. Даже при самых тяжелых обстоятельствах, таких как борьба с организованной преступностью, Конвенция в абсолютных терминах запрещает пытку или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (см. *Selmouni v. France*, решение от 28 июля 1999 г.). Чтобы быть квалифицированным по статье 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г.). В то же время для установления правомочности отнесения жестокого обращения к разряду пыток Суд должен иметь в виду одно заложенное в этом положении различие — между данным понятием и бесчеловечным или унижающим достоин-

ство обращением. Как было установлено Судом ранее, видимо, имелось в виду, что Конвенция путем такого различия заклеивает преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее тяжелые и жестокие страдания (см. *Selmouni v. France*, решение от 28 июля 1999 г.).

Ранее Суд установил, что во время задержания заявителей сотрудники полиции преднамеренно подвергали их грубому обращению разной степени жестокости. Однако не было установлено, что их целью было получение признательных показаний. Суд также отметил, что не смог точно установить, каким образом осуществлялось избивание. Более того, он не может не учитывать неопределенность относительно телесных повреждений некоторых заявителей.

Наконец, Суд отметил, что, несмотря на серьезность телесных повреждений некоторых заявителей, не было предъявлено доказательств того, что жестокое обращение, о котором идет речь, имело для них какие-то долгосрочные последствия.

В свете вышесказанного Суд счел, что жестокое обращение, которому были подвергнуты заявители, не может квалифицироваться как пытка. При том, что это обращение было настолько жестоким, что может считаться бесчеловечным применительно к каждому заявителю.

Поэтому Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

ВЕЛИКОВА ПРОТИВ БОЛГАРИИ

VELIKOVA v. BULGARIA

Решение от 18 мая 2000 г.

Обстоятельства дела

Заявитель, госпожа Великова, болгарка по происхождению, обратилась в Европейский суд с жалобой. Суд объявил жалобу приемлемой.

Ранним утром 25 сентября 1994 г., мужчина, с которым заявитель проживала около 12 лет, Славтчо Цончев, 49 лет, принадлежащий к этнической группе цыган, скончался после того, как он пробыл около 12 часов в полицейском участке, куда был доставлен по подозрению в совершении кражи крупного рогатого скота.

24 сентября 1994 г. в 11 часов утра полиция Плевена получила телефонный звонок из деревни Буковлак, где сообщалось о краже девяти коров. Сержант полиции Иванов и его коллега Петранов были сразу же направлены в деревню, где они встретили Н., который присматривал за крупным рогатым скотом. Н. был доставлен в полицейский участок в Плевен.

Сначала он заявил, что коровы были украдены неизвестными лицами, которые брызнули в него отравляющее вещество нервно-паралитического действия, но затем пояснил, что около 10 часов утра Цончев в сопровождении десятилетнего мальчика увел 9 коров, при этом угрожая и предупреждая его о том, что если его спросят об этом инциденте, он должен сказать, что кто-то брызнул в него отравляющее вещество нервно-паралитического действия. Н. подтвердил, что он боялся Цончева, который во время их встречи находился в состоянии алкогольного опьянения.

Господин Цончев был арестован и доставлен в полицейский участок.

Из показаний офицеров полиции Костадинова и Любенова следует, что около 7 часов утра господин Цончев «жаловался на плохое самочувствие». После этого сержант Костадинов вызвал «скорую помощь» местной больницы.

В полицейском участке присутствовал господин Н. и один из собственников украденного крупнорогатого скота, который прибыл около 7 часов вечера, чтобы сообщить, что коровы были найдены днем. Двое мужчин ушли вскоре после 7 часов вечера, при этом господин Н. явно провел целый день в полицейском участке. В показаниях господина Н. нет никаких доказательств того, что господин Цончев проявил признаки плохого самочувствия. Видимо, другой присутствующий не был допрошен в ходе расследования, поскольку Правительство не представило таких доказательств.

Как указано во внутренних записях в полицейском участке от 20 октября 1994 г., все вышеуказанные события, включая его жалобы на плохое самочувствие и прибытие «скорой помощи», происходили около 10 часов вечера, а не около 7 часов вечера. В записке не указан источник этой информации.

Внутренние записи от 20 октября 1994 г. указывали, что сержант Костадинов увидел господина Цончева лежащим на земле (полу) около 1.50 ночи 25 сентября 1994 г. Источник информации около часа не был упомянут.

Из показаний офицеров полиции тот же терапевт и врач, чьи личности не были раскрыты, прибыли около 2 часов и обнаружили господина Цончева мертвым.

Сразу же после того, как господин Цончев был обнаружен мертвым, полиция сообщила об этом дежурному следователю, господину Энчеву, который прибыл в 2.30 ночи, чтобы осмотреть место происшествия.

Фотографии места происшествия были сделаны во время осмотра. Правительство не представило копии фотографий.

Причиной смерти была острая потеря крови в результате причинения телесных повреждений.

Расследование много месяцев оставалось без движения, и ничего не было сделано для установления правды об убийстве.

Заявитель, госпожа Аня Великова, жаловалась на нарушение статей 2, 6, 13 и 14 Конвенции в связи со смертью содержащегося в полицейском участке господина Цончева, с которым она проживала на протяжении 12 лет, неэффективным расследованием его смерти, трудностями при определении ее гражданского права на компенсацию морального вреда в связи со смертью господина Цончева, отсутствием эффективных средств в этом отношении и дискриминацией по цыганскому этническому происхождению господина Цончева.

Суд признал жалобу приемлемой.

Выводы Суда

Суд напомнил, что статья 2 Конвенции, которая гарантирует право на жизнь, является основной в любой системе защиты прав человека. Это одна из наиболее фундаментальных норм Конвенции.

В настоящем деле заявитель жалуется, что власти несут ответственность за смерть господина Цончева. В жалобе указывается, что его жестоко избили в период пребывания в полицейском участке, что он не получил соответствующей медицинской помощи и умер в результате повреждений, которые ему были нанесены умышленно полицейскими.

Учитывая представленные факты, Суд находит объяснения Правительства относительно получения смертельных повреждений до его ареста неправдоподобными. Другое предположение Правительства, которое касалось получения повреждений во время падения на землю, было также признано Судом неправдоподобным. Медицинское заключение подтвердило, что такая возможность существовала толь-

ко в отношении синяков на лице. Но эти синяки не привели к смертельному исходу.

Таким образом, Суд установил, что достаточно доказательств для утверждения, что господин Цончев умер от повреждений, полученных в период нахождения в полицейском участке. Государство несет ответственность за произошедшее.

Кроме того, Суд признал, что нет доказательств, что господин Цончев был осмотрен таким образом, как ожидается от медицинских работников в любое время нахождения в полицейском участке и при наличии серьезных повреждений.

Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи со смертью господина Цончева.

Что касается отсутствия тщательного расследования, Суд отметил с самого начала, что определенные ссылки в материалах дела предполагают наличие документов относительно расследования смерти господина Цончева, которые не были представлены Правительством.

Также Судом отмечено, что с самого начала расследования на протяжении всего расследования существовало несколько необъяснимых упущений.

В первые часы после трагедии следователь Энчев не попросил судебно-медицинского эксперта установить время, когда повреждения были нанесены, несмотря на важность полученного ответа. Самое удивительное, что в ходе всего следствия ни одного из экспертов не попросили разъяснить, когда жертва получила повреждения.

Также очень важно, что в материалах следствия не было и следа, что предпринимались какие-то попытки со стороны следователя Энчева установить членов бригады медиков, которые приезжали дважды в полицейский участок, где умер господин Цончев.

Копии отчетов бригады «скорой помощи», которые обычно содержат информацию о визите, не были найдены в материалах дела.

Более того, важные свидетели не были опрошены: полицейские, которые арестовывали господина Цончева, люди, которые, как указано в материалах дела, «хотели его побить».

Суд напоминает, что обязательство по гарантированию права на жизнь согласно статье 2 Конвенции, понимаемое в совокупности с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции обеспечить каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... настоящей Конвенции, требует также понимания,

что в какой-то форме должно присутствовать эффективное официальное расследование, когда в результате применения силы погибли люди (см. *McCann and others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г.; постановление Европейского суда по делу *Çakıcı v. Turkey*).

Далее Суд отметил, что уровень тщательности, который будет удовлетворять минимальным критериям эффективности расследования, зависит от обстоятельств каждого отдельного дела и оценивается на основании относящихся к делу фактов и с учетом обстоятельств, проведенного расследования.

В данном деле заявитель жаловалась, что во время следствия было допущено столько серьезных недостатков, что единственно возможным объяснением мог быть тот факт, что следователь и прокурор вели следствие не беспристрастно и старались скрыть преступление, совершенное в отношении господина Цончева.

Суд считает, что к необъяснимому отказу от принятия необходимых и очевидных мер нужно отнестись настороженно. В таком деле, когда не предоставлено обоснованное объяснение Правительством относительно причин бездействия во время следствия, государство несет ответственность за особенно серьезное нарушение своего обязательства, предусмотренного статьей 2 Конвенции, по защите права на жизнь.

Суд отметил, что существовали способы получения доказательств относительно времени, когда господину Цончеву были нанесены повреждения, а также получения информации об обстоятельствах, сопутствующих его аресту, состоянию его здоровья, и, соответственно, о виновных в совершении преступления в отношении господина Цончева.

Более того, следствие проводилось пассивно, ничего не предпринималось с декабря 1994 г., чтобы раскрыть правду о смерти господина Цончева. Многочисленные жалобы заявителя на бездействие органов не принесли никаких результатов.

Правительство-ответчик не представило никаких правдоподобных объяснений отсутствию основных доказательств.

Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи со смертью господина Цончева — нарушение обязательств государства по статье 2 Конвенции о проведении эффективного расследования смерти жертвы.

Приложение 2

Постановления Европейского суда по правам человека

ХАШИЕВ И АКАЕВА ПРОТИВ РОССИИ*

Жалобы № 57942/00 и 57945/00

Решение от 24 февраля 2005 г.

Решение станет окончательным в условиях, установленных статьей 44 § 2 Конвенции. Оно может подлежать редакторской правке.

В деле *Хашиев и Акаева против России* Европейский суд по правам человека (бывшая Первая секция), заседая Палатой в составе:

мистера С. L. Rozakis, *председателя,*

мистера P. Lorenzen,

мистера G. Bonello,

миссис F. Tulkens,

миссис N. Vajž,

мистера A. Kovler,

мистера V. Zagrebelsky, *судей*

и мистера S. Nielsen, *секретаря Секции,*

совещаясь в закрытом судебном заседании 14 октября 2004 г. и 27 января 2005 г., выносит следующее решение, которое принято последней указанной датой.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (№ 57942/00 и 57945/00) против Российской Федерации, поданными в Суд в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод двумя российскими гражданами, господином Магомедом Ахметовичем Хашиевым и госпожой Розой Арибовной Акаевой («заявители»), 25 мая 2000 г. и 20 апреля 2000 г. соответственно.

* Перевод с английского Анны Деменевой, юриста Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник».

2. Заявители, которым была предоставлена правовая помощь, были представлены господином Кириллом Коротеевым, юристом «Мемориала», российского НКО, действующего в Москве, и господином Вильямом Боурингом, юристом, практикующим в Лондоне. Российское Правительство было представлено Павлом Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявители указывали, что их родственников пытали и что они были убиты служащими Российских федеральных войск в Чечне в феврале 2000 г. Они также указывали, что расследование фактов смерти не было эффективным. Они ссылались на статьи 2, 3 и 13 Конвенции.

4. Жалобы были переданы во Вторую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В этой секции Палата для рассмотрения дела (статья 27 § 1 Конвенции) была образована в соответствии с Правилom 26 § 1.

5. 1 ноября 2001 г. Суд поменял состав Секций (Правило 25 § 1). Дело было передано во вновь образованную Первую секцию (Правило 52 § 1).

6. Палата приняла решение об объединении жалоб в одно производство (Правило 42 § 1).

7. Решением от 19 декабря 2002 г. Суд объявил жалобу приемлемой.

8. Заявители и Правительство представили свои меморандумы по существу дела (Правило 59 § 1).

9. Слушание проходило во Дворце прав человека в Страсбурге 14 октября 2004 г. (Правило 59 § 3).

В Суд явились:

а) *со стороны Правительства:*

господин П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации в Европейском суде по правам человека,

господин Ю. Берестнев,

госпожа А. Сапрыкина;

б) *со стороны заявителя:*

Господин В. Боуринг, профессор, *представитель,*

господин Ф. Лич,

господин К. Коротеев, *советники.*

Суд заслушал господина П. Лаптева, Ф. Лича, В. Боуринга, К. Коротеева.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявители родились в 1942 и 1955 гг. соответственно и проживали в Грозном, Чечня. Первый заявитель в настоящее время проживает в Ингушетии, второй — в Московской области.

А. Факты

11. Факты, связанные со смертями родственников заявителей и проведением расследования, частично оспаривались сторонами. В свете этого Суд затребовал у Правительства копии всех материалов расследования фактов смерти родственников заявителей. Суд также запросил дополнительные доказательства у заявителей в подтверждение заявленных нарушений.

12. Представленные сторонами факты, касающиеся смертей родственников заявителей и проведения расследования, изложены ниже в разделах 1 и 2. Описание материалов, представленных в Суд, содержится в части В.

1. Убийство родственников заявителей

13. Первый заявитель жил в доме 101 на улице Ташкалинской в Старопромысловском районе Грозного. После 1991 г. первый заявитель, ингуш по национальности, пытался продать свой дом и уехать в связи с опасной ситуацией в Чечне, но не мог найти покупателя. В ходе военных действий в 1994–1996 гг. первый заявитель и его семья оставались в Ингушетии, после их возвращения вся их собственность была разрушена или разграблена.

14. В ноябре 1999 г. первый заявитель покинул Грозный из-за возобновления военных действий. Его родственники решили остаться в Грозном, чтобы присматривать за домом и имуществом. Это были его брат, Хамид Хашиев (1952 г. рождения), его сестра Лидия Хашиева (1943 г. рождения) и два ее сына, Ризван Таймесканов (1977 г. рождения) и Анзор Таймесканов (1982 г. рождения). Брат первого заявителя жил на улице, параллельной Ташкалинской, — Нефтяной, в доме 109, а его сестра жила в соседнем доме 107 на улице Нефтяной.

15. Второй заявитель проживала в квартале «Ташкала» Старопромысловского района Грозного. В октябре 1999 г. она уехала из города с матерью и сестрой в связи с военными действиями. Ее брат, Ад-

лан Акаев (1953 г. рождения) остался присматривать за имуществом и домом, расположенным по адресу Нефтяная, 244.

16. В декабре 1999 г. Российские федеральные войска начали операцию по занятию Грозного. Тяжелые бои продолжались до конца января 2000 г., когда центральные части города были, наконец, взяты. Точные даты, когда был взят Старопромысловский район Грозного, так и остаются невыясненными. Заявители указывали со ссылкой на информационные агентства РИА и Интерфакс, что к 20 января 2000 г. Старопромысловский район находился под полным контролем федеральных сил. Некоторые свидетельские показания, полученные стороной заявителя, указывают на то, что федеральные войска заняли этот район с 27 декабря 1999 г. Правительство оспаривало эти заявления и ссылалось на свидетельские показания, якобы содержащиеся в материалах уголовного дела № 12038, о том, что хотя войска находились в районе с 1 января 2000 г., они все еще испытывали сопротивление со стороны чеченских боевиков. Однако таких свидетельских показаний не было в материалах дела, представленных Правительством Суду, и в описи документов дела.

17. К концу января 2000 г. заявители узнали, что их родственники были убиты в Грозном. 25 января 2000 г. первый заявитель, его сестра и одна из их соседок из Грозного поехали в Грозный, чтобы узнать о судьбе их родственников. Около дома 107 по Нефтяной улице они нашли три тела, лежащие во дворе, с огнестрельными ранениями. Это были Лидия Хашиева и Анзор Таймесканов, сестра и племянник первого заявителя, и Адлан Акаев, брат второго заявителя. Брат второго заявителя держал в руке удостоверение декана факультета физики Педагогического института Грозного. Другие документы были в кармане рубашки: его паспорт, удостоверение научного сотрудника Нефтяного института и водительские права. На других двух телах также были найдены удостоверения личности.

18. Первый заявитель и женщины должны были вернуться в Ингушетию в тот же день в связи с комендантским часом в 5 часов вечера. Там они сообщили семье Адлана Акаева, в том числе второму заявителю, о его смерти. 28 января они вернулись в Грозный, чтобы забрать тела. Солдаты из Старопромысловского района помогли им унести тела. Первый заявитель увез тела в село Вознесенское в Ингушетии, где они были захоронены 29 января 2000 г.

19. Первый заявитель указывает, что на телах его родственников были множественные ножевые ранения и огнестрельные раны и что

некоторые кости были сломаны. В частности, на теле Лидии Хашиевой было 19 ножевых ранений, руки и ноги были сломаны и выбиты зубы. На теле Анзора Таймесканова было множество колото-резанных ран и огнестрельных ранений, у него была сломана челюсть (см. ниже § 51).

20. 28 января 2000 г. второй заявитель поехала в Вознесенское и увидела тела своего брата и родственников первого заявителя. Она увидела огромное количество огнестрельных и колото-резанных ран и следы избиений и пыток на теле ее брата и на других телах. В частности, она указывает, что на теле ее брата было 7 следов от выстрелов в черепе, сердце и брюшной полости. Левая сторона его лица была в синяках, сломана ключица (см. ниже § 61).

21. Оба заявителя сообщили, что они не связывались с врачами и не фотографировали тела в этот момент, поскольку находились в состоянии шока из-за насильственных смертей родственников.

22. 2 февраля 2000 г. сельские власти в Ингушетии выдали свидетельство, подтверждающее, что тело Адлана Акаева, привезенное из Старопромысловского района Грозного, было захоронено 29 января 2000 г. на сельском кладбище.

23. 9 февраля 2000 г. второй заявитель поехала в Грозный. Во дворе дома 107 на Нефтяной улице она подобрала гильзы от автомата и шляпу брата. В тот же день она видела пять других тел с находящимся рядом домом. Все были застрелены. Она узнала, что шестая женщина, Елена Г., была ранена, но выжила. Второй заявитель позже нашла ее в Ингушетии. Елена Г. сообщила ей, что в них стреляли солдаты и что она видела ее брата живым последний раз 19 января.

24. 10 февраля 2000 г. первый заявитель вместе с его дочерью и сестрой снова поехали в Грозный, надеясь найти пропавшего брата и племянника. При помощи местного жителя они нашли три тела, лежащие между расположенными рядом гаражами. Это были тела Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова, брата и второго племянника заявителя. Третье тело принадлежало Магомеду Гойгову, соседу. Первый заявитель сфотографировал тела. Затем он приехал на машине, чтобы увезти тела в Ингушетию, где они были захоронены на следующий день. Тело Гойгова забрали его родственники для захоронения.

25. Первый заявитель сообщает, что тело Хамида Хашиева было изувечено, половина черепа разбита, несколько пальцев отрезано. Тело Ризвана было сильно изуродовано многочисленными выстрелами (см. ниже § 52, 54).

26. 10 февраля 2000 г. по ходатайству первого заявителя три тела были осмотрены сотрудниками отделения внутренних дел г. Назрани, которые отметили многочисленные выстрелы в голову, тело и конечности. Экспертиза проводилась в Малгобекском городском морге. Одежда с трупов снята не была.

27. Мать второго заявителя умерла 29 апреля 2000 г. от сердечно-легочного приступа. Второй заявитель указывает, что ее смерть была вызвана известием о смерти ее сына.

2. Расследование фактов смерти

28. 7 февраля 2000 г. Малгобекский городской суд Ингушетии, рассматривая иск второго заявителя, установил факт смерти ее брата, Адлана Акаева, имевший место в Грозном 20 января. Суд основывал свое решение на объяснениях истца и показаниях двух свидетелей. Они подтвердили, что тело было найдено в Грозном во дворе дома Хашиевых с многочисленными огнестрельными ранениями и было захоронено 29 января 2000 г. в селе Пседак. После решения суда 18 февраля органы ЗАГСа выдали свидетельство о смерти брата второго заявителя.

29. 14 марта 2000 г. городская прокуратура выдала документ первому заявителю, свидетельствующий, что 10 февраля 2000 г. тело его брата, Хамида Хашиева, было найдено в Грозном и что имел место факт насильственной смерти в связи с многочисленными выстрелами в голову и тело.

30. 7 апреля 2000 г. Малгобекский городской суд Ингушетии по заявлению первого заявителя установил факты смертей Хамида Хашиева, Лидии Хашиевой, Ризвана Таймесканова и Анзора Таймесканова, которые произошли 19 января 2000 г. в Грозном. Решение суда основано на объяснениях первого заявителя и двух свидетелей. Суд указал в решении, что уголовное дело возбуждено и идет расследование (нет доказательств, что уголовное дело было возбуждено к тому моменту). Вслед за решением суда органы ЗАГСа выдали свидетельства о смерти четырех родственников первого заявителя 19 апреля 2000 г.

31. Правительство представило копию материалов дела № 12038, возбужденного 3 мая 2000 г. городской прокуратурой Грозного после публикации «Свобода или смерть» в «Новой газете» от 27 апреля 2000 г. о массовых убийствах среди мирного населения в Грозном 19 января 2000 г. Соответствующие документы, представленные Правительством, перечислены в разделе В.

32. 27 мая 2000 г. военный прокурор военной части № 20102 (Российские федеральные войска в Чечне) проинформировал первого заявителя в ответ на его жалобу от 5 апреля в связи с фактами смерти его родственников, что после проверки прокурора не было принято постановления о возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступлений в действиях федеральных военнослужащих.

33. 6 июня 2000 г. прокурор города сообщил первому заявителю, что уголовное дело № 20540020, возбужденное 4 мая 2000 г. по фактам смерти Ризвана Таймесканова и Хамида Хашиева, было передано 15 мая 2000 г. в прокуратуру Республики Ингушетия.

34. 30 июня 2000 г. военная прокуратура на запрос Правозащитного центра «Мемориал» относительно информации по расследованию смерти брата второго заявителя переслала этот запрос в военную прокуратуру Северного Кавказа.

35. 17 июля 2000 г. второй заявитель была проинформирована письмом Главного военного прокурора, адресованным в прокуратуру Северного Кавказа, что «местная прокуратура» расследует дело о смерти ее брата.

36. 20 июля 2000 г. Главный военный прокурор в ответ на запрос неправительственной организации «Human Rights Watch» о нарушениях прав мирного населения в Грозном в декабре 1999 — январе 2000 г. сообщил, что военная прокуратура расследовала только одно дело — об убийстве и телесных повреждениях двух женщин, которое не было связано с заявителями. Это расследование все еще продолжалось и было под контролем Главного военного прокурора.

37. В сентябре 2000 г. два уголовных дела, возбужденные по жалобам заявителей, были объединены в одно в городской прокуратуре Грозного за № 12038. Расследование приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. Последний документ, представленный российским Правительством, датирован 22 января 2003 г.; в нем заместитель прокурора Чеченской Республики продлил срок следствия по делу до 27 февраля 2003 г. Расследование, которое проводилось городской прокуратурой Грозного, основывалось на версии, изначально представленной заявителями и свидетелями, с указанием на то, что убийства были совершены военными. Следствие не смогло установить, какое военное подразделение ответственно за убийство, и обвинения никому не были предъявлены (см. ниже часть В по описанию представленных копий материалов следствия).

38. В ноябре 2000 г. Президиум Верховного суда Ингушетии от-

клонил надзорный протест прокурора Республики, в котором он требовал отменить решение Малгобекского городского суда от 7 февраля 2000 г. Другой надзорный протест был принесен заместителем председателя Верховного суда РФ, и 1 октября 2001 г. Верховный суд отменил решение. Верховный суд ссылаясь на статью 250 Гражданского процессуального кодекса, которая устанавливает, что лицо, требующее от суда установления юридически значимого факта, должно указать основания для установления такого факта. Суд пришел к выводу, что второй заявитель не указал оснований, по которым он добивался установления факта смерти его брата. Дело было направлено на новое рассмотрение в городской суд. 27 ноября 2001 г. городской суд оставил заявление без рассмотрения в связи с повторной неявкой второго заявителя. Второй заявитель указывала, что не была проинформирована о том, что процесс возобновлен, и повестки ей не направлялись.

39. В конце 2002 г. первый заявитель обратился в районный суд с иском к Министерству финансов, в котором требовал компенсации материального ущерба и компенсации морального вреда. Заявитель указывал, что четыре его родственника были убиты в Грозном в январе 2000 г. военными. Он нашел их тела и с огромным трудом перевез их в Ингушетию, где они были захоронены. Уголовное дело было возбуждено, но виновные в убийстве установлены не были. Свидетель Николай Г. давал суду показания, что он проживает в Старопромысловском районе недалеко от семьи заявителя. В январе 2000 г., примерно через месяц после взятия Грозного федеральными войсками, он видел военного, ведущего Хамида Хашиева и двух его племянников к гаражам. Они шли перед БТРом, на корпусе которого сидели вооруженные солдаты. Вскоре из-за гаражей послышались автоматные очереди. Когда он попытался побежать туда, солдаты ему пригрозили. Он также указал, что кто-то из прокуратуры грозил ему «держать язык за зубами». Другие свидетели давали показания на предмет того, при каких обстоятельствах тела были найдены в Грозном, перевезены в Ингушетию и захоронены, и о состоянии тел перед захоронением.

40. 26 февраля 2003 г. суд Назрани частично удовлетворил иск первого заявителя и присудил ему компенсацию материального ущерба и морального вреда в сумме 675 000 рублей.

41. Суд указал, что это общеизвестный факт, что Старопромысловский район находится под полным контролем Российских феде-

ральных сил во время рассматриваемых событий и что это не нуждается в доказывании. В то время только солдаты федеральных подразделений могли передвигаться по городу на БТРах и проверять документы. То, что Лидия Хашиева и Анзор Таймесканов были убиты в ходе проверки документов, следует из того факта, что их тела были найдены во дворе дома, и у них в руках были удостоверения личности. Далее Суд указывает, что подразделение, ответственное за убийства, точно не было установлено следствием, которое было приостановлено 8 июня 2002 г. Однако все военные подразделения относятся к государственным органам, а потому ущерб должен быть выплачен государством.

42. Решение было оставлено в силе Верховным судом Ингушетии от 4 апреля 2003 г., и 23 апреля 2003 г. заявителю был выдан исполнительный лист. Решение не было исполнено незамедлительно, поскольку, как объяснило Правительство, заявитель не сообщил реквизиты своего банковского счета. 29 декабря 2004 г. заявитель получил присужденную сумму в полном объеме.

43. В меморандуме по существу дела Правительство утверждало, что следственные действия продолжились в 2003 г. 18 марта 2003 г. второй заявитель была признана потерпевшей в уголовном деле. 15 апреля 2003 г. были подготовлены дополнительные результаты экспертизы по телам Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова (предположительно, на основе имеющихся описаний тел). Были допрошены дополнительные свидетели. Правительство, однако, не представило копий этих документов Суду.

44. Правительство указывало, что следствие по делу № 12038 «зашло в тупик», поскольку было признано невозможным установление очевидцев убийств.

В. Документы, представленные сторонами

45. Стороны представили большое количество документов, касающихся расследования убийств. Основные документы, относящиеся к делу, следующие.

1. Документы из материалов расследования

46. Правительство представило копию следственного дела № 12038, которое включает два тома, и список содержащихся в них документов. В соответствии со списком, в деле содержится 130 документов, 88 из которых было представлено Суду. 7 марта 2003 г. Суд

повторно потребовал от российского Правительства представить копии всех материалов, содержащихся в следственном деле. Правительство указало, что непредставленные документы не имеют отношения к обстоятельствам данного дела.

47. Наиболее важные документы, содержащиеся в деле, следующие.

а) Постановление о возбуждении уголовного дела

48. 3 мая 2000 г. после публикации статьи под названием «Смерть или свобода» в «Новой газете» от 27 апреля 2000 г. следователь городской прокуратуры Грозного возбудил уголовное дело по пунктам «а», «д», «е», «ж» статьи 105 Уголовного кодекса «по фактам массового убийства среди гражданского населения 205-й ротой в Грозном 19 января 2000 г.».

б) Заявления первого заявителя и его сестры

49. Материалы дела содержат краткое объяснение фактов первым заявителем, касающееся смерти его родственников, и заявления о проведении расследования, датированные 10 февраля 2000 г. (направлено в Малгобекскую городскую прокуратуру) и 1 марта 2000 г. (направлено российскому Президенту).

50. В их свидетельских показаниях, датированных 5 мая 2000 г., первый заявитель и его сестра Мовлаткан Бокова (урожденная Хашиева) представляют подробное описание ситуации, касающейся обнаружения тел их родственников. Оба указывали, что 25 января 2000 г. они ездили в Грозный со своей соседкой Фатимой Гойговой. На улице Ипроновской они встретили местного жителя, Вискана, который сообщил им, что их родственников забрали солдаты из федеральных войск. После того, как они обнаружили три тела около дома 107 по Нефтяной улице, они вернулись на Ипроновскую улицу, где увидели группу солдат, которые выносили из дома вещи и грузили их в грузовик. Первый заявитель попросил солдат помочь увезти тела, но один из них, представившийся как командир, Дима, которому было около 19 лет, одетый в камуфляж, отказался. Когда заявитель стал настаивать и сказал, что его сестра и племянники были убиты, Дима сказал, что боевики убили 32 солдат и что убийства мирных жителей были актом мести с их стороны. Заявитель начал проклипать их, но один из солдат достал пистолет, и Мовлаткан бросилась вперед, чтобы закрыть его. Оба заявляют, что могли бы указать дом и узнать «командира Диму». Они вернулись 28 января в Гроз-

ный с машиной, забрали тела при помощи солдат из ближайшего укрепления и увезли их в Ингушетию.

51. Мовлаткан Бокова в своих дальнейших показаниях указывала, что она омывала тело Лидии Хашиевой перед похоронами и видела огромное количество (около 20) колото-резаных и огнестрельных ранений на ее теле. Ее рука была сломана, передние зубы выбиты. Она далее указывала, что на голове Анзора Таймесканова было множество следов от ударов и что его челюсть была сломана.

52. Первый заявитель и его сестра также указывали на обстоятельства их возвращения в Грозный 10 февраля 2000 г. Они заявляли, что снова встретили Вискана, который сказал им, что их родственники были уведены солдатами в гаражи. Они последовали его указаниям и нашли три тела, вмерзшие в землю, с ранениями в голову. Первый заявитель сделал фотографии тел на месте их обнаружения. В тот же день они отвезли тела в Ингушетию, где захоронили их на следующий день, 11 февраля 2000 г. Они также указали, что подобрали во дворе дома 107 по Нефтяной улице гильзы, которые находятся у них.

с) Заявления Райкат Хашиевой

53. Дочь первого заявителя, Райкат Хашиева, сопровождала своего отца и тетю в Грозный 10 февраля 2000 г. В своем заявлении от 10 мая 2000 г. она подтверждает обстоятельства, касающиеся обнаружения тел Хамида Хашиева, Ризвана Таймесканова и Магомеда Гойгова.

д) Описание тел и медицинская экспертиза

54. Экспертиза тел Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова проводилась следователем Малгобекской городской прокуратуры в муниципальном морге 10 февраля 2000 г. Тела были замерзшими, и экспертиза проводилась без удаления с тел одежды. 14 февраля 2000 г. два заключения экспертизы были подготовлены медицинским экспертом на основе описания, сделанного следователем, и без осмотра экспертом тел. В заключении было указано, что в теле Хашиева было 8 огнестрельных ранений и что его смерть наступила от выстрела в голову. В теле Таймесканова было 8 выстрелов, и его смерть также наступила в результате выстрелов в голову и тело.

55. 7 и 8 мая 2000 г. Малгобекская прокуратура подготовила отчет и фотографии других доказательств по делу — удостоверений личности покойных, их одежды, фотографии тел, которые были сняты первым заявителем.

е) Постановление о признании первого заявителя потерпевшим

56. 5 мая 2000 г. первый заявитель был признан потерпевшим в уголовном деле.

ф) Заявления местных жителей

57. 14 мая 2000 г. У. и Ю., жительницы Старопромысловского района Грозного, дали свидетельские показания. Обе свидетельницы подтвердили, что видели тела застреленных людей и что в то время район находился под контролем федеральных сил. Никто из них не видел события убийства, но они ссылались на «слухи», что убийства были совершены федеральными войсками. Обе свидетельницы указывали на то, что видели солдат, расхищающих имущество из брошенных домов.

г) Заявления родственников Магомеда Гойгова

58. Две родственницы Магомеда Гойгова, Фатима Гойгова и М., давали свидетельские показания об обстоятельствах, связанных с обнаружением тел Мариам Гойговой, матери Магомеда, 19 января 2000 г. на пересечении улицы Нефтяная и четвертого переулка, и Магомеда Гойгова, 10 февраля 2000 г. Фатима указывала, что мужчина из округа, по имени Вискан, сказал, что ее родственники были убиты солдатами из 205-го пехотного подразделения из Буденновска, он также ссылался на двух солдат, которые сообщили ему то же самое — одного звали Олег, другого Дима. Свидетель также указывала, что 21 января 2000 г., когда они увозили тело Мариам в Ингушетию, они взяли с собой раненую женщину Елену Г., которая выжила после нападения федеральных войск и позже была увезена в Санженский госпиталь в Ингушетии.

h) Показания, относящиеся к Юрию Ж.

59. Некоторые документы содержат сведения о некоем Юрии Ж., чья семья проживала в доме 130 на Нефтяной улице. Из свидетельских показаний следует, что Юрий Ж. уехал из Грозного в конце 80-х годов, в то время как его родители (или дядя или тетя) жили по указанному адресу. Они были убиты в 1997 г. чеченскими боевиками, и их дом был занят ими. Свидетели указывали, что, по слухам, Юрий Ж. был среди солдат, участвующих в убийствах, и что он мотивировал их как месть. Дом 130 по Нефтяной улице был разрушен в ходе боев. Несколько запросов относительно Юрия Ж. было направлено следователями военным властям и в гражданские властные орга-

ны соседних регионов, но ответы на эти запросы были либо отрицательными, либо их не было вообще.

г) Показания Анны Политковской

60. Журналист Анна Политковская, автор статьи «Свобода или смерть», несколько раз была допрошена следователями. Она свидетельствовала, что в феврале 2000 г. она была в Ингушетии и в Старопромысловском районе Грозного, где беседовала с несколькими свидетелями жестокой резни и родственниками погибших. В этих беседах несколько свидетелей указывали, что 205-я рота была ответственна за убийства.

к) Заявления второго заявителя

61. В ее свидетельских показаниях от 12 июля 2000 г., адресованных Главному военному прокурору, второй заявитель указывала, что 25 января 2000 г. тело ее брата было найдено во дворе дома Хашиевых Магомедом Хашиевым и его сестрой. Второй заявитель увидела тело своего брата в Ингушетии и заметила несколько огнестрельных ран в лицо, сердце и брюшную полость. Его левая ключица была сломана. Его удостоверение, выданное Педагогическим институтом Грозного, было обнаружено в его руке, а паспорт и другие документы, удостоверяющие личность, и две 50-рублевые банкноты были в его кармане.

62. 9 февраля 2000 г. второй заявитель поехала в Грозный. Во дворе дома 107 по Нефтяной улице она подобрала несколько гильз от автомата и шляпу своего брата. В тот же день она видела пять мертвых тел, два мужских и три женских, около гаражей. Шестая женщина, Елена Г., выжившая в этой расправе, позже сообщила заявителю, которая нашла ее в госпитале в Ингушетии, что убийства были совершены солдатами 205-й роты из Буденновска. Она также сказала, что видела Адлана Акаева и Хашиевых 19 января и они были живы. 22 февраля второй заявитель встретилась с Омаром С., который во время событий проживал в Грозном и слышал, как военные разговаривали в комендатуре Старопромысловского района после 20 января, что они застрелили профессора. История Омара была описана в статье «Свобода или смерть».

л) Решение об объединении следственных дел

63. 22 августа 2000 г. прокуратура города Грозного возбудила дело по факту смерти брата второго заявителя. 5 сентября 2000 г. уголовное дело было объединено с уголовным делом № 12038 по факту мас-

совых убийств в Старопромысловском районе. 5 сентября 2000 г. заместитель прокурора города Грозного создал следственную группу из трех следователей для работы по этому делу.

т) Документы по определению соответствующего военного подразделения

64. 19 ноября 2000 г. штабы Объединенной группировки Министерства обороны (находящиеся в Ханкале) ответили на запрос прокурора и представили список военных подразделений, названных только пятизначными номерами, которые находились в Чечне с 5 января по 25 февраля 2000 г.

65. 4 марта 2001 г. следователь Чеченской республиканской прокуратуры направил запрос военному прокурору подразделения № 20102 (Ханкала), в котором просил указать точное месторасположение военных частей в соответствующий период, чтобы определить командующих и восстановить информацию, связанную с операциями в Старопромысловском районе. Материалы дела, полученные Судом, не содержали ответа на этот запрос.

п) Постановления прокурора

66. На разных стадиях расследования различные постановления были приняты прокурором Чеченской Республики с указаниями для следователей. Постановление от 14 августа 2001 г. содержало имена 10 лиц, чьи тела были найдены в Новой Катаяме, включая родственников заявителей. 16 января 2003 г. прокуратура издала инструктивные указания для следователей установить возможные места захоронения других граждан из мирного населения, найти новых свидетелей и потерпевших и определить военное подразделение, ответственное за преступления.

67. Краткое изложение основных действий, предпринятых следствием, представлено в постановлении городской прокуратуры от 22 января 2003 г., которое является последним документом в деле. Уголовное расследование по делу № 12038 было начато городской прокуратурой Грозного 3 мая 2000 г. после публикации «Свобода или смерть» о массовых убийствах в Старопромысловском районе. 4 мая 2000 г. Малгобекская городская прокуратура Ингушетии возбудила уголовное дело по жалобе первого заявителя об убийстве его родственников; 23 июля 2000 г. оба уголовных дела были объединены в дело № 12038; 22 августа 2000 г. прокуратура города Грозного возбудила уголовное дело по жалобе второго заявителя о смерти ее бра-

та; 5 сентября 2000 г. оно было объединено с уголовным делом № 12038.

68. Следствие по делу приостанавливалось семь раз, и расследование в восьми случаях возобновлялось. Четыре раза дело передавалось из прокуратуры Грозного в республиканскую прокуратуру и обратно. Документ заканчивается списком заданий, которые необходимо выполнить следственной группе, включая установление военного подразделения, ответственного за действия в Старопромысловском районе Грозного, мест захоронения лиц из мирного населения в Новой Катаяме, свидетелей и потерпевших.

2. Дополнительные документы, представленные заявителями

69. Заявители представили несколько дополнительных документов относительно убийств и обнаружения тел. Основные документы, относящиеся к делу, следующие.

а) Результаты экспертизы

70. Заявители представили заявление Кристофера Марк Милроя, профессора судебно-медицинской патологоанатомии Университета Шеффилда и консультанта по патологоанатомии министерства внутренних дел Британии. Заявление было подготовлено на основе представленной заявителями информации об обстоятельствах смерти их родственников и восьми цветных фотографий, снятых первым заявителем, когда были найдены тела Хамида Хашиева, Ризвана Таймеканова и Магомеда Гойгова.

71. Эксперт заключил, что «фотографии демонстрируют телесные повреждения от пуль из автомата, которые обычно способны вызывать значительные повреждения». Далее он перечислил процессуальные действия, обычно предпринимаемые для исследования тела лица, которое погибло при подозрительных обстоятельствах. С точки зрения эксперта, в эти действия должны включаться рентген тела для установления местонахождения пуль и подробный осмотр и фотографии внешних повреждений, «поскольку характер повреждений может показывать, были ли жертвы застрелены с близкого расстояния или они подвергались пыткам».

б) Информация из Генеральной прокуратуры

72. В своем письме от 25 апреля 2003 г. заместитель Генерального прокурора ответил на запрос, направленный господином Ковалевым,

депутатом Государственной Думы. Письмо содержит информацию, относящуюся к обвинениям служащих в Чечне за преступления, совершенные против мирного населения. С момента начала контртеррористической операции 58 дел по обвинению военнослужащих было передано в суды военными прокурорами и 74 лиц были осуждены. Из них 12 касались убийств, 13 — хищений, 4 — злоупотребления властными полномочиями, 5 — неосторожного управления военной техникой и так далее. 51 человек был признан виновным, из них 7 офицеры, 22 — профессиональные военнослужащие. Кроме того, Чеченская прокуратура обвинила 29 военнослужащих Министерства внутренних дел за преступления в отношении мирного населения. Из описания, приложенного к письму, следует, что в большинстве дел приговоры были условные или к осужденным была применена амнистия.

3. Документы, относящиеся к установлению фактов, в местных судах

73. Некоторые документы, представленные заявителями, относятся к процессам, инициированным ими в национальных судах для установления фактов смерти их родственников.

а) Объяснение первого заявителя

74. 5 апреля 2000 г. первый заявитель обратился в Малгобекский суд с иском о признании факта смерти брата, сестры и двух племянников. Первый заявитель указывал, что его родственники оставались в Грозном зимой 1999–2000 г., в то время как он и его семья уехали в Ингушетию. 17 января 2000 г. солдаты 205-й роты федеральной армии вошли в Старопромысловский район Грозного и совершали там зверства. 19 января 2000 г. они появились в доме его сестры и жестоко убили его родственников, нанося множественные ножевые и огнестрельные ранения. Первый заявитель узнал о подробностях убийств, когда находился на похоронах соседки, Мариам Гойговой. Его родственники были похоронены в Ингушетии. Уголовное дело было возбуждено и продолжалось. Объявление лица умершим требовалось для получения свидетельства о смерти в отделении ЗАГСа.

б) Протокол судебного заседания 5–7 апреля 2000 г.

75. Из протокола судебного заседания от 5 апреля 2000 г. следует, что суд заслушал заявителя, который настаивал на своем заявлении, и двух свидетелей похорон из села Вознесенское. Они просто подтвердили, что тела были привезены в Вознесенское для захоронения

и что они знали, что убийства были совершены солдатами федеральной армии. Суд вынес решение 7 апреля 2000 г.

с) Объяснение второго заявителя

76. 3 февраля 2000 г. второй заявитель подала заявление в Малгобекский городской суд об установлении факта смерти ее брата. Она указала, что тело ее брата было найдено в Грозном 21 января рядом с его домом. Смерть наступила от множества огнестрельных ранений. Его тело было привезено из Грозного и захоронено в селе Пседак в Ингушетии 28 января 2000 г. Решение суда об установлении факта смерти требовалось для получения свидетельства о смерти в органах ЗАГСа.

д) Протокол судебного заседания от 7 февраля 2000 г.

77. Из протокола судебного заседания от 7 февраля 2000 г. следует, что суд заслушал заявителя и двух свидетелей. Второй заявитель указывала, что в ноябре 1999 г. она и ее тетя (сестра ее матери) переехали из Грозного в Ингушетию и жили со своей матерью в селе Пседак. Ее брат Адлан остался в Грозном присматривать за имуществом и домом. 27 января 2000 г. Лиза Хашиева и Рая Хашиева приехали к ним и сообщили, что три тела было найдено в их доме в Грозном, и одно из них принадлежало ее брату. Ее родственница Д. поехала в Грозный с Хашиевыми и привезла тело брата. 28 января 2000 г. ее брат был похоронен в Пседаке.

78. Свидетель Д. указывала, что она близкая родственница матери второго заявителя. 27 января 2000 г. к ним приехали Хашиевы и сообщили, что тело Адлана Акаева было найдено во дворе их дома в Грозном. Они опознали его по удостоверению Педагогического института Грозного. 28 января 2000 г. они привезли тело в Пседак и захоронили его. Другой свидетель из Пседака подтвердил факт похорон. Решение было вынесено судом 7 февраля 2000 г.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

а) Положения Конституции

79. Статья 20 Конституции Российской Федерации защищает право на жизнь.

80. Статья 46 Конституции гарантирует защиту прав и свобод в

суде, предусматривая, что решения и действия властных органов могут быть обжалованы в суд. Часть 3 этой статьи предусматривает право на обращение в международные органы после исчерпания внутренних средств правовой защиты.

81. Статьи 52 и 53 предусматривают, что права потерпевших от преступлений защищаются законом. Им гарантирован доступ к суду и компенсация государством ущерба, вызванного неправомерными действиями властей.

82. Часть 3 статьи 55 предусматривает ограничение прав и свобод федеральным законом лишь в той степени, которая необходима для защиты основ конституционного строя, морали и нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц и безопасности государства.

83. Статья 56 Конституции предусматривает, что государство может объявить чрезвычайное положение в соответствии с федеральным законом. Определенные права, включая право на жизнь и право не подвергаться против пыток, могут быть ограничены.

б) Закон «Об обороне»

84. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» предусматривает, что *надзор за законностью и расследование дел о преступлениях в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах осуществляются Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами.*

2. Рассмотрение гражданских и уголовных дел в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах осуществляют суды в соответствии с законодательством Российской Федерации.

с) Закон «О борьбе с терроризмом»

85. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» предусматривает следующее.

Статья 3. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

борьба с терроризмом — деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности;

контртеррористическая операция — специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции;

зона проведения контртеррористической операции — отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории или акватории, в пределах которых проводится указанная операция.

Статья 13. Правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции

1. В зоне проведения контртеррористической операции лица, проводящие указанную операцию, имеют право:

...2) проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность, а в случае отсутствия таких документов задерживать указанных лиц для установления личности;

3) задерживать и доставлять в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших или совершающих правонарушения либо иные действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, проводящих контртеррористическую операцию, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции;

4) беспрепятственно входить (проникать) в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности, в транспортные средства при пресечении террористической акции, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении террористической акции, если промедление может создать реальную угрозу жизни и здоровью людей;

5) производить при проходе (проезде) в зону проведения контртеррористической операции и при выходе (выезде) из указанной зоны личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств.

Статья 21. Освобождение от ответственности за причинение вреда

При проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а

также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

d) Гражданский процессуальный кодекс

86. Статьи 126–127 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, действующего в период рассматриваемых событий, содержали требования к форме заявления, направляемого в суд, включая, помимо прочего, имя и адрес ответчика, точные обстоятельства, на которых основаны требования, и документы, подтверждающие обоснованность требований.

Часть 4 статьи 214 предусматривала, что суд должен приостановить производство по делу, если оно не может быть рассмотрено до завершения другого гражданского, уголовного или административного процесса.

87. Статья 225 Кодекса предусматривала, что если в ходе рассмотрения жалобы на действия должностных лиц или гражданского иска суд установит, что имело место преступление, он должен уведомить прокурора.

88. Глава 24-1 предусматривала, что гражданин может обратиться с заявлением о признании незаконными действия государственного органа или должностного лица. Такие жалобы могут быть представлены в суд по месту нахождения органа или по месту жительства заявителя, по его усмотрению. В том же порядке суды могли также присуждать компенсацию, включая компенсацию морального вреда, если установлено, что имело место нарушение.

e) Уголовно-процессуальный кодекс

89. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. с изменениями и дополнениями, действующий во время рассматриваемых событий, содержал положения, относящиеся к уголовному расследованию.

90. Статья 53 устанавливала, что в случае смерти потерпевшего его близкие родственники являются потерпевшими. В ходе расследования потерпевший имеет право представлять доказательства и предъявлять иски. После завершения расследования потерпевший имеет полный доступ к материалам дела.

91. Статья 108 предусматривала, что уголовное дело может быть

возбуждено на основании заявлений граждан, организаций, статей в прессе или обнаружения следственным органом, прокурором или судом признаков состава преступления.

92. Статья 109 предусматривала, что орган следствия должен был принять одно из следующих решений не позднее чем через 10 дней: о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче информации компетентному органу. Лица, заявившие о преступлении, извещаются о принятом решении.

93. Статья 113 предусматривала, что в случае, если следственный орган отказывает в возбуждении уголовного дела, в постановлении должны быть указаны основания отказа. Лицо, заявившее о преступлении, должно быть уведомлено о принятом решении и имеет право обжаловать его вышестоящему прокурору или в суд.

94. Статья 126 предусматривала, что военная прокуратура занимается расследованием преступлений, совершенных военнослужащими в связи с исполнением ими своих обязанностей или на территории военной части.

95. Статья 195 предусматривала, что уголовное расследование может быть отложено, помимо других оснований, если невозможно установить обвиняемых. В этих случаях принимается мотивированное постановление. Никаких процессуальных действий не проводится с момента, когда следствие по делу приостановлено. Приостановленное дело может быть прекращено по истечении установленного срока.

96. Статьи 208 и 209 содержали информацию, относящуюся к прекращению уголовного расследования. Основания для прекращения уголовного расследования включают отсутствие состава преступления. Такие постановления могут быть обжалованы вышестоящему прокурору или в суд.

ф) Ситуация в Чеченской Республике

97. Чрезвычайное положение в Чеченской Республике объявлено не было. Не принималось никаких федеральных законов об ограничении прав населения на этой территории. Никаких заявлений об отступлении от обязательств по Конвенции в соответствии со статьей 15 Конвенции сделано не было.

g) Амнистия

98. 6 июня 2003 г. Государственная Дума приняла Постановление № 4124-III, которым была объявлена амнистия в отношении преступ-

лений, совершенных участниками обеих сторон военного конфликта с декабря 1993 по июнь 2003 г. Амнистия не применялась к тяжким умышленным преступлениям, таким как убийство.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Аргументы, представленные сторонами

1. Правительство

99. Правительство просило Суд объявить жалобы неприемлемыми по тому основанию, что заявители не исчерпали доступных им средств внутренней правовой защиты. Они указывали, что компетентные власти проводили и продолжают проводить уголовное расследование по фактам смертей среди мирного населения и разрушения собственности в Чечне в соответствии с российским законодательством.

100. Правительство также указывало, что хотя суды в Чечне действительно прекратили действовать в 1996 г., гражданские средства все же были доступны тем, кто выехал из Чечни. Установившаяся практика позволяла им обращаться в Верховный суд или в суды по их новому месту жительства, которые могли рассматривать их заявления. В 2001 г. суды в Чечне продолжили работу и рассмотрели большое количество гражданских и уголовных дел.

а) Верховный суд

101. Доступность обращения в Верховный суд, по мнению Правительства, подтверждается компетенцией этого суда рассматривать дела по первой инстанции. Правительство ссылалось на два решения Верховного суда 2002 и 2003 гг., которыми два постановления Правительства были признаны недействительными и отменены по жалобам физических лиц. Правительство также ссылалось на дело К., по ходатайству которого его дело о возмещении вреда к военному подразделению было передано из районного суда Чечни в Верховный суд Дагестана, поскольку заявитель настаивал на участии в деле народных заседателей, а их в Чечне не было.

б) Обращения в другие суды

102. Возможность обращения в суд по месту нового жительства заявителей подтверждается тем фактом, что заявители успешно обращались в Малгобекский городской суд в Ингушетии для подтверждения фактов смерти их родственников.

103. Эффективность данного средства далее подтверждалась тем фактом, что первый заявитель успешно обращался в суд Назрани в Ингушетии, который 26 февраля 2003 г. присудил ему сумму компенсации морального и материального ущерба за смерть его родственников. Это решение было оставлено в силе и исполнено, что также доказывает, что обращение в районный суд является эффективным средством в таких делах, как дела заявителей.

2. Заявители

104. Заявители указывали, что они исполнили требования об исчерпании средств внутренней правовой защиты, поскольку средства, на которые ссылалось Правительство, были иллюзорными, неадекватными и неэффективными. В частности, заявители основывали свои утверждения на следующих доказательствах.

а) Нарушения были совершены представителями власти

105. Заявители указывали, что контртеррористическая операция, проводившаяся представителями государства, основывалась на законе «О борьбе с терроризмом» и была официально санкционирована на высшем уровне власти.

106. Заявители ссылались на текст закона «О борьбе с терроризмом». Этот закон позволяет антитеррористическим подразделениям вмешиваться в определенные права, не устанавливая явных ограничений для такого вмешательства и не обеспечивая средств защиты жертвам такого ограничения. Он также не содержит положений об ответственности властей за возможное злоупотребление властными полномочиями.

107. Они также указывали, что хотя власти, ответственные за проведение антитеррористических операций в Чечне, должны были знать о широко распространенных нарушениях прав человека в Чечне, никаких серьезных мер не было предпринято, чтобы остановить их или предотвратить. Они представили вырезки газетных статей с похвалами командования со стороны Президента РФ и предположили, что прокуроры не захотят идти в разрез с официальной линией, осуще-

ствляя уголовное преследование представителей правоохранительных органов или военных сил.

108. Заявители указывали, что существует практика несоблюдения требований расследования в отношении злоупотреблений, совершенных военнослужащими и представителями милиции как в мирное время, так и в период конфликта. Заявители основывали данное утверждение на четырех аргументах: отсутствие наказаний за преступления, совершенные в текущий период военного конфликта (с 1999 г.); ненаказуемость за преступления, совершенные в 1994–1996 гг.; безнаказанность пыток и бесчеловечного обращения в милиции по всей России и безнаказанность пыток и бесчеловечного обращения, имеющих место в армии в целом.

109. Что касается современной ситуации в Чечне, заявители ссылались на правозащитные организации, отчеты прессы по нарушению прав мирного населения, совершенные федеральными властями. Они также ссылались на ряд документов Совета Европы об отсутствии адекватного расследования фактов нарушений, совершенных федеральными силами.

б) Неэффективность правовой системы в деле заявителей

110. Заявители далее указывали, что средства внутренней правовой защиты, на которые ссылалось Правительство, были неэффективны в связи с тем, что не обеспечивали возможности возмещения. Они ссылались на решение Европейского суда по делу *Akdivar and Others v. Turkey* и указывали, что средства защиты в Российской Федерации не удовлетворяли требованиям «эффективности, доступности в теории и на практике, что означает, что предоставляют возможность заявителю получить возмещение и имеют перспективы успеха» (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 30 августа 1996 г.).

111. С точки зрения заявителей, Правительство не выполнило требований, указанных в решении по делу Акдивар, поскольку они не предоставили никаких доказательств, что средства внутренней защиты, которые существовали в теории, предоставляли возможность возмещения или имели какой-либо шанс успеха для заявителя. Заявители оспаривали в этом отношении утверждения Правительства в отношении обоих указанных им средств.

112. Что касается гражданского процесса, заявители указали, что у них не было эффективного доступа к средствам, указанным Правительством. Заявление в Верховный суд было бы бесполезным, по-

скольку он имеет ограниченную юрисдикцию как суд первой инстанции, например, проверяет законность постановлений органов власти. Опубликованные обзоры практики Верховного суда не содержали ни одного примера гражданского дела, поданного потерпевшим от вооруженного конфликта в Чечне. Что касается возможной передачи дела Верховным судом, заявители ссылались на постановление Конституционного суда от 16 марта 1998 г., которым было установлено, что соответствующие постановления Гражданского процессуального кодекса, позволяющие судам высших инстанций передавать дела от одного суда другому, неконституционны. Относительно возможного обращения в районный суд в соседнем регионе или в Чечне, заявители указали, что это было бы неэффективно и недействительно.

113. В отношении гражданского иска, заявители оспаривали, что им было предоставлено эффективное средство защиты в смысле Конвенции. Гражданский иск был бы безуспешным в условиях отсутствия тщательного расследования, и гражданскому суду пришлось бы приостанавливать производство по делу до разрешения уголовного дела в соответствии с частью 4 статьи 214 Гражданского процессуального кодекса. Заявители далее указывали, что гражданский иск мог привести только к компенсации материального ущерба и морального вреда, в то время как их основной целью было привлечение к ответственности виновных. Наконец, они указывали, что хотя иски о возмещении компенсации за незаконные действия военных властей были поданы в суды, они в основной своей массе были безуспешными.

114. Заявители утверждали, что уголовный процесс сам по себе мог бы быть эффективным средством защиты, и суммы компенсации могли бы быть присуждены им в результате рассмотрения уголовного дела как потерпевшим от преступлений. В данном деле заявители оспаривают эффективность расследования.

В. Оценка Суда

115. В данном деле Суд не принимал решения об исчерпании средств внутренней правовой защиты на стадии рассмотрения дела на предмет приемлемости, установив, что этот вопрос тесно связан с вопросами существа дела. Поскольку Правительством были представлены те же предварительные возражения и перед рассмотрением дела по существу, Суд должен рассмотреть позиции сторон в свете положений Конвенции и своей прецедентной практики по данному вопросу.

116. Суд напоминает, что правило исчерпания средств внутренней правовой защиты, предусмотренное частью 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей прежде всего использовать средства, существующие и доступные в национальной системе, чтобы дать им возможность получить возмещение за заявленные нарушения. Средства внутренней правовой защиты должны существовать как в теории, так и на практике, в противном случае они не будут доступны и эффективны. Часть 1 статьи 35 Конвенции также требует, чтобы жалобы, которые заявитель намерен впоследствии представить в Европейский суд по правам человека, по своей сути сначала представляли жалобы, поданные в соответствующий компетентный орган, однако выполнение этого требования не является необходимым, если средства внутренней защиты неадекватные или неэффективные (см. *Aksoy v. Turkey*, решение от 18 декабря 1996 г., § 51–52 и *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 30 августа 1996 г., § 65–67).

117. Суд обращает внимание, что применение правила исчерпания внутренних средств защиты должно выполняться в свете механизма защиты прав человека, который Высокие Договаривающиеся Стороны приняли соглашение организовать. Соответственно, признается, что часть 1 статьи 35 должен применяться с некоторой степенью гибкости и без чрезмерного формализма. Далее признается, что правило исчерпания средств внутренней правовой защиты не является ни абсолютным, ни применяемым автоматически. Для того, чтобы установить, было ли оно соблюдено, важно рассмотреть обстоятельства конкретного дела. Это значит, в частности, что Суд должен принимать во внимание не только формальное существование этих средств в правовой системе Высокой Договаривающейся Стороны, но также основные условия их функционирования и конкретные обстоятельства дела заявителя. В свете всех обстоятельств дела должно быть исследовано, сделал ли заявитель все необходимое, чтобы исчерпать внутренние средства правовой защиты (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 30 августа 1996 г., § 69 и *Aksoy v. Turkey*, решение от 18 декабря 1996 г., § 53, 54).

118. Суд отмечает, что российское законодательство предусматривает два основных пути защиты для жертв незаконных и преступных действий государственных органов и должностных лиц, в частности, гражданский процесс и уголовные дела.

119. Что касается гражданского иска по взысканию компенсации ущерба, причиненного незаконными действиями должностных лиц

государства, Суд напоминает, что Правительство ссылалось на две возможности, в частности, подать жалобу в Верховный суд или в другие суды (см. выше § 98–101). Суд отмечает, что с даты, когда данная жалоба была признана Европейским судом приемлемой, ни одного решения не было принято по этому делу ни Верховным судом, ни другими судами, в условиях отсутствия каких-либо результатов уголовного расследования, по сути иска о возмещении ущерба, причиненного в связи с преступными действиями. В данном деле заявители не могли установить ответчика по делу, и будучи зависимыми в получении этой информации от результата уголовного расследования, изначально гражданского иска о возмещении не подали.

120. Действительно, первый заявитель, ознакомившись с отзывом Правительства, что гражданское средство защиты существовало, подал иск в Назранский суд в Ингушетии. Этот суд не имел компетенции по установлению лиц, виновных в убийствах, и он этих фактов не устанавливал, но присудил компенсацию ущерба первому заявителю на том основании, что это был общеизвестный факт — о нахождении федеральных сил в соответствующий период в Старопромысловском районе Грозного, и на основании общей ответственности государства за действия, совершенные вооруженными силами.

121. Суд не считает, что решение Назранского суда подтверждает эффективность гражданского процесса как эффективного средства защиты, которое требовалось исчерпать. Несмотря на положительный результат иска первого заявителя в виде присужденной компенсации, эти процессы подтверждают, что в гражданском процессе без выводов, полученных в уголовном процессе, невозможно принять решение в отношении совершивших убийства и привлечь их к ответственности. Более того, обязательства Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со статьями 2 и 13 Конвенции проводить расследование, которое должно привести к установлению и наказанию виновных в случаях убийств, могут оказаться иллюзорными, если в соответствии с жалобами на нарушение этих статей от заявителя требуется исчерпать средства защиты, ведущие только к компенсации ущерба (см. *Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998 г., § 74).

122. В свете вышесказанного, Суд приходит к выводу, что заявители не были обязаны использовать средства защиты в гражданском процессе, указанные Правительством, чтобы выполнить требование исчерпания средств внутренней правовой защиты, и предварительные возражения Правительства следует считать необоснованными.

123. Что касается средств защиты в уголовном процессе, Суд отмечает, что заявители уведомили власти о фактах убийства их родственников на достаточно ранней стадии. 10 февраля 2000 г. первый заявитель ходатайствовал о проведении экспертизы тел его брата и племянников, также просил провести расследование по фактам смерти своих родственников. Второй заявитель подавала заявление в суд в Малгобеке, который 7 февраля 2000 г. признал факт смерти ее брата от огнестрельных ранений. В июле 2000 г. второй заявитель обратилась в прокуратуру с заявлением о проведении расследования по факту смерти ее брата (см. выше § 26, 28–30, 61). По жалобам заявителей началось расследование, хотя и после задержки, и длилось три с половиной года. Никому не были предъявлены обвинения. Заявители утверждали, что расследование оказалось неэффективным и что они не уведомлялись надлежащим образом о следственных действиях, чтобы иметь возможность участвовать в них или оспорить их результаты. Правительство утверждало, что уполномоченные власти проводили и продолжают проводить расследование в соответствии с национальным законодательством.

124. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, касающиеся эффективности уголовного расследования в аспекте неустановления фактов и ответственности за убийства родственников заявителей, тесно связанные с существом жалоб заявителей. Таким образом, Суд считает, что эти вопросы подпадают под положения Конвенции, на которые ссылаются заявители. В свете вышесказанного, не является необходимым устанавливать, действительно ли имела место практика отсутствия расследования преступлений, совершенных военнослужащими и сотрудниками милиции, на которую ссылались заявители.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

125. Заявители указывали, что их родственники были убиты агентами властей в нарушение статьи 2 Конвенции. Они также заявляли, что власти не провели эффективного расследования фактов смерти, ссылаясь на статью 2 Конвенции, которая предусматривает следующее:

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

А. Предполагаемое нарушение обязательства защищать жизнь

1. Аргументы сторон

a) Заявители

126. Заявители утверждали, что факт умышленного убийства их родственников представителями федеральных войск является установленным. Они указывали, что существуют ясные и неопровержимые доказательства данного факта.

127. В частности, они ссылались на доказательства, что родственники первого заявителя очевидцы видели задержанными солдатами федеральных войск 19 января 2000 г. и что их тела впоследствии были обнаружены с пулевыми ранениями и следами избиения. Они также указывали, что существуют неоспоримые и многочисленные доказательства того, что факты пыток и убийств без суда и следствия, совершенные представителями федеральных войск, были широко распространены в Грозном в начале 2000 г. Заявители ссылались на решение национального суда, которым иск первого заявителя о возмещении ущерба был удовлетворен на том основании, что его родственники были убиты неустановленными служащими.

128. Заявители также ссылались на то, что Правительство не предоставило всех документов, содержащихся в материалах дела и связанных с проведением расследования по фактам смертей их родственников. С их точки зрения, это должно привести Суд к выводу об обоснованности их заявлений.

b) Правительство

129. В своих документах, связанных с приемлемостью жалобы, Правительство указывало, что обстоятельства смертей родственников заявителей неясны. Правительство представило некоторые альтернативные объяснения фактов смерти, в частности, что они могли быть убиты чеченскими боевиками в отместку за неприсоединение к

ним или грабителями. Правительство также предположило, что указание на то, что родственники заявителей были убиты Российскими федеральными войсками, является частью пропаганды войны, проводимой чеченскими вооруженными группами, с целью дискредитировать федеральную армию. Наконец, Правительство предположило, что родственники заявителей участвовали в вооруженном сопротивлении федеральным войскам и были убиты в ходе военных действий.

130. Правительство утверждало, что точные обстоятельства смертей остаются невыясненными. Уголовное расследование было инициировано по заявлениям потерпевших, в ходе расследования все их аргументы должным образом проверялись, но не были подкреплены собранными доказательствами.

2. Оценка Суда

a) Общие принципы

131. Суд повторяет, что статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых лишение жизни является оправданным, — одно из наиболее важных положений Конвенции, к которым дерогация не относима. Так же как и статья 3, она гарантирует одну из основных ценностей демократического общества. Обстоятельства, при которых лишение жизни считается обоснованным, должны толковаться очень строго. Цель и задача Конвенции как инструмента по защите индивидуальных свобод также требуют, чтобы статья 2 толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать эту гарантию практической и эффективной (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г., § 146–147).

132. В свете важности защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергать вопросы лишения жизни тщательному рассмотрению, принимая во внимание не только действия должностных лиц государства, но и все сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *Avsar v. Turkey*, № 25657/94, § 391, ECHR 2001).

133. Когда события все или в их основной части находятся в исключительном ведении властей, как, например, в случае с задержанием лица, существует сильная презумпция, что телесные повреждения и случаи смерти произошли в ходе задержания. Действительно, бремя доказывания может рассматриваться как возложение на власти обязанности представить убедительное объяснение причин смер-

ти (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII; *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV; *Ertak v. Turkey*, no. 20764/92, § 32, ECHR 2000-V и *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 82, ECHR 2000-VI).

134. Что касается фактов данного дела, Суд напоминает прецеденты, подтверждающие стандарт доказывания «вне обоснованного сомнения» при оценке доказательств (см. *Avsar v. Turkey*, № 25657/94, § 282). Такое доказывание может следовать из существования сильных, ясных и согласованных доказательств или неоспоримых презумпций. В этом контексте поведение сторон, когда получены доказательства, должно приниматься во внимание (см. *Ireland v. the United Kingdom*, решение от 18 января 1978 г., § 161).

135. Суд внимательно относится к своей субсидиарной природе и признает, что он должен воздерживаться от принятия на себя роли первой инстанции, когда этого возможно избежать по обстоятельствам конкретного дела (см. *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, решение от 4 апреля 2000 г.). Тем не менее в заявлениях по статьям 2 и 3 Конвенции Суд должен использовать меры наиболее тщательного рассмотрения дела (см., среди прочего, *Ribitsch v. Austria*, решение от 4 декабря 1995 г., § 32 и *Avsar v. Turkey*, № 25657/94, § 283), даже если процессы и расследования уже имели место.

b) Применение в данном деле

136. Для того, чтобы оценить существо жалобы заявителей и в свете природы заявленных нарушений, Суд затребовал от Правительства представить копию всего следственного дела. Правительство представило около двух третей от общего числа документов, поскольку, по мнению Правительства, остальные документы неотносимы к делу. Других объяснений непредоставления документов Правительство не дало.

137. Суд напоминает в этом отношении, что одним из наиболее важных для эффективного действия системы индивидуальных жалоб по статье 34 Конвенции является то, что государства должны предоставить все необходимые средства для надлежащего и эффективного рассмотрения заявлений (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Неизбежно в делах подобной категории, в которых заявитель обвиняет власти в нарушении его прав по Конвенции, что бывает в определенных случаях, когда только представители государства имеют доступ к информации, способной подтвердить

или опровергнуть эти заявления. То, что государство не предоставило такой информации, которой располагает только оно, может привести к вопросу принятия факта обоснованности обвинений, выдвинутых заявителем. Это может также отражать невыполнение государством своих обязательств по пункту «а» части 1 статьи 38 Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 66, 70).

138. Суд не удовлетворен объяснением Правительства относительно непредоставления части материалов дела в связи с тем, что они не относимы к данному делу. Там, где заявление содержит утверждение, что отсутствовало эффективное расследование, и где, как и в данном деле, копия материалов дела затребована от Правительства, Суд считает обязательным для государства-ответчика обеспечить предоставление всех документов, связанных с расследованием. Вопрос, относимы ли данные документы к делу, не может решаться государством-ответчиком единолично. Более того, Суд отмечает, что Правительство ссылалось в своем меморандуме на документы, копии которых не были представлены Суду.

139. Соответственно, Суд делает заключение, что он может сделать выводы из поведения государства в данном вопросе. Однако Суд не установил необходимости рассматривать отдельно вопрос о соблюдении статьи 38 Конвенции, выполнило ли государство свои обязательства в свете представления большей части материалов дела.

140. Что касается существа жалобы, неоспоримо, что родственники заявителей погибли в обстоятельствах, находящихся за пределами обстоятельств части 2 статьи 2 Конвенции. Правительство не указывало в меморандуме, что исключения части 2 статьи 2 применимы к данному делу (см выше § 129–130). Подлежит обсуждению вопрос, несет ли государство ответственность за факты этих смертей.

141. Местные власти в ряде случаев установили, что лишение жизни не соответствовало закону. В частности, уголовное дело № 12038 расследовало факт «массовых убийств» гражданского населения.

142. Хотя расследование не было завершено и виновные не были установлены и обвинены, из материалов дела явно следует единственная версия событий, из сообщений заявителей, которая рассматривалась следствием. Документы, содержащиеся в материалах дела, неоднократно отсылают к убийствам как совершенным военными. Постановление следователя от 3 мая 2000 г. о возбуждении уголовного дела также говорит о «массовых убийствах гражданского населения 205-й ротой». Обращения первого заявителя к следствию и

в гражданский суд содержат информацию о федеральных служащих как исполнителях убийств. В обращении первого заявителя и его сестры от 5 мая 2000 г. содержится информация о результате встречи с солдатами 25 января 2000 г. Эти солдаты признали, что убийства были совершены ими как месть. Свидетельские показания, данные другими свидетелями, также отсылают к федеральным военнослужащим как исполнителям убийств (см. выше § 50–62).

143. Некоторые меры были предприняты — или их указано было предпринять прокуратурой — с попыткой установить те военные части, которые в соответствующее время находились на данной территории, а также установить их командующих и планы действий. Следствие выявило некоего Юрия Ж., который мог быть среди солдат, ответственных за убийства (см. выше § 59), и мог действовать по мотивам личной мести.

144. Суд должен также уделить внимание докладам правозащитных организаций и документам международных организаций, которые были представлены и подтверждают позицию, изложенную заявителями.

145. Дополнительное сильное доказательство в отношении определения исполнителей убийства проистекает из решения суда Назрани, в котором установлено, что убийство родственников первого заявителя было осуществлено военными, и в результате заявителю была присуждена компенсация, взыскиваемая с государства. Суд Назрани не установил конкретных лиц, виновных в убийствах, но счел установленным тот факт, что в Старопромысловском районе Грозного в то время полный контроль осуществляли федеральные войска, и только эти войска могли проводить проверки документов. Суд Назрани также установил, что родственники заявителя были убиты в ходе проверки документов (см. выше § 41).

146. Хотя аналогичные факты не были установлены в отношении брата второго заявителя, его тело было найдено вместе с телами родственников первого заявителя, и, предположительно, он был убит в аналогичных обстоятельствах.

147. На основе материалов, имеющихся в распоряжении Суда, он считает установленным, что родственники заявителей были убиты военнослужащими и что ответственность за их смерть может быть возложена на государство. Суд отмечает, что никакого объяснения не последовало со стороны российского Правительства относительно обстоятельств смерти, и никакого обоснования применения силы,

повлекший смерть, также не последовало (см. выше § 129–130). Ответственность за смерть родственников заявителей, таким образом, будет возложена на государство, соответственно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

В. Предполагаемая неэффективность расследования

1. Аргументы сторон

а) Заявители

148. Заявители также утверждали, что государство-ответчик не провело независимого, эффективного и тщательного расследования фактов смерти их родственников.

149. В этом отношении заявители указывали, что ситуация, которая имела место в Чечне с 1999 г., характеризовалась высокой степенью социальной напряженности в связи с конфронтацией между федеральными силами и отрядами боевиков. Они ссылались на газетные вырезки и отчеты неправительственных организаций, в которых иллюстрировались серьезные препятствия к нормальному функционированию системы отправления правосудия, и ставили эффективность работы прокуратуры под серьезное сомнение. Заявители указывали, что сложные обстоятельства в Республике не освобождали Правительство от обязательств по Конвенции, к тому же Правительство не представило никаких доказательств, что следствие по фактам нарушения прав гражданского населения было проведено эффективно и надлежащим образом.

150. Оба заявителя указывали, что у них были уважительные основания не обращаться в прокуратуру сразу же, как они узнали о смерти своих родственников, поскольку чувствовали уязвимость, бессилие перед представителями государства и опасность с их стороны. Они также утверждали, что прокуратура уже доказала свою неспособность действовать с необходимой тщательностью в отношении заявлений о массовых казнях гражданского населения в Старопромысловском районе в январе 2000 г. Заявители сообщили, что прокуратура должна была знать о смертях их родственников и других граждан по крайней мере к началу февраля 2000 г., и тот факт, что уголовное дело не было возбуждено до мая 2000 г., было обычным признаком отсутствия заинтересованности в расследовании. 7 февраля 2000 г. Малгобекский городской суд установил факт смерти Адлана Акаева, брата первого заявителя. В соответствии со статьей 225

Гражданского процессуального кодекса, суды при обнаружении признаков состава преступления должны сообщить об этом в прокуратуру. 10 февраля 2000 г., по ходатайству первого заявителя, сотрудниками управления внутренних дел Назрани были проведены экспертизы тел его брата, племянника и Магомеда Гойгова. В начале февраля 2000 г. неправительственная организация Human Rights Watch распространила несколько пресс-релизов относительно событий в Старопромысловском районе, которые содержали информацию о смертях и исчезновениях родственников заявителей. В феврале и марте 2000 г. эти отчеты и пресс-релизы были направлены в Генеральную прокуратуру и переданы Специальному уполномоченному по правам человека в Чечне, а также Главному военному прокурору. Первый заявитель обратился в военную прокуратуру с заявлением 5 апреля 2000 г., а 7 апреля 2000 г. Малгобекский городской суд признал факт смерти всех четырех родственников заявителей.

151. Заявители далее указывали, что хотя следственные действия начались, они не были эффективными и не могли привести к необходимому результату. Они ссылались на недостатки следствия, отмечая, что второй заявитель не была признана потерпевшей до марта 2003 г., и это не позволяло ей влиять на ход следствия и участвовать в нем. Они указывали, что судебно-медицинская экспертиза не была проведена надлежащим образом; не были собраны необходимые показания родственников; другие свидетели и оставшиеся в живых не были допрошены; не было предпринято достаточно мер, чтобы установить виновных в совершении преступлений среди военнослужащих.

b) Правительство

152. Правительство оспаривало, что имели место нарушения в ходе следствия. Указывалось, что оба заявителя были признаны потерпевшими, следовательно, могли участвовать в следствии и подавать жалобы на решения, с которыми они были не согласны. Обращения и заявления, сделанные в ходе следствия заявителями, тщательно проверялись.

2. Оценка Суда

a) Основные положения

153. Обязательство охранять жизнь, предусмотренное статьей 2 Конвенции, рассматривается в совокупности с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции *гарантировать каждому, находящемуся в юрисдикции государства, права и свободы, установленные*

настоящей Конвенцией, и также подразумевается, что должно существовать эффективное официальное расследование случаев, когда физические лица были убиты в результате применения силы (см., помимо прочего, дело *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г., § 161 и *Kaya v. Turkey*, решение от 19 февраля 1998 г., § 105). Основная цель такого расследования — гарантировать эффективную реализацию национальных законов, которые защищают жизнь, и в тех случаях, когда задействованы должностные лица или официальные органы, гарантировать их ответственность за случаи смерти, которые имели место в связи с исполнением ими обязанностей. Какие формы следствия необходимо проводить, может зависеть от конкретной ситуации. Однако, какие бы меры ни предпринимались, власти должны действовать по своей собственной инициативе, как только о случае стало известно (см., например, среди прочего, *Ilhan v. Turkey* [GC], no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII). Суд напоминает, что обязательства государства по статье 2 не ограничиваются только выплатой компенсации. Следствие, проводимое в соответствии со статьей 2 Конвенции, должно привести к установлению и наказанию виновных в причинении смерти (см. *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 121, ECHR 2001-III).

154. Для расследования фактов убийств, совершенных представителями государства, для эффективности расследования необходимо, чтобы лица, ответственные за проведение расследования, были независимыми от лиц, связанных с расследуемыми событиями (см., например, *Güleç v. Turkey*, решение от 27 июля 1998 г., Reports 1998-IV, § 81–82, *Ögur v. Turkey* [GC], no. 21954/93, § 91–92, ECHR 1999-III). Следствие также должно быть эффективным в том смысле, что оно потенциально может привести к установлению и наказанию виновных лиц (см. *выше Ögur v. Turkey*, § 88). Это не обязательство результата, но обязательство средств. Власти должны предпринять необходимые разумные шаги для того, чтобы обеспечить получение доказательств, относящихся к событиям, включая показания очевидцев, объяснения судмедэкспертов и, где это относимо, заключения судмедэкспертизы по вскрытию трупа, которые обеспечивают полные и точные отчеты о телесных повреждениях и подробный объективный клинический анализ, включая выводы о причинах смерти (относительно аутопсии, см., например, *Salman v. Turkey*, § 106; относительно свидетелей, например, *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, ECHR 1999-IV, § 109; относительно судмедэкспертизы, например, *Gül v.*

Turkey, no. 22676/93, § 89, решение от 14 декабря 2000 г.). Любые недостатки следствия, которые подрывают его возможность установить причины смерти лица или виновных, могут привести к несоответствию этим стандартам.

155. Должно быть принято, что могут иметь место препятствия или трудности, которые мешают продвижению следствия в определенной ситуации. Однако незамедлительный ответ властей при исследовании применения силы, повлекшей смерть, может рассматриваться как существенное обстоятельство для сохранения веры общества в верховенство права и предотвращения терпимости к незаконным действиям.

b) Применение принципов в данном деле

156. В данном деле следствие проводилось по фактам убийств родственников заявителей. Суд должен оценить, отвечало ли данное следствие требованиям статьи 2 Конвенции.

157. Суд приходит к выводу, что Управление внутренних дел Ингушетии получило подробные и серьезные заявления относительно убийств нескольких лиц, по крайней мере в феврале 2000 г. Несмотря на это, только после значительной задержки — в мае 2000 г. — было возбуждено уголовное дело. Правительство указало, что в то же время следователи должны были проводить проверки на месте совершения преступлений, то есть в Чечне. Задержка в три месяца не выглядит как оправданная в свете требования незамедлительности ответа на заявления о таких серьезных преступлениях.

158. Суд обращает внимание на серию серьезных и необъяснимых фактов бездействия с момента, когда следствие началось. Особенно важно, что Суду не были предоставлены доказательства попыток установить расположение 205-й роты из Буденновска. Не следует из материалов дела, что следствие пыталось установить конкретное название и расположение этого военного подразделения, связаться с его командованием или установить его солдат, которых упоминали свидетели относительно их причастности к преступлениям. В отсутствие попыток установить какую-либо информацию о военной части, сложно представить, как следствие может в этом случае рассматриваться как эффективное.

159. Далее, Суд должен отметить, что следствие не смогло получить документы о проведении военной операции в Старопромысловском районе Грозного в соответствующее время, несмотря на то, что

имелись достаточно сильные доказательства того, что такая операция имела место. Такой план мог бы представлять собой особо важное значение в отношении обстоятельств совершенных преступлений.

160. Дальнейший элемент расследования, который требует обсуждения, — это неустановление других жертв и возможных свидетелей преступлений. Например, второй заявитель, несмотря на то, что тело ее брата было найдено с телами родственников первого заявителя, не была признана потерпевшей до марта 2003 г., то есть в течение почти 3 лет с момента начала следствия. Она не была допрошена в ходе расследования.

161. Копия материалов дела содержит заявления двух свидетелей — жителей Старопромысловского района Грозного относительно рассматриваемых событий. Нет свидетельств того, что следователи пытались создать полную картину обстоятельств дела: в частности, отсутствует карта или план района, на котором могло быть показано расположение дел и важных доказательств и никакой попытки найти и опросить местных жителей, которые находились в Грозном зимой 1999–2000 гг. Некоторые попытки были сделаны, чтобы установить свидетелей, прямо указанных заявителями, таких как Вискан, Елена Г. и Омар С (см. выше § 50, 52, 58, 62).

162. Эти недостатки и упущения были очевидны для прокуратуры, которая контролировала следствие и указывала предпринять определенные меры (см. выше § 66–68). Однако эти указания не были выполнены.

163. В ходе следствия не было проведено вскрытия. Описания тел Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова были проведены сотрудниками местного отдела внутренних дел без удаления одежды с тел. Это описание вместе с фотографиями, сделанными первым заявителем, являлись основой для судебно-медицинских отчетов. Информация, вытекающая из такого описания, неизбежно была очень ограниченной, и Суд считает, что если бы отчет был проведен раньше и был бы более полным, включая вскрытие, мог содержать больше информации относительно причин смерти. Нет никакого указания на судебно-медицинский осмотр тел Лидии Хашиевой, Анзора Таймесканова и Адлана Акаева и ничто не говорит о том, что давались указания проводить аутопсию или эксгумацию.

164. Наконец, относительно того, как проводилось расследование, Суд отмечает, что в период между маем 2000 и январем 2003 г. следствие приостанавливалось и возобновлялось несколько раз. За-

заявители (несмотря на процессуальное положение первого заявителя) не информировались надлежащим образом об этих действиях и были лишены возможности обжаловать их. Следствие передавалось от одного следователя другому по крайней мере четыре раза без каких-либо ясных объяснений такой передачи и опять же без уведомления заявителей.

165. В своем меморандуме Правительство указывало, что следствие предоставляло возможность заявителям оспаривать его результаты. С точки зрения Правительства, поскольку заявители этого не делали, они не исчерпали средств внутренней правовой защиты. Однако Суд не убежден, в свете задержек и недостатков следствия, что такое обжалование могло привести к исправлению недостатков следствия. Таким образом, может считаться, что заявители выполнили требования исчерпания средств уголовно-правовой защиты.

166. В свете вышесказанного, Суд приходит к выводу, что власти не провели эффективного расследования обстоятельств смерти Хамида Хашиева, Лидии Хашиевой, Ризвана Таймесканова, Анзора Таймесканова и Адлана Акаева. Суд отклоняет предварительные возражения Правительства и устанавливает, что имело место нарушение статьи 2 в данном аспекте.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

167. Заявители указывали, что имеются неоспоримые доказательства того, что их родственников пытали перед смертью. Они также указывали, что власти не выполнили обязательств по проведению эффективного расследования фактов пыток, ссылаясь на статью 3 Конвенции:

Никто не может подвергаться пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и наказанию.

A. Предполагаемое невыполнение обязанности по защите от пыток

1. Аргументы сторон

a) Заявители

168. Заявители указывали, что установлено вне обоснованного сомнения, что их родственники были убиты в обстоятельствах, не сопоставимых со статьей 3. Они ссылались на показания свидетелей, что тела были изувечены и на них было множество ранений. Они так-

же указывали, что существуют неоспоримые и полные доказательства того, что пытки и внесудебные расправы совершались солдатами по всему Грозному в начале 2000 г.

b) Правительство

169. Правительство не согласилось с тем, что на телах родственников заявителей имелись следы пыток. Оно ссылалось на описание тел и результаты судебно-медицинских отчетов, в которых указано только на огнестрельные ранения на телах Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова (см. выше § 54).

2. Оценка Суда

a) Общие принципы

170. Как Суд указывал во множестве дел, статья 3 гарантирует наиболее фундаментальные ценности демократического общества. Даже в наиболее сложных обстоятельствах, связанных с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция запрещает пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание абсолютно во всех случаях. В отличие от многих других положений Конвенции и протоколов, статья 3 не предусматривает никаких исключений и от нее невозможны отступления в обстоятельствах, указанных в части 2 статьи 15 Конвенции в случае чрезвычайного положения (см. *Selmouni v. France*[GC], no. 25803/94, § 95, ECHR 1999-V и *Assenov and Others v. Bulgaria*, решение от 28 октября 1998 г., Reports 1998-VIII, p. 3288, § 93).

171. Жалобы на жестокое обращение должны подтверждаться соответствующими доказательствами (см., среди прочего, дело *Klaas v. Germany*, решение от 22 сентября 1993, Series A no. 269, p. 17–18, § 30). Чтобы оценить эти доказательства, Суд использует стандарт доказывания «вне разумных сомнений», но дополняет, что это следует из существования сильных и согласованных доказательств или неоспоримых фактических презумпций (см. *Ireland v. the United Kingdom*, p. 64–65, § 161).

b) Применение в данном деле

172. В данном деле не оспаривается, что родственники заявителей были убиты. Суд также считает установленным, что они убиты военнослужащими государства, то есть лицами, участвующими в официальном качестве. Однако обстоятельства, в которых наступила смерть, и подвергались ли заявители жестокому обращению, не ясны.

173. Суд находит, что факты, относящиеся к пыткам, полностью не установлены. Свидетели указали, что на телах Лидии Таймескановой, Анзора Таймесканова и Адлана Акаева были следы пыток (см. выше § 51, 61). Однако заявители в тот момент не связались с властями, не сделали фотографии тел и не ходатайствовали о проведении судебно-медицинских осмотров тел из-за состояния шока и общего недоверия к властям. Документы, относящиеся к описанию тел Хамида Хашиева и Ризвана Таймесканова, содержат ссылки только на огнестрельные ранения. Дополнительное заявление патологоанатома, подготовленное на основе фотографий и описания тел, также содержит информацию лишь о повреждениях, вызванных выстрелами из автомата (см. выше § 71).

174. Соответственно, представленные доказательства не позволяют Суду вне разумного сомнения заключить, что родственники заявителей были подвергнуты обращению, не сопоставимому со статьей 3 Конвенции.

В. Непроведение эффективного расследования

1. Факты, представленные сторонами

175. Заявители также ссылались на то, что Правительство не провело независимого, эффективного и тщательного расследования заявлений о пытках.

176. Правительство оспаривало, что были какие-либо нарушения в расследовании.

2. Основные принципы

177. Процессуальные обязательства, предусмотренные в различных контекстах Конвенции, направлены на то, чтобы установить, что права, гарантированные Конвенцией, не теоретические и иллюзорные, а применимые на практике и эффективные. В ряде решений Суд указал, что там, где было установлено, что заявитель, подвергавшийся жестокому обращению, находится под контролем полиции или иных представителей властных органов, данное положение вместе с общим обязательством государства по статье 1 Конвенции *обеспечивать каждому, кто находится под юрисдикцией государства, права и свободы, установленные настоящей Конвенцией*, подразумевает, что должно быть проведено эффективное расследование. Как в случае с расследованием по статье 2, такое расследование должно иметь пер-

спективы установить виновного и наказать его. В ином случае запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения будет неэффективным на практике и приведет к нарушению прав со стороны властных органов государства (см. *Assenov and Others v. Bulgaria* p. 3290, § 102; *Labita v. Italy*[GC], no. 26772/95, p. 138, § 131–136, ECHR 2000-IV).

178. Процессуальный аспект статьи 3 подразумевает, что там, где Суд не пришел к выводу, было ли обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции, частично имело место недобросовестно проведенное расследование и ненадлежащая реакция властей на обращения заявителя (см. *Ilhan v. Turkey*[GC] и выше § 89–92).

3. Применение в данном деле

179. Суд отмечает, что государство-ответчик провело определенное расследование по заявлениям относительно пыток. Однако не проводились ни вскрытия, ни надлежащая судебно-медицинская экспертиза, ни иные действия, с помощью которых точные обстоятельства смерти могли бы быть установлены. Неустановление других возможных свидетелей и отсутствие их допроса относительно событий в Старопромысловском районе 19 и 20 января 2000 г. и действовавших в то время военных частей также привело к тому, что не были получены необходимые доказательства. Имея в виду свои выводы относительно эффективности расследования (см. выше § 156–166), Суд не считает, что проведенное государством расследование было тщательным и эффективным, чтобы отвечать требованиям статьи 3.

180. В этих обстоятельствах, принимая во внимание отсутствие тщательного и эффективного расследования заявлений о возможном нарушении статьи 3, Суд отклоняет предварительные возражения Правительства относительно неисчерпания средств внутренней правовой защиты и приходит к выводу, что имело нарушение процессуального обязательства, предусмотренного статьей 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

181. Заявители жаловались, что у них не было эффективных средств правовой защиты против нарушений статей 2 и 3. Они ссылались на нарушения статьи 13 Конвенции:

Каждый, чьи права и свободы, установленные настоящей Конвенцией, нарушены, должен иметь эффективные средства правовой защиты.

1. Основные принципы

182. Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует доступ к средствам правовой защиты на национальном уровне тех прав, которые гарантированы Конвенцией, в какой бы форме они ни защищались в рамках национального правового порядка. Смысл действия статьи 13, таким образом, — это требование, чтобы на национальном уровне были обеспечены средства правовой защиты, хотя государства имеют широкую свободу усмотрения, как именно обеспечить соответствие данному положению Конвенции. Сфера действия статьи 13 может зависеть от сути жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Тем не менее средство защиты, которое установлено требованием статьи 13, должно быть «эффективным» на практике, так же как и в законе, в частности, в том смысле, что их использование не должно иметь препятствий, установленных действиями или решениями властных органов государства-ответчика (см. *Aksoy v. Turkey*, § 95, и *Aydin v. Turkey*, решение от 25 сентября 1997 г., Reports 1997-VI, § 103).

183. Сфера обязательств, гарантированных статьей 13, зависит от сути жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Принимая во внимание особую важность прав, гарантированных статьями 2 и 3, статья 13 требует, в дополнение к выплате компенсации, где это предусмотрено, тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению ответственных за лишение жизни и применение обращения, не соответствующего статье 3, включая эффективный доступ заявителя к процедуре расследования (см. *Avsar v. Turkey*, § 429; *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, § 161, ECHR 2002-IV). Суд напоминает, что обязательства государства по статье 13 шире, чем обязательства Высокой Договаривающейся Стороны по статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 384, постановление от 18 июня 2002 г., ECHR 2002).

2. Применение в данном деле

184. В свете выводов суда по статьям 2 и 3, данные жалобы для целей Конвенции «обоснованы» (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, решение от 27 апреля 1988 г., Series A no. 131, § 52). Соответственно, заявители должны иметь право на эффективные средства,

которые приведут к установлению и наказанию виновных и присуждению компенсации, для целей статьи 13.

185. Однако в обстоятельствах, в которых, как и в данном деле, уголовное расследование фактов смерти было неэффективным, поскольку отсутствовала необходимая тщательность и независимость (см. выше § 156–166), и где эффективность иного средства правовой защиты (гражданско-правового) также была под сомнением, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

186. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

187. Статья 41 Конвенции предусматривает:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этих нарушений, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

A. Моральный вред

188. Заявители не представили никаких требований о компенсации материального ущерба.

189. Что касается компенсации морального вреда, первый заявитель потерял своих четырех родственников: брата, сестру и двух племянников. Он вынужден был увезти их тела в Ингушетию и организовать похороны. Эти события серьезно на нем отразились. Хотя он признает, что решением городского суда Назрани от 26 февраля 2003 г. ему было присуждено 675 000 рублей (около 20 000 евро) в качестве компенсации морального и материального ущерба, он требовал 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

190. Второй заявитель потеряла своего брата, а также мать, которая страдала от сердечного приступа, узнав о смерти сына, и скончалась в апреле 2000 г. Второй заявитель просила 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

191. Правительство указало, что суммы являются явно завышенными. Они также указывали на существование национального средства, присудившего первому заявителю компенсацию.

192. Суд считает, что должна быть присуждена компенсация морального вреда с учетом серьезности нарушений, связанных со статьями 2, 3 и 13 Конвенции. Суд также принимает во внимание факт присуждения первому заявителю компенсации.

193. Суд, отмечая скромный размер требований первого заявителя, присуждает ему 15 000 евро. Хотя Суд не убежден, что смерть матери второго заявителя была вызвана нарушениями, установленными в данном деле, он присуждает второму заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Обе суммы подлежат конвертации в российские рубли по курсу на день выплаты.

В. Расходы и издержки

194. Заявители требовали 9 460 евро и 1 605 британских фунтов за оплату услуг по подготовке обращений. Речь шла о 1 605 британских фунтов за работу лондонских адвокатов из European Human Rights Advocacy Centre; 4 250 евро за работу московских юристов из правозащитного центра «Мемориал» и 5 210 евро за работу сотрудников в Москве и на Северном Кавказе и иные относимые расходы.

195. Кроме того, заявители требовали 2 608 британских фунтов за подготовку и проведение слушания по существу дела, которые включают 2 300 за работу лондонских адвокатов и 308 — за работу московского юриста.

196. Правительство не представило никаких комментариев по этому вопросу.

197. Суд отмечает, что только судебные расходы и издержки, необходимые и фактически понесенные, могут быть компенсированы на основе справедливости в соответствии со статьей 41 Конвенции. Он поясняет, что дело затрагивает сложные вопросы факта и права, дважды имел место обмен меморандумами и устное слушание. Однако он считает чрезмерными заявленные требования о компенсации всех издержек, поскольку не видит их разумными и необходимыми. В частности, Суд считает чрезмерной суммой оплаты за подготовку к слушаниям, учитывая развернутые письменные объяснения, уже представленные сторонами.

198. В этих обстоятельствах Суд не может удовлетворить требования заявителей в полном объеме, Он присуждает заявителям сумму 12 000 евро за вычетом суммы 1 093 евро, полученной ими в качестве правовой помощи от Совета Европы.

С. Процентная ставка

199. Суд считает, что процентная ставка должна быть установлена в размере средней ставки займа Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД:

1. Отклонил шестью голосами против одного предварительные возражения Правительства.

2. Установил единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с фактами смерти родственников заявителей.

3. Установил единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с тем, что власти не провели тщательного и полного расследования обстоятельств смерти родственников заявителей.

4. Установил единогласно, что не имело места нарушения статьи 3 Конвенции в отношении необеспечения защиты от применения пыток.

5. Установил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что власти не провели тщательного и эффективного расследования фактов заявленных нарушений права не подвергаться пыткам.

6. Установил пятью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

7. Установил единогласно:

а) государство-ответчик обязано выплатить заявителям в течение трех месяцев с момента, когда решение станет окончательным, следующие суммы, переведенные в рубли по курсу на день выплаты:

i) 15 000 евро первому заявителю и 20 000 евро второму заявителю в качестве компенсации морального вреда,

ii) 10 927 евро в качестве компенсации расходов и издержек,

iii) суммы налогов, которыми может облагаться данная сумма;

б) с момента истечения трех месяцев подлежит оплате сумма процентов, равная средней ставке займа Европейского центрального банка плюс три процента.

Совершено на английском языке 24 февраля 2005 г., в соответствии с Правилем 77 § 2 и 3 Процедуры Суда.

Soren Nielsen
Секретарь

Christos Rozakis
Президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и Правил 74 § 2 Процедуры Суда, следующие особые мнения прилагаются к решению:

- а) частично не совпадающее мнение судьи Ковлера;
- б) частично не совпадающее мнение судьи Загребельского.

ЧАСТИЧНО НЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Разделяя выводы моих коллег в отношении жалоб заявителей по статьям 2 и 3 Конвенции, статьям, которые касаются абсолютных прав и не подлежат никаким ограничениям или отступлениям, с сожалением отмечаю, что не могу разделить их выводы относительно предварительных возражений Правительства об исчерпании средств внутренней правовой защиты и относительно статьи 13 Конвенции.

Вместо того, чтобы отклонять предварительные возражения Правительства (хотя я понимаю аргументы, вытекающие из прецедентного права Суда), я бы предпочел их принять, чтобы соответственно продемонстрировать более убедительно недостатки национальных процессов (процедурный аспект статей 2 и 3). Я не вижу противоречий в таком подходе.

Сравнивая это дело с двумя другими делами (*Isayeva, Yusupova, Bazayeva v. Russia* и *Zara Isayeva v. Russia*), где расследование было закрыто и статуса потерпевшего и стороны в гражданском процессе заявители были лишены, это дело отражает другую правовую ситуацию хотя бы потому, что у заявителя Хашиева было процессуальное положение потерпевшего на начальной стадии расследования (май 2000 г.), а заявитель Акаева была признана потерпевшей пусть даже после значительной задержки — в марте 2003 г. — и заявители этого статуса не лишились. Из этого следует, что заявители имели и до сих пор имеют возможность пользования своими процессуальными правами, в том числе требовать, чтобы следствие проводилось более тщательно, в соответствии со статьями 208, 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который действовал в то время, и Уголовно-процессуального кодекса РФ, который вступил в силу 1 июля 2002 г., любые действия или бездействия следователей или судей в уголовном процессе могут быть обжалованы в вышестоящий орган или в суд.

Объективность и беспристрастность, присущие судье, обязывают меня заключить, что права, о которых идет речь, в тот период были просто теоретическими. Суд определенно прав, отметив: ...Суд от-

мечает, что с даты, когда данная жалоба была признана Европейским судом приемлемой, ни одного решения не было принято по этому делу ни Верховным судом, ни другими судами, в условиях отсутствия каких-либо результатов уголовного расследования, по сути иска о возмещении ущерба, причиненного в связи с преступными действиями (см. параграф 119 решения). С некоторой горечью принимая эту действительность, я должен, тем не менее, в данном мнении представить и более оптимистичную информацию — да, на самом деле, национальное право обеспечивает средства защиты, и хотя их использовать не всегда легко, лицо должно пытаться это сделать.

Пример господина Хашиева и в меньшей степени госпожи Акаевой показывает, что определенные средства (особенно в гражданском процессе) более эффективны, чем другие. Так, решения от 7 апреля 2000 г. Малгобекского городского суда Ингушетии (который установил факт, что четыре родственника первого заявителя были убиты) и от 26 февраля 2003 г. суда Назрани, присудившего заявителю 675 000 рублей в качестве компенсации морального вреда, предоставляли заявителю только частичную компенсацию понесенных потерь. Это действительно так, и Суд подчеркивает в данном решении (параграф 121), что обязательства Высокого Договаривающегося Государства по Конвенции проводить расследование, приводящее к установлению и наказанию нарушителя, станет иллюзорным, если от заявителя требуется исчерпать только средства, ведущие лишь к присуждению компенсации (*Yaşa v. Turkey*, решение от 2 сентября 1998 г., Reports 1998 VI, p. 2431, § 74). Однако я не могу разделить мнение Суда, что решение суда Назрани являлось эффективным средством гражданской защиты, для целей исчерпания средств внутренней правовой защиты (параграф 121). Суд Назрани принял во внимание уголовное расследование, несмотря на тот факт, что оно было приостановлено, таким образом, продемонстрировав определенный правовой реализм. В своем решении по делу *Akdivar* Суд обратил внимание на распределение бремени доказывания при исчерпании средств внутренней правовой защиты: *Неизбежно, что на государстве, ссылающемся на неисчерпание средств правовой защиты, лежит обязанность доказать Суду, что средство было эффективным и доступным в теории и на практике в соответствующий период и обеспечивало определенную перспективу успеха. Однако с тех пор, как такое средство было Правительством названо, заявитель обязан доказать, что это средство было исчерпано или что по определенным причинам*

оно оказалось неэффективным в обстоятельствах дела (*Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 16 сентября 1996 г., Reports of Judgments and Decisions 1996-IV, p. 1211, § 68). Должны ли национальные суды, так же как и заявители, отказываться от завершения рассмотрения гражданских дел в связи с незавершением уголовного дела? Я очень сомневаюсь, что это правильный подход. Это еще раз доказывает тот факт, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ обязывает направлять дело на новое рассмотрение в суд, когда Конституционный суд РФ или Европейский суд по правам человека установил нарушение прав человека.

Что касается статьи 13 Конвенции, в свете оснований, по которым Суд признал, что имело место нарушение процедурного аспекта статей 2 и 3, но также по основаниям, указанным выше, я прихожу к выводу, что отдельного вопроса по данному положению не возникает.

ЧАСТИЧНО НЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗАГРЕБЕЛЬСКОГО

Сожалею, что не могу разделить мнение большинства других судей относительно факта нарушения статьи 13 Конвенции.

С моей точки зрения, в данном деле не было оснований для установления нарушения статьи 13 Конвенции по тому основанию, что отсутствовали средства национальной защиты для защиты от нарушений статей 2 и 3 Конвенции. Я уверен, что установление в данном деле нарушения процедурного аспекта этих статей покрывает все аспекты, касающиеся недостатков национальной системы.

У заявителей были эффективные средства для защиты права на компенсацию, и действительно, господин Хашиев получил положительный результат в реализации своего права на компенсацию от суда Назрани (см. выше § 39–42). Успешный исход гражданского дела, по моему мнению, является явной иллюстрацией эффективности данного средства, которое также было доступно другому заявителю.

Я считаю, что особого значения не имеет, что компенсация взыскана с государства, а не конкретного лица, ответственного за обсуждаемые нарушения. Неустановление конкретных лиц, чьи действия привели к нарушению прав заявителей, не имели значения для результата гражданского процесса, инициированного гражданином Хашиевым.

Я признаю, что эффективное уголовное расследование может являться необходимым для того, чтобы потерпевшие могли возбудить

против них иск в гражданском суде. Например, в деле *Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia* (жалобы № 57947/00, 57948/00 и 57949/00) и в деле *Zara Isayeva v. Russia* (жалоба № 57950/00) уголовное расследование было прекращено за отсутствием состава преступления, и я считаю такой результат сводящим к минимуму шансы успеха в случае подачи иска против лиц, ответственных за действия государства.

В данном деле, однако, неэффективность уголовного расследования не помешала достичь положительного результата в гражданском деле.

С моей точки зрения, прецедентная практика Суда, всегда основанная на фактах определенного дела, достаточно далека от однозначности в вопросе соотношения между процедурными обязательствами государства по статьям 2 и 3 и обязательством по статье 13 предоставлять эффективные средства правовой защиты при нарушении Конвенции (см. различные постановления, недавно принятые Судом, в делах *Öneryıldız v. Turkey* ([GC], no. 48939/99, решение от 30 ноября 2004 г.), и в *Makaratzis v. Greece* ([GC], no. 50385/99, решение от 20 декабря 2004 г.). Эта неоднозначность возникает, поскольку понимание Судом различных позитивных процессуальных обязательств государства по статьям 2 и 3 представляет проблему соотношения со сферой применения статьи 13.

Мы, прежде всего, должны принимать во внимание существующее прецедентное право, в соответствии с которым Суд не признает права потерпевшей стороны по статье 6 Конвенции на возбуждение уголовного дела и наказание виновного.

Однако процессуальные обязательства государства по статьям 2 и 3 поднимают вопрос о правах потерпевших, что приводит к их защите только благодаря контролю Суда за соответствием действий властей этим обязательствам. Поэтому, с моей точки зрения, когда Суд устанавливает нарушение процедурного аспекта статей 2 и 3, никаких оснований не остается для рассмотрения вопроса по статье 13 Конвенции. Как я указывал, должно делаться исключение в тех случаях, когда эффективное расследование подразумевает эффективное средство правовой защиты, которое может привести к необходимому восстановлению прав или компенсации.

Устанавливая нарушение статей 2 и 3 Конвенции, я заключаю, что отдельного вопроса по статье 13 Конвенции не возникает.

ЛАБЗОВ ПРОТИВ РОССИИ*

Жалоба № 62208/00

РешениеСтрасбург
16 июня 2005 г.

В деле *Лабзов против России* Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

C. L. Rozakis, *председателя,*

S. Botoucharova,

A. Kovler,

E. Steiner,

K. Hajiyev,

D. Spielmann,

S.E. Jebens, *судей,*

S. Nielsen, *секретаря Секции,*

в закрытом судебном заседании 26 мая 2005 г. вынес следующее решение, принятое этой датой.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 62208/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) гражданином России Владимиром Модестовичем Лабзовым (далее — заявитель), 8 июня 2000 г.

2. Интересы заявителя представлял господин Габриель Браун, юрист, практикующий в Страсбурге. Российское правительство (далее — Правительство) было представлено Павлом Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что условия его заключения были бесчеловечными и что государство препятствовало свободному общению с Судом.

* Перевод с английского Людмилы Чуркиной, юриста Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник».

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). Палата, рассматривавшая данное дело, была сформирована в порядке, предусмотренном пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Решением от 8 января 2004 г. Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. 1 ноября 2004 г. Суд сменил состав Секций (пункт 1 Правила 25). Это дело было передано во вновь созданную Первую секцию (пункт 2 Правила 25).

7. Заявитель и Правительство представили письменные меморандумы по существу дела (пункт 1 Правила 59). Посоветовавшись со сторонами, Палата решила, что проведения слушания по существу дела не требуется (пункт 3 Правил 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА****A. Содержание заявителя в следственном изоляторе**

8. Заявитель родился в 1956 г. и живет в г. Чебоксары. Он работал менеджером в частной строительной компании. В апреле 2000 г. ему предъявили обвинение в присвоении чужого имущества. Заявитель был обвинен в присвоении обманным путем трактора и автоцистерны, которые принадлежали компании.

9. 10 апреля 2000 г. следователь, ведущий дело заявителя, опросил заявителя и решил отправить его в следственный изолятор. Поскольку во время опроса заявитель пожаловался на сердце, следователю пришлось направить его в больницу изолятора.

10. Заявителю был поставлен диагноз «коронарное заболевание сердца», он провел следующие 36 дней в больнице. За это время его осматривал кардиолог 14 раз и один раз невропатолог. Врачи давали заявителю лекарства и брали у него анализы. Как только состояние здоровья заявителя стабилизировалось, его выписали из больницы.

11. 16 мая 2000 г. заявитель был направлен в следственный изолятор в Цивильск. Описание изолятора и условий в нем, представленное сторонами, отличается друг от друга.

12. Заявитель утверждает, что заключенные доставлялись в изолятор в бронированных фургонах. Даже если температура на улице достигала плюс 30 градусов, в каждом фургоне перевозилось по 30–40 заключенных. Воздух в фургоне был спертый. Охранники били заключенных дубинками и натравливали на них собак. Здание изолятора, построенное в 18 веке, никогда не ремонтировалось. Земляные полы не пропускали воздух. Камеры освещались лампами на 40 Вт, слишком тусклыми, чтобы можно было читать. Администрация изолятора конфисковала все лекарства и ничем не заменила их.

13. Правительство утверждает, что заявителя доставили в изолятор в фургоне, который мог перевозить 22 заключенных. Погода на улице была прохладная, 6 градусов, а в фургоне ехали только 14 заключенных. Охранники не использовали ни дубинки, ни собак. В 2002–2003 гг. здание изолятора было отремонтировано: заменена сантехника, перекрашены стены, установлена вентиляционная система. Во время пребывания заявителя в изоляторе все камеры были хорошо освещены лампами. Окна были достаточно большими, чтобы читать и работать при дневном освещении. Температура и влажность в камерах были в пределах установленных норм. Изолятор постоянно снабжали питьевой водой из собственной артезианской лаборатории. Качество воды постоянно проверялось сотрудниками бактериологической лаборатории. В каждой камере стояла цистерна с питьевой водой. Кроме того, ежедневно в 7 часов утра и 16 часов дня заключенные получали кипяченую питьевую воду. У заявителя всегда была отдельная кровать, матрас, одеяло, две простыни, подушка и наволочка. По крайней мере, раз в неделю он мог принять душ. После душа заявитель получал свежее постельное и нижнее белье. Врачи изолятора лечили его и давали ему необходимые медикаменты. Однако заявителю не разрешали иметь свои лекарства.

14. По прибытии в изолятор заявителя поместили в камеру 16, в которой он провел полдня.

15. По утверждению заявителя, камера была в плохом техническом состоянии. На полу были размазаны экскременты.

16. По утверждению Правительства, площадь камеры составляла 19,3 кв. м. Она вмещала 20 заключенных, хотя и была предназначена для 10 человек. В камере было окно с двумя рамами размером 115 × 95 см. В окне была форточка размером 115 × 20 см, чтобы проветривать камеру. В углу камеры были туалет и раковина. Унитаз находился на уровне 70 см от пола. Он отделялся от остальной части

камеры занавеской и кафельной стеной, не менее 1 м высотой. В туалете были краны для сточной воды и канализационная система. В раковине шла холодная вода.

17. Вечером 16 мая 2000 г. заявитель был переведен в камеру 49, в которой он провел следующие 29 дней. Стороны представили разные описания камеры.

18. Как утверждает заявитель, размер камеры составлял 15 кв. м. В среднем в ней находилось 35–40 заключенных, хотя кроватей было только 20. Заключенным приходилось спать по очереди. Спать было невозможно, потому что всегда горел свет, и заключенные слушали музыку и разговаривали и днем, и ночью. На окнах были металлические ставни, которые пропускали мало света вовнутрь. Не было ни постельного белья, ни посуды. Поскольку обеденный стол был маленький, заключенные ели по очереди. Еду вряд ли можно было назвать съедобной. В камере были тараканы, муравьи, крысы, мыши, вши. Горячая вода поступала только в количестве 20 л в день. Унитаз находился на уровне 1,2 м от пола, прямо напротив глазка охранников. Поскольку охранники в основном были женщинами, использование туалета было унижением. Камера была переполнена, и пять заключенных страдали от дизентерии. Поэтому туалет был постоянно занят. Раз в две недели заключенным разрешали одночасовую прогулку в маленьком дворе на крыше здания.

19. По утверждению Правительства, размер камеры составлял 21,2 кв. м. Во время пребывания заявителя в среднем в камере находилось 22 заключенных, хотя камера предназначалась для 10 заключенных. В камере было два окна с двойными рамами и форточками размером 25 × 25 см. Размер каждого окна 120 × 120 см. В углу стояли туалет и умывальник. Туалет находился на расстоянии 25 см от пола и был отделен от остальной части камеры перегородкой высотой 1 м. Туалет был снабжен сточной трубой и центральной канализационной системой. В камере не было заключенных, зараженных дизентерией. Заключенные, зараженные кишечными инфекциями, венерическими заболеваниями, острой формой туберкулеза, находились отдельно.

20. Поскольку состояние здоровья заявителя ухудшилось, 14 июня 2000 г. его переместили в помещение временного содержания, а 16 июня 2000 г. — обратно в больницу следственного изолятора И3-34/4. Он провел 36 дней в соматической палате. За этот период кардиолог осматривал его 13 раз и назначал лечение. Как только состояние заявителя стабилизировалось, его отпустили из больницы.

21. 22 июля 2000 г. заявителя направили обратно в изолятор, в камеру 18, где он провел следующие два дня.

22. По утверждению заявителя, в окнах камеры не было стекол. Окна были плотно закрыты металлическими ставнями. Через маленькие щели между трубок проходило немного света. Камера находилась в подвале. Не было вентиляции. Заключенным не предоставляли ни постельного белья, ни посуды. Туалет был на уровне 1,8 м от пола. Рядом с ним стоял обеденный стол. Поскольку в камере находилось 78 заключенных, туалет и стол были всегда заняты, часто в одно и то же время. Некурящие страдали от запаха дыма курящих. Когда кто-то падал в обморок, охранники вытаскивали его в коридор подышать свежим воздухом.

23. Правительство утверждало, что камера находилась на первом этаже. Ее размер составлял 23 кв. м. Во время пребывания заявителя в камере в среднем находилось 17 заключенных, хотя она была предназначена для 10. В камере было два окна с двойными рамами, размер каждой 70 × 70 см. В каждом окне было по две форточки для проветривания камеры. В углу стояли туалет и раковина. Туалет находился на уровне 45 см от пола. Он был отделен от остальной части камеры перегородкой высотой не менее 1 м. Унитаз был снабжен сточными трубами и центральной канализацией. В раковине текла холодная вода.

24. 24 июля 2000 г. заявителя перевели в помещение временного заключения для проведения допроса.

25. 28 июля 2000 г. его перевели обратно в изолятор в камеру 49, где он находился в течение 4 дней.

26. 31 июля 2000 г. органы расследования сняли с заявителя обвинения в связи с законом об амнистии.

27. 1 августа 2000 г. заявитель был освобожден.

В. Отъезд заявителя из России

28. В январе 2003 г. заявитель уехал из России в Страсбург. Стороны представили разные описания событий, предшествующих отъезду заявителя.

1. Заявитель

29. 20 декабря 2002 г. следователь МВД Чувашской Республики позвонил заявителю. Не называя себя, офицер пригласил заявителя явиться для допроса относительно расследования уголовного дела.

У заявителя не было никакой информации относительно расследования.

30. 21 декабря 2002 г. К., зам. руководителя отдела по экономическим преступлениям МВД Чувашской Республики, позвонил заявителю. Он допросил заявителя о его жалобе в Суд. К. намекнул, что заявителю лучше отказаться от жалобы, иначе правоохранительные органы найдут предлог для возбуждения нового уголовного дела и снова поместят его под стражу.

31. 23 декабря 2002 г. П., руководитель отдела по борьбе с экономическими преступлениями, позвонил заявителю и пригласил его для проведения опроса. Во время опроса П. показал жестами, что комната прослушивается и потребовал, чтобы он говорил тихо. Боясь говорить, П. записал ключевые фразы и показал заявителю. Такой меры предосторожности было недостаточно, поэтому П. и заявитель продолжили разговор в коридоре. П. сказал заявителю, что он возбудит в отношении заявителя новое уголовное дело, поместит его под стражу и оставит под стражей, пока он не умрет. П. потребовал, чтобы заявитель отказался от жалобы в Суде, потому что это причинило беспокойство влиятельным чиновникам Чувашской Республики.

32. 26 декабря 2002 г. автомобиль заявителя врезался в четыре грузовика. Заявитель утверждает, что авария была подстроена лицами, которые его преследовали, поскольку сотрудники автоинспекции проигнорировали аварию.

33. После аварии заявитель был убежден, что угрозы были серьезными. Он и его жена поехали в Москву, получили французские туристические визы и уехали в Страсбург, чтобы просить о политическом убежище.

34. Заявителю пришлось оставить свою дочь, студентку, поскольку у нее не было документов для поездки. После отъезда заявителя правоохранительные органы угрожали убить ее. Она могла уехать к родителям в Страсбург, но родители хотели, чтобы она закончила свою учебу. Как только дочь сдала экзамены после первого курса, она получила загранпаспорт и 13 июля 2003 г. уехала в Страсбург.

2. Доводы Правительства

35. В неустановленную дату Д., менеджер компании, в которой заявитель ранее работал, потребовал, чтобы правоохранительные органы заново расследовали дело заявителя. Он утверждал, что рас-

следование было проведено поверхностно и что заявитель не возместил ущерб, причиненный компании.

36. В декабре 2002 г. К. и П., сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступниками МВД Чувашской Республики, пригласили заявителя для опроса в связи с жалобой Д. Поскольку сотрудники не оформили устную жалобу Д. надлежащим образом, начальство сделало им предупреждение.

II. ПРИМЕНИМЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

37. Применимые извлечения из Общих докладов Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного или жестокого обращения или наказания (далее — КПП) устанавливаются:

Извлечение из второго Общего доклада [СРТ/Inf (92) 3]

46. Проблема переполненности камер имеет прямое отношение к компетенции Комитета. Если число заключенных больше, чем то, на которое рассчитана тюрьма, это неблагоприятно отразится на всех видах обслуживания и деятельности внутри данного учреждения; общий уровень жизни будет снижен и, возможно, значительно. Более того, уровень переполненности тюрьмы, или ее отдельной части, может оказаться бесчеловечным или унижающим с точки зрения физического существования человека.

47. Удовлетворительная программа деятельности (работа, образование, спорт и т. д.) имеет решающее значение для самочувствия лиц, лишенных свободы... Нельзя допускать, чтобы лица, лишенные свободы, просто изнывали неделями, а иногда месяцами, запертые в своих камерах, и это несмотря на созданные для них относительно хорошие материальные условия. Комитет полагает, что следует стремиться к тому, чтобы лица, содержащиеся под стражей в следственных тюрьмах, смогли бы проводить разумную часть дня (8 часов или больше) за пределами своих камер, посвящая свое время полезным видам деятельности различного характера...

48. Особо следует упомянуть пребывание на открытом воздухе. Требование о том, что лицам, лишенным свободы, разрешается каждый день по крайней мере один час заниматься физическими упражнениями на открытом воздухе, получило широкое признание как основная гарантия прав... Также, само собой разумеется, что сооружения для занятий на открытом воздухе должны быть достаточно просторными...

49. Легкий доступ к надлежащим туалетным средствам и поддержание удовлетворительных стандартов гигиены являются существенными компонентами гуманной среды...

50. Комитет хотел бы добавить, что его особенно беспокоит, когда ему приходится сталкиваться с переполненностью камер в сочетании с недостаточной деятельностью, предлагаемой для заключенных в соответствии с распорядком, и несоответствующим доступом к туалету и средствам гигиены в одном и том же учреждении. Совокупное воздействие таких условий может оказаться пагубным для лиц, содержащихся под стражей.

51. Для лиц, лишенных свободы, очень важно поддерживать достаточно хороший контакт с внешним миром. Прежде всего, лицу, находящемуся под стражей, необходимо предоставить возможность сохранять отношения со своими семьями и близкими друзьями. Руководящим принципом должно стать содействие контакту с внешним миром. Любые ограничения на такой контакт должны быть обоснованы исключительно измеримыми интересами безопасности или соображениями нехватки материальных ресурсов...

Извлечение из седьмого Общего доклада [СРТ/Inf (97) 10]

13. Как указывал ЕКПП в своем втором Общем докладе (см. СРТ/Inf (92) 3, § 46), переполненность тюрем является вопросом, имеющим прямое отношение к компетенции Комитета.

Когда тюрьма переполнена, заключенные содержатся в тесных и негигиеничных помещениях; пребывание в ней характеризуется постоянным отсутствием возможности уединиться (даже при отправлении таких насущных потребностей, как пользование туалетом); сокращением числа мероприятий, связанных с пребыванием вне камеры, что объясняется нехваткой персонала и необходимого оборудования; загруженностью работой медицинских служб; всевозрастающей напряженностью и проявлениями насилия в отношениях между заключенными, а также между заключенными и персоналом. Данный перечень далеко не полон. ЕКПП многократно был вынужден заявлять, что следствием пагубного воздействия переполненности тюрем являются бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания...

Извлечение из одиннадцатого Общего доклада [СРТ/Inf (2001) 16]

28. Явление переполненности тюрем продолжает негативно сказываться на исправительных системах по всей Европе и серьезно под-

рывает попытки исправить условия содержания. Отрицательное влияние переполненности тюрем уже освещалось в предыдущих Общих докладах...

29. В ряде стран, которые посетил ЕКПП, особенно в Центральной и Восточной Европе, здание для заключенных часто состоит из помещений большой вместимости, которые содержат все или большинство оборудования, используемых заключенными ежедневно, такие как спальные и жилые зоны, а также санитарные узлы. ЕКПП имеет возражения против самого принципа такой планировки зданий в закрытых тюрьмах, и эти возражения усиливаются, когда зачастую оказывается, что заключенные содержатся в данных помещениях в чрезвычайно стесненных и нездоровых условиях... Камеры большой вместимости неизбежно предполагают недостаток условий для уединения заключенных в их повседневной жизни... Все эти проблемы усиливаются, когда численность заключенных выходит за разумные пределы, более того, в подобной ситуации дополнительная нагрузка на коммунальные системы, такие как умывальники и туалеты, а также недостаточная вентиляция для такого количества людей также приводят к неприемлемым условиям содержания.

30. ЕКПП часто сталкивается с приспособлениями, такими как металлические ставни, перекладины или пластины, которые закреплены к окнам и препятствуют доступу заключенных к естественному свету и попаданию свежего воздуха в помещение. Это особенно характерно для учреждений содержания под стражей до суда. ЕКПП полностью признает, что особые меры безопасности, разработанные для предотвращения риска тайного сговора и/или преступной деятельности, вполне могут оказаться необходимыми по отношению к отдельным заключенным... Даже если подобные меры необходимы, они не должны лишать заключенных естественного света и свежего воздуха. Последние являются базовыми элементами жизни, которыми каждый заключенный имеет право пользоваться...

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями заключения в следственном изоляторе ИЗ-21/2 в Цивильске. Статья 3 гласит:

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

A. Аргументы сторон

1. Правительство

39. Правительство отклонило эту часть жалобы. Ссылаясь на свое описание изолятора, Правительство настаивало, что условия в нем были удовлетворительными. Условия соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям, предусмотренным национальным законом о пенитенциарной системе, и далеки от «бесчеловечного обращения», установленного практикой Конвенции. Заявитель преувеличил свои страдания. Во время его пребывания в заключении камеры были действительно переполнены, но не так сильно, как утверждал заявитель. В любом случае у власти не было намерения причинять заявителю страдания.

2. Заявитель

40. Заявитель оспаривал аргументы Правительства по фактам дела как недостоверные. Он заявил, что Правительство умышленно сфальсифицировало отчеты относительно условий в изоляторе. Отчеты были недействительными, поскольку в записях не указаны ни даты, ни номера документов. Только описания заявителя относительно условий заключения были достоверными. Не было никакого уголовного дела, по которому его нужно было допрашивать, в любом случае он должен был быть освобожден от уголовной ответственности в соответствии с законом об амнистии. Соответственно, органы власти заключили его в изолятор только с целью причинить ему страдания.

B. Оценка Суда

41. Как Суд уже устанавливал по многим делам, статья 3 Конвенции закрепила одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытку либо

бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание вне зависимости от обстоятельств и образа действий жертвы (см. *Labita v. Italy* [GC], постановление от 6 апреля 2000 г., по. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Жестокое обращение, чтобы оно могло квалифицироваться по статье 3 Конвенции, должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность жестокого обращения, его физические и психологические последствия, и в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см. *Valašinas v. Lithuania*, постановление от 24 июля 2001 г., по. 44558/98, § 100–101, ECHR 2001-VIII).

42. Суд постоянно отмечал, что степень страдания и унижения как составляющих «унижающее достоинство» обращения, запрещенного статьей 3, должна в любом случае быть выше степени страдания или унижения как неизбежного элемента той или иной конкретной формы правомерного обращения или законного наказания. В соответствии с этой статьей государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось бы под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству. При этом формы и методы реализации этой меры пресечения не должны причинять ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а его здоровье и благополучие — с учетом практических требований режима лишения свободы — должны быть адекватно гарантированы (см. *Valašinas v. Lithuania*, постановление от 24 июля 2001 г., § 102). При оценке условий содержания под стражей принимались во внимание совокупный эффект этих условий, а также конкретные утверждения заявителя (см. *Dougoz v. Greece*, по. 40907/98, § 46, ECHR 2001-II).

43. Суд отмечает, что в настоящем деле стороны оспаривали действительные условия заключения заявителя в следственном изоляторе ИЗ-21/2 в Цивильске. Однако в настоящем деле Суд не видит необходимости устанавливать правдивость каждого заявленного факта сторонами, поскольку он может признать нарушение статьи 3 на основе тех фактов, которые были представлены или которые не оспариваются государством-ответчиком, по следующим причинам.

44. Основной факт, с которым стороны в принципе согласились, — жалоба заявителя на то, что камеры были переполнены. Исходя из вышеуказанных фактов, следует, что в течение 35 дней, когда заявитель находился в изоляторе, пространство, приходящееся на одного

человека, составляло менее 1 кв. м, и он делил спальное место с другими сокамерниками. За исключением одного часа на дневную прогулку, заявитель находился в камере в течение 23 часов в день. При таких обстоятельствах чрезмерная нехватка пространства имеет большое значение как аспект, который необходимо учитывать, чтобы установить, являются ли оспариваемые условия заключения «бесчеловечными» с точки зрения статьи 3.

45. В связи с этим Суд напоминает, что в деле *Peers v. Greece* даже камера, намного превышающая по размерам норму (7 кв. м на двух сокамерников), была признана как противоречащая статье 3, хотя в том деле фактор ограниченного пространства был совмещен с ограничением вентиляции и освещения (см. *Peers v. Greece*, по. 28524/95, § 70–72, ECHR 2001-III). Ситуацию заявителя можно сравнить с ситуацией в деле Калашникова, в котором заявитель находился в условиях ограниченного пространства размером менее 2 кв. м. В том деле Суд признал, что сам факт перенаселения поднимает вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции (см. *Kalashnikov v. Russia*, по. 47095/99, § 96–97, ECHR 2002-VI). В отличие от этих дел, по некоторым другим делам нарушение статьи 3 не было признано, поскольку ограниченное пространство в помещениях для сна компенсировалось свободой передвижения, которой заключенные пользовались в дневное время (см. *Valašinas v. Lithuania*, постановление от 24 июля 2001 г., § 103, 107; *Nurmagomedov v. Russia*, по. 30138/02, постановление от 16 сентября 2004 г.).

46. Следовательно, как и в тех делах, Суд считает, что чрезмерное ограничение пространства является основным вопросом для анализа соответствия условий заключения заявителя статье 3. Самого факта того, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться туалетом в одном и том же помещении камеры со многими другими сокамерниками, достаточно, чтобы унижить или оскорбить заявителя, вызвать чувство страха, тревоги и неполноценности, приводящие к его унижению и запугиванию (см. *Peers v. Greece* и *Kalashnikov v. Russia*; см. также The CPT's 11th General Report [CPT/Inf (2001) 16], § 29).

47. Более того, хотя в данном деле невозможно установить «вне разумных сомнений», что вентиляция, отопление, освещение или санитарные условия в изоляторе были неприемлемыми с точки зрения статьи 2, тем не менее Суд напоминает, что состояние здоровья заявителя предполагало обязательное обширное лечение. Этот аспект,

хотя сам по себе и не может оправдать понятие «бесчеловечное» обращение, применим в дополнение к основному фактору большой переполненности, чтобы показать, что условия заключения заявителя превышают минимальный уровень, предусмотренный статьей 3 Конвенции.

48. И, наконец, учитывая доводы Правительства, что органы власти не преследовали цель причинить заявителю страдания, Суд напоминает, что хотя вопрос о том, преследовалась ли цель унижить или оскорбить жертву, нужно учитывать, что отсутствие такой цели не может исключить признание нарушения статьи 3 (см. выше *Peers v. Greece*, *Kalashnikov v. Russia*, § 101).

49. Соответственно, Суд признал нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель также жаловался, что сотрудники правоохранительных органов заставляли его отказаться от жалобы в Суде. Суд проверил жалобу в этой части в соответствии со статьей 34, которая устанавливает:

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

A. Аргументы сторон

1. Правительство

51. Правительство не согласилось с жалобой. Оно утверждало, что П. и К. допрашивали заявителя только по расследованию уголовного дела, возбужденного по требованию Д. Содержание допроса не имело ничего общего с жалобой в Суд.

2. Заявитель

52. Заявитель настаивал, что допрос проводился с целью запугать его. Он сомневался, что Д. вообще обращался в милицию, поскольку у него нет обоснованных претензий к заявителю. Заявитель уехал из России только потому, что боялся за свою жизнь.

В. Оценка Суда

53. Механизм подачи индивидуальных жалоб по статье 34 Конвенции будет эффективно функционировать, только если заявители или потенциальные заявители смогут свободно общаться с Судом, без какого-либо давления со стороны государственных властей с целью заставить их отозвать или изменить свои жалобы (см. *Akdivar and Others v. Turkey*, решение от 16 сентября 1996 г., по. 21893/93, § 105, ECHR 1996-IV).

54. Стороны согласились, что беседа сотрудников правоохранительных органов с заявителем состоялась. Однако нет доказательств, кроме утверждений самого заявителя, что беседа проводилась с целью заставить заявителя забрать жалобу из Суда.

55. Суд не признал, что заявителю препятствовали в эффективном осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции. Соответственно, не было нарушения этой статьи.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56. Статья 41 Конвенции устанавливает:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

A. Моральный вред

57. Заявитель потребовал возмещения морального ущерба в размере 100 000 евро за плохие условия его заключения и необходимость уехать из России. Он также жаловался, что заключение ухудшило его заболевание и спровоцировало сердечный приступ. В связи с этим он требовал еще 10 000 000 евро.

58. Правительство отклонило требования, поскольку, по его мнению, права заявителя в соответствии со статьями 3 и 34 Конвенции не были нарушены. Правительство считало, что эти требования были чрезмерными. Правительство аргументировало, что у заявителя никогда не было сердечного приступа в период заключения. Он страдал от коронарной болезни сердца, приобретенной в 1998 г., задолго до заключения.

59. У Суда нет доказательств, что у заявителя действительно был сердечный приступ. Тем не менее Суд согласен, что условия его содержания под стражей причинили ему страдания, что не может быть компенсировано лишь признанием нарушения. Решая вопрос по справедливости и учитывая, в частности, достаточно короткий срок содержания под стражей, Суд присуждает заявителю 2 000 евро в счет морального вреда вместе с суммой налога на добавленную стоимость.

В. Судебные издержки и расходы

60. Заявитель потребовал выплаты 791 650 евро за пять недостроенных домов, которые ему пришлось оставить в России. Он заявлял, что боялся за свою жизнь и не смог вернуться в Россию. Заявитель просил Суд выплатить стоимость домов в качестве расходов.

61. Правительство аргументировало, что дома принадлежали не заявителю, а его бывшим партнерам по бизнесу.

62. У Суда в действительности не было доказательств о принадлежности дома заявителю. Даже если это так, ничто не подтверждает, что его лишили домов. Соответственно, Суд ничего не присуждает по данному пункту.

С. Выплата процентов

63. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, установленная законом процентная ставка в день принятия настоящего решения составляла 3 % в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что нарушение статьи 3 Конвенции имело место.
2. Постановил, что не было нарушения статьи 34 Конвенции.
3. Постановил:

а) что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 2 000 (две тысячи) евро в порядке возмещения морального вреда, конвертированных в национальную валюту государства-ответчика по курсу валюты на день оплаты вместе с суммой налога на добавленную стоимость;

б) что простой процент в размере 3 % годовых должен быть выплачен начиная со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты.

4. Отклонил оставшуюся часть жалобы заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 16 июня 2005 г.

Soren Nielsen
Секретарь

Christos Rozakis
Президент

ТРУБНИКОВ ПРОТИВ РОССИИ*

Жалоба № 49790/99

Решение

Страсбург
5 июля 2005 г.

Европейский суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой в составе:

J.-P. Costa, *председателя*,
I. Cabral Barreto,
R. Türmen,
V. Butkevych,
M. Ugrekhelidze,
A. Kovler,
D. Jočiene, *судей*,
S. Dollé, *секретаря Секции*,

совещаясь в закрытом судебном заседании 14 июня 2005 г., выносит следующее решение, которое принято последней указанной датой.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 49790/99) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34

* Перевод с английского Людмилы Чуркиной, юриста Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник»

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Владимиром Григорьевичем Трубниковым, гражданином России. Заявитель, которому была предоставлена правовая помощь, был представлен Кариной Акоповной Москаленко, юристом, практикующим в Москве.

2. Российское Правительство было представлено Павлом Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель указывал, что национальные власти ответственны за смерть его сына, Виктора Трубникова, в колонии. Он также заявлял, что власти не расследовали обстоятельства смерти его сына. Он ссылался на статью 2 Конвенции.

4. Жалобы были переданы во вторую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В этой секции Палата для рассмотрения дела (статья 27 § 1 Конвенции) была образована в соответствии с Правилom 26 § 1. Дело было передано во вновь сформированную Вторую секцию (Правило 52 § 1 Регламента Суда).

5. Решением от 14 октября 2003 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои меморандумы по существу дела (Правило 59 § 1). Посоветовавшись со сторонами, Палата решила, что проведения слушания по существу дела не требуется (пункт 3 Правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1940 г. и проживает в поселке Хохольский Воронежской области. Его сын, Виктор Трубников, 13 сентября 1998 г. был найден мертвым в штрафном изоляторе, где отбывал наказание. Он умер от асфиксии при повешении. На момент наступления смерти Виктору Трубникову было 26 лет, через 21 день его должны были освободить.

8. Обстоятельства дела, представленные сторонами, следующие.

9. 8 июля 1993 г. Виктор Трубников был помещен в следственный изолятор в связи с обвинением в совершении преступлений.

10. 30 августа 1993 г. Виктор Трубников был приговорен к семи годам тюремного заключения за убийство. Он отбывал наказание в

исправительно-трудовой колонии ОЗХ-118/8 в Россоши, Воронежская область. Его должны были освободить в октябре 1998 г.

11. Как указано в документах, представленных Правительством, в течение 1994–1995 гг. Виктор Трубников был трижды задержан как лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения, и помещен в штрафной изолятор. Во время второго помещения его в штрафной изолятор Виктор Трубников нанес себе телесные повреждения, во время третьего помещения в изолятор он попытался покончить жизнь самоубийством (см. раздел В. Медицинские документы).

12. В связи с попыткой покончить жизнь самоубийством ему было назначено наблюдение психиатра.

13. 13 сентября 1998 г. тюремная футбольная команда, участником которой был сын заявителя, приняла участие в матче за пределами колонии. После игры он возвратился в колонию.

14. По возвращении с игры Виктор Трубников был задержан по подозрению в алкогольном опьянении. В 7.15 вечера он был помещен в штрафной изолятор, в одиночную камеру, где должен был находиться до следующего утра. В 8.20 вечера Виктор Трубников был найден мертвым, повешенным на рукаве своей рубашки. Другой рукав был привязан к водосточной трубе.

15. В тот вечер начальник колонии провел расследование. Он проверил шесть документов: 1) приказ о помещении Виктора Трубникова в штрафной изолятор; 2) отчет о совершенном правонарушении; 3) отчет о факте смерти Виктора Трубникова; 4) отчет о месте происшествия; 5) план места происшествия и 6) вскрытие трупа. На основании материалов дела начальник колонии вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти сына заявителя в связи с отсутствием признаков преступления. В постановлении он указал, что Виктор Трубников повесился на рукаве своей рубашки. Было также указано, что у него наблюдались суицидальные тенденции, в частности, он пытался покончить жизнь самоубийством в июне 1995 г.

16. 15 сентября 1998 г. было проведено вскрытие тела. В октябре 1998 г. был подготовлен отчет о вскрытии, в соответствии с которым на носу, кисти, предплечье и локте были обнаружены царапины и синяки. Эксперт пришел к выводу, что причиной смерти явилось давление на шею в момент повешения.

17. В устной форме заявителю было сообщено, что его сын совершил самоубийство. Он потребовал от администрации провести уго-

ловное расследование. Администрация не сообщила ему, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела уже вынесено.

18. В марте 1999 г. заявитель обратился в прокуратуру Воронежской области с просьбой сообщить ему об обстоятельствах смерти его сына. Запрос был направлен в городскую прокуратуру по надзору за исполнительными учреждениями г. Воронежа.

19. 8 апреля 1999 г. городская прокуратура сообщила заявителю, что начальником колонии было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Заявителю сообщили, что его сын отличался хорошим поведением, несколько раз был поощрен, между ним и другими осужденными или администрацией колонии не было замечено конфликтов. Заявителю также сообщили, что при данных обстоятельствах постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было законным и обоснованным.

20. 16 апреля 1999 г. прокуратура Воронежской области сообщила заявителю об отказе в возбуждении уголовного дела и пригласила его 30 апреля 1999 г. ознакомиться с материалами дела по факту смерти его сына.

21. 30 апреля 1999 г. заявитель приехал в прокуратуру, но прокурор отсутствовал, и у заявителя не было возможности ознакомиться с материалами дела.

22. 26 июня 1999 г. заявитель получил копию постановления начальника колонии от 13 сентября 1998 г.

23. 18 сентября 2000 г. заявитель обратился в Россошанский районный суд Воронежской области с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту смерти его сына. Однако 2 октября 2000 г. суд признал себя некомпетентным по данному вопросу. Он заявил, что возбуждение уголовного расследования находится в компетенции прокуратуры.

24. После направления Судом жалобы Правительству государства-ответчика 5 февраля 2002 г. прокуратура Воронежской области отменила постановление от 13 сентября 1998 г. и возбудила уголовное расследование по факту смерти Виктора Трубникова.

25. 23 марта 2001 г. заявитель обратился в тот же суд с заявлением о признании незаконным постановления начальника колонии об отказе в возбуждении уголовного дела.

26. 20 марта 2002 г. Россошанский районный суд Воронежской области признал незаконным решение от 13 сентября 1998 г. об отказе в возбуждении уголовного дела. В то же время суд прекратил

рассмотрение жалобы, так как 5 февраля 2002 г. прокуратура Воронежской области отменила оспариваемое постановление и начала уголовное расследование.

27. В июне 2002 г. было проведено две экспертизы. Во-первых, было назначено повторное вскрытие тела. Во-вторых, другая группа экспертов провела посмертную экспертизу о психиатрическом и психологическом состоянии Виктора Трубникова.

28. Результаты вскрытия в основном были те же самые, как и при первом вскрытии, а именно, что смерть наступила от механической асфиксии (удушья), эксперты установили средний уровень алкогольной интоксикации в момент смерти.

29. 27 июня 2002 г. был представлен отчет о психическом состоянии. Эксперты пришли к выводу, что в момент смерти Виктор Трубников не был предрасположен к совершению самоубийства по причине длительного или краткосрочного психического расстройства. Однако эксперты сделали заключение, что он находился под влиянием алкогольного опьянения и что это могло привести к решению о совершении самоубийства.

30. Во время расследования были опрошены свидетели, которые дали следующие показания:

1) шесть офицеров, которые находились на дежурстве во время возвращения Виктора Трубникова в колонию после футбольного матча, свидетельствовали, что он был пьян и вел себя агрессивно. Поэтому его пришлось поместить в штрафной изолятор. Они все заявили, что сила к нему не применялась;

2) двое осужденных, присутствующих на футбольном матче, свидетельствовали, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения и что именно по этой причине его остановили охранники при входе в колонию. Они заявили, что угроз не было, сила не была применена;

3) трое других осужденных, которые хорошо знали Виктора Трубникова, свидетельствовали, что у него были хорошие отношения с другими осужденными и охранниками и что между ним и администрацией колонии не было конфликта;

4) шесть офицеров, дежуривших в штрафном изоляторе, когда Виктор Трубников умер, свидетельствовали, что его поместили в изолятор в 7.30 вечера, а приблизительно в 8.15 вечера его нашли мертвым. Они заявили, что пытались оказать ему первую помощь, но было уже поздно;

5) осужденные Л. и М. свидетельствовали, что они находились в камерах по соседству с камерой, где помещался Виктор Трубников. М. заявил, что сначала они общались через стену, но потом Виктор Трубников затих. Никто из них не слышал никаких шумов или криков;

6) два офицера заявили, что они были свидетелями предыдущей попытки Виктора Трубникова совершить самоубийство в 1995 г. и оказывали ему первую помощь. Они считают, что та попытка не была настоящим самоубийством, а скорее способом привлечь к себе внимание и продемонстрировать свою независимость;

7) госпожа К., психиатр, наблюдавшая Виктора Трубникова, свидетельствовала, что его первая попытка самоубийства была демонстративной и не отражала искреннего желания умереть. Она также считает, основываясь на своих наблюдениях, что, скорее всего, он собирался совершить еще одну попытку, также демонстративную, без смертельного исхода, и что вероятность такого поведения возросла в связи с тем, что он находился в состоянии алкогольного опьянения.

31. 10 октября 2002 г. городская прокуратура по надзору за исполнением учреждений г. Воронежа приняла постановление о прекращении уголовного расследования, установив, что Виктор Трубников совершил самоубийство.

32. 3 марта 2003 г. заявитель получил копию постановления о прекращении уголовного дела от 10 октября 2002 г.

В. Медицинские документы

33. Правительство представило медицинские документы относительно состояния Виктора Трубникова в период его заключения. Копии документов содержат следующие записи, применимые к делу.

34. 13 июля 1993 г. после ареста Виктор Трубников был обследован психиатром и признан здоровым.

35. 10 сентября 1994 г. тест на наличие алкоголя показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Его поместили в штрафной изолятор.

36. 21 марта 1995 г. тест на наличие алкоголя показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Его поместили в штрафной изолятор, где он нанес себе повреждения, как указано в отчете:

Протестуя против помещения в штрафной изолятор, [Виктор Трубников] нанес три горизонтальных пореза на своем животе: размеры

10 × 2 см, 8 × 2 см и 6 × 1 см, глубина каждого пореза составляет 1,5 см. Небольшое кровотечение...

37. С 21 по 27 марта 1995 г. Виктор Трубников находился в медицинском блоке и проходил лечение в связи с ранениями.

38. 22 июня 1995 г. тест на наличие алкоголя показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Его поместили в штрафной изолятор, где он попытался повеситься, как указано в отчете:

Срочный вызов в связи с попыткой совершить самоубийство. Трубников находился в камере 22, пытался повеситься, используя веревку, прикрепленную к водосточной трубе... Требуется консультация психиатра.

39. После этого инцидента Виктор Трубников наблюдался психиатром, госпожой К., которая сделала следующие записи в документах.

23 июня 1995 г.: *Жалобы на депрессию, отсутствие желания жить, слабость, бессонница, раздражительность. Психологически [стабильный]. Идет на контакт. Ориентируется в пространстве и времени, адекватно реагирует на себя как личность. В целом находится в подавленном состоянии. Размышляет последовательно. Память и разум без нарушений. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: краткосрочная депрессивная реакция. Попытка самоубийства. [Предписаны: 1) лекарства; 2) психотерапия].*

24 (29) июня 1995 г.: *Осознает. Идет на контакт. Подавлен. Размышляет последовательно. Демонстративное поведение. Объясняя попытку самоубийства, говорит, «что сыт по горло такой жизнью». Отношение к попытке самоубийства не самокритичное. Память и разум без нарушений. Патологическое психиатрическое состояние не наблюдается. Диагноз: краткосрочная депрессивная реакция. Попытка самоубийства. Фиксация поведения. Продолжить лечение.*

30 июня 1995 г.: *Нет жалоб. Уравновешен, позитивное настроение. Занимается спортом. Размышляет последовательно. Память и разум без нарушений. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Самокритичное отношение к попытке самоубийства. Предписана рациональная психотерапия. Следующий визит назначен на 25 декабря 1995 г.*

25 декабря 1995 г.: *Нет жалоб. Уравновешен. Демонстративное поведение. Размышляет последовательно. Память и разум без нару-*

шений. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: фиксация поведения. Предписана рациональная психотерапия. Следующий визит назначен на 25 июня 1996 г.

25 июня 1996 г.: Жалобы на депрессию, слабость, бессонницу, неспособность работать. Размышляет последовательно. Память и разум без нарушений. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: гипостеническая форма неврастении.

25 декабря 1996 г.: Нет жалоб. Уравновешен. Размышляет последовательно. Самокритичное отношение к попытке самоубийства, совершенной в прошлом. Память и разум без нарушений. Демонстративное поведение. Диагноз: гипостеническая форма неврастении. Следующий визит назначен на 25 июня 1997 г.

25 июня 1997 г.: Настроение переменчивое. Размышляет последовательно. Самокритичное отношение к попытке самоубийства, совершенной в прошлом. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: гипостеническая форма неврастении. Следующий визит назначен на 25 декабря 1997 г.

25 декабря 1997 г.: Жалобы на депрессию, слабость, бессонницу, раздражительность. Четких психиатрических симптомов не выявлено. Подавлен. Следующий визит назначен на 25 июня 1997 г.

Следующая запись датирована 25 июня 1997 г., хотя она следует сразу же за вышеуказанной записью от 25 декабря 1997 г.: Состояние улучшилось. Настроение стабилизировалось. Размышляет последовательно. Память и разум без нарушений. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: тот же самый. Следующий визит назначен на 25 декабря 1998 г.

Следующая запись датирована 17 февраля 1997 г., хотя она следует сразу же за вышеуказанной записью от 25 июня 1997 г.: Нет жалоб. Уравновешен, подавлен. Четкие психиатрические симптомы не выявлены. Диагноз: подавленная реакция. Попытка самоубийства в прошлом. Во время обследования нет жалоб. [Фиксация]. Следующий визит назначен на 17 августа 1998 г. Рациональная психотерапия.

40. 8 августа 1998 г. психологический тест выявил, среди прочего, потенциальное психиатрическое состояние, тенденцию к импульсивным реакциям и, возможно, к конфликтам с другими.

41. Последняя запись о состоянии Виктора Трубникова при жизни была сделана 17 августа 1998 г.: Жалобы на депрессию, слабость,

бессонницу, раздражительность. Идет на контакт. Ориентация правильная. Подавлен. Размышляет последовательно. Во время обследования четкие психиатрические симптомы не выявлены. Нет суицидальных мыслей. Диагноз: краткосрочный депрессивный синдром. Следующий визит назначен на [нечетко].

42. 20 февраля 2002 г. выдана справка о том, что Виктор Трубников находился под постоянным наблюдением психиатра, с указанием диагноза: «страдающий неврастенией и психопатическим состоянием с депрессивными реакциями».

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Надзор за осужденными с суицидальными тенденциями

43. Статья 20 Конституции Российской Федерации защищает право на жизнь.

44. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. предусматривают, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют право на получение медицинской помощи за счет средств соответствующих бюджетов (статья 29).

45. Закон РФ от 21 июля 1993 г. об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, устанавливает, что учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, обязаны создавать условия для обеспечения безопасности осужденных и обеспечивать охрану здоровья осужденных (статья 13).

46. В соответствии со статьей 18 Уголовно-исполнительного кодекса от 1997 г. осужденный, страдающий психическим расстройством, не исключающим вменяемости, может пройти лечение в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Необходимо решение суда на такое лечение.

После внесения изменений и дополнений то же самое положение уточняет, что к числу таких осужденных относятся лица, которые могут представлять опасность для себя или других лиц. Действующие на настоящий момент положения требуют, чтобы администрация учреждения, исполняющего указанные виды наказаний, направила в суд представление о применении к такому осужденному принудительных мер медицинского характера.

В. Процедура возбуждения уголовного дела

47. Уголовно-процессуальный кодекс, действующий на тот момент, предусматривал, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Решение о возбуждении уголовного дела должно было быть принято в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения (статьи 3, 108–109).

48. Уголовное дело не могло быть возбуждено за отсутствием в деянии состава преступления (статья 5). В случае отказа органов расследования в возбуждении уголовного дела или прекращения дела, должно быть составлено мотивированное постановление, в котором излагается сущность дела и основания отказа или прекращения. Такие постановления могут быть обжалованы вышестоящему прокурору или в суд (статьи 113 и 209).

49. Лица, признанные потерпевшими от преступления, вправе давать показания по делу и представлять доказательства; знакомиться со всеми материалами дела с момента окончания предварительного следствия; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления народного суда. По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права, предусмотренные настоящей статьей, имеют его близкие родственники (статья 53).

ПРАВО

I. ОЦЕНКА СУДА

А. Оценка медицинских документов

50. Суду необходимо определить, указывают ли представленные факты на неспособность государства-ответчика защитить право заявителя на жизнь и несоответствие процедурным обязательствам государства, предусмотренным статьей 2 Конвенции, провести эффективное и соответствующее требованиям расследование инцидента. Чтобы получить отчет о состоянии здоровья Виктора Трубникова

до его смерти и проанализировать адекватность медицинского наблюдения, Суд потребовал от Правительства представить медицинские документы.

51. Правительство представило фотокопию тех документов, которые, по его утверждению, являются отчетами психиатра, составленными при жизни Виктора Трубникова. Не уточнилось, являются ли эти документы копией самих документов или это только выписки из них. В связи с плохим качеством копий, искаженной хронологией документов, в частности тех, которые касались периода 1997–1998 гг., и отсутствием нумерации страниц, невозможно проследить последовательность документов или определить, являются ли они выписками, кто и когда их выдал.

52. Поэтому Суд потребовал от Правительства представить оригиналы медицинских документов. Правительство отказало на том основании, что небезопасно вывозить документы из архива колонии, где они хранились. Суд обратился с повторным требованием, заверив, что оригиналы будут возвращены российским властям после рассмотрения дела. Однако Правительство все-таки отказалось представить оригиналы.

53. В связи с вышеуказанным, Суд решил рассматривать дело по существу на основании существующих документов, хотя и имеющиеся медицинские документы оставляют некоторые факты неясными.

В. Оценка Суда жалобы на соответствие пункта «а» части 1 статьи 38

54. Пункт «а» части 1 статьи 38 Конвенции предусматривает:

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия...

55. Суд напоминает в этом отношении, что одним из наиболее важных для эффективного действия системы индивидуальных жалоб по статье 34 Конвенции является то, что государства должны предоставить все необходимые средства для надлежащего и эффективного рассмотрения заявлений (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Неизбежно в делах подобной категории, в которых заявитель обвиняет власти в нарушении его прав по Конвенции, что в определенных случаях, когда только представители государства

имеют доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти заявления. То, что государство не предоставило такой информации, которой располагает только оно, может привести к вопросу принятия факта обоснованности обвинений, выдвинутых заявителем. Это может также отражать невыполнение государством своих обязательств по пункту «а» части 1 статьи 38 части Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, § 66, 70). То же самое относится к затягиванию со стороны государства предоставить информацию, необходимую для установления фактов по делу (см. *Orhan v. Turkey*, постановление от 18 июня 2002 г., § 266).

56. В свете вышеуказанных принципов и учитывая обязательства Правительства в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 38 Конвенции, Суд проанализировал поведение Правительства в настоящем деле, особенно с учетом непредоставления оригиналов медицинских документов относительно психиатрического наблюдения Виктора Трубникова до его смерти.

57. Суд пришел к выводу, что Правительство не дало убедительного объяснения относительно отказа предоставить документы. Учитывая трудности по установлению фактов по данному делу и в свете важности сотрудничества при конвенционной процедуре, Суд признает, что Правительство не создало все необходимые условия для Суда при определении фактов для целей, предусмотренных пунктом «а» части 1 статьи 38 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

58. Первое предложение статьи 2 Конвенции предусматривает:

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом...

59. Заявитель жаловался, что власти не защитили жизнь его сына и несут ответственность за его смерть. Он также жаловался, что расследование смерти его сына было проведено неэффективно и не соответствовало требованиям, предусмотренным процедурными обязательствами по статье 2 Конвенции.

A. Позитивное обязательство государства защищать право на жизнь

1. Доводы сторон

Заявитель

60. Заявитель утверждал, что было допущено нарушение позитив-

ного обязательства защищать право его сына на жизнь. Во-первых, он утверждал, что властям было известно о суицидальных тенденциях сына, с 1992 г., когда он совершил первую попытку, и его последующем наблюдении психиатром колонии.

61. Далее заявитель утверждал, что даже если власти отказываются признавать наличие у них такой информации, по крайней мере, на основании имеющейся у них информации им следовало знать о реальном и неизбежном риске, что сын заявителя может совершить попытку покончить жизнь самоубийством.

62. Заявитель также отметил, что выводы следователя о состоянии Виктора Трубникова были неясными и необоснованными. Он ссылаясь на медицинские документы, утверждая, что невозможно точно определить, был ли Виктор Трубников психически уравновешен. Он также оспаривал заключение посмертного психиатрического/психического осмотра, как несоответствующее оценке, данной психиатром колонии в течение всего периода наблюдения. Он считал, что в заключении есть противоречие, которое указывает на то, что Виктор Трубников был эмоциональным, демонстративным и безответственным, но уравновешенным в то же самое время, хотя посмертный отчет недвусмысленно установил, что он не страдал психическими расстройствами и в общем его состояние было удовлетворительным. Заявитель оспаривал, что поскольку ясный вывод относительно состояния Виктора Трубникова на основе медицинских документов не мог быть сделан, следовало было сделать вывод о том, что его поведение менялось время от времени. При таких обстоятельствах, если реальный и непосредственный риск не всегда имел место, государство было обязано тщательно контролировать его состояние в случае ухудшения. В любом случае у заявителя возникли сомнения относительно утверждения, что состояние Виктора Трубникова было нормальным и стабильным, поскольку власти не дали никакого объяснения о его самоубийстве, тем самым усилив сомнения относительно того, было ли это действительно самоубийство. Сам заявитель не может исключить возможность, что его сын фактически был убит другим осужденным или надзирателем.

63. В целом заявитель считает, что власти не предприняли меры для предотвращения смерти Виктора Трубникова в результате причинения вреда самому себе или действий другого лица, что налагает на государство ответственность в соответствии со статьей 2 Конвенции.

Правительство

64. Правительство утверждало, что администрация колонии не могла предвидеть совершение самоубийства Виктором Трубниковым.

65. Правительство признало, что Виктору Трубникову был поставлен диагноз неврастения и что он был психопатической личностью с депрессивными реакциями, а также имела место ситуация, когда он нанес сам себе повреждение, будучи помещен в штрафной изолятор. Правительство также считало, что помещение его в изолятор было совершенно безопасной мерой, поскольку у него никогда не было истинного намерения убить себя и его предыдущая попытка самоубийства была просто «демонстрацией». В результате расследования, проведенного в 2002 г., было сделано заключение, что, вероятно, Виктор Трубников снова попытался совершить самоубийство, но что это было не более чем «демонстративное» действие, не направленное на причинение смерти. Было признано, что суицидальное поведение Виктора Трубникова было всего лишь попыткой манипулировать администрацией колонии, чтобы его не помещали в изолятор. Правительство сослалось на посмертный психиатрический отчет от 2002 г., в котором указано, что вероятность такого поведения возросла под воздействием алкоголя.

66. Правительство заявляло, что дежурный офицер действовал правомерно и адекватно при таких обстоятельствах, поскольку он не знал о какой-либо реальной или непосредственной угрозе жизни Виктора Трубникова, когда он временно помещал его в изолятор. Оно утверждало, что никого из медицинского персонала не было в колонии в то время, поскольку правила не предусматривали их присутствие в выходные дни. Однако, как общая мера предотвращения самоубийства, у Виктора Трубникова забрали шнурки от ботинок и ремень от брюк, прежде чем поместить в изолятор. Камера также находилась под наблюдением; однако, несмотря на то, что Виктор Трубников был в камере в течение короткого периода (около часа), это не было эффективным.

2. Оценка Суда

Общие принципы

67. Суд повторяет, что статья 2 Конвенции, гарантирующая право на жизнь и предусматривающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, содержит одно из основопола-

гающих положений Конвенции, на которое в мирное время не распространяется отступление, предусмотренное статьей 15 Конвенции. Вместе со статьей 3 Конвенции она олицетворяет также одну из основных ценностей всех демократических обществ, которые составляют Совет Европы. Обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны быть, следовательно, четко сформулированы. Цель и смысл Конвенции как инструмента защиты каждого отдельного человека требуют и того, чтобы статья 2 Конвенции интерпретировалась и применялась бы так, что оговоренные в ней гарантии носили бы практический и эффективный характер (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324, p. 45–46, § 146–47).

68. Первое предложение пункта 1 статьи 2 обязывает государство не только удерживаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но также принять соответствующие меры по защите жизни тех лиц, которые подпадают под его юрисдикцию (см. *L.C.B. v. the United Kingdom*, решение от 9 июня 1998 г., Reports 1998-III, p. 1403, § 36). Суд еще раз подчеркивает, что лица, содержащиеся в заключении, находятся в уязвимом положении и на власти возложено обязательство защищать их права. На государство налагается ответственность за любые повреждения, полученные в период нахождения в местах лишения свободы, ответственность становится особенно актуальной, если лицо погибает (см., например, *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, ECHR 2000-VII, § 99).

69. Учитывая трудности, с которыми сталкивается любое современное общество, непредсказуемость поведения человека и выбор в связи с этим направлений оперативной деятельности, которые должны определяться с учетом приоритетов и возможностей, сферу действия прямого обязательства нужно понимать таким образом, чтобы она не представляла собой непосильное или несоразмерное бремя для властей. Следовательно, не всякая предполагаемая угроза жизни должна означать для властей требование Конвенции о принятии оперативных мер, чтобы помешать такой угрозе материализоваться. Чтобы встал вопрос о непосредственной обязанности, должно быть установлено, что власти знали или должны были знать в надлежащий момент о существовании реальной и непосредственной угрозы жизни какого-то конкретного человека в результате преступных действий третьей стороны и не смогли принять меры в рамках своих полномочий, которых, если судить здраво, можно было ожидать в целях

избежания опасности (см. *Keenan v. the United Kingdom*, постановление от 3 апреля 2001 г.).

70. Суд признал, что тюремные власти должны выполнять свои обязанности так, чтобы их действия были совместимы с соблюдением прав и свобод конкретного человека. Существуют меры предосторожности общего характера, которые могут быть задействованы в целях ограничения возможностей совершения членовредительства без нарушения личной свободы и независимости. Вопрос о необходимости принятия более строгих мер в отношении заключенного или обоснованности их применения будет зависеть от обстоятельств конкретного случая (см. *Keenan v. the United Kingdom*, постановление от 3 апреля 2001 г., по. 27229/95, § 89, 92, ECHR 2001-III).

Применение в данном деле

71. В свете вышеуказанного, Суд исследовал вопрос, знала ли администрация или должна была ли знать, что Виктор Трубников представлял реальный и непосредственный риск самоубийства, и если так, то сделала ли она все возможное, чтобы предотвратить этот риск.

72. Суд отмечает, что Виктор Трубников отбывал срок в колонии общего режима, в то время как он считался лицом с определенными психологическими проблемами. В первые годы отбывания срока он проявил склонность к нанесению себе повреждений в ответ на дисциплинарные наказания, когда его задерживали в состоянии алкогольного опьянения, а в 1995 г., более чем за 3 года до указанных событий, он пытался совершить самоубийство. Эта попытка была определена как скорее «крик о помощи», чем истинная попытка лишить себя жизни. Исходя из этого инцидента, он прошел курс лечения у психиатра и находился под наблюдением, его психическое состояние проверялось каждые шесть месяцев.

73. Суд считает, что состояние Виктора Трубникова не было столь серьезным, чтобы требовалось решение суда о принудительном психиатрическом лечении. Медицинские документы указывали, что у него не было явных психиатрических симптомов, даже после совершения попытки самоубийства в 1995 г. Скорее всего, они демонстрировали беспокойную личность и поведенческие отклонения, что явно не достигало уровня психического заболевания (см. в сравнении *Keenan v. the United Kingdom*, постановление от 3 апреля 2001 г., § 94–95).

74. Соответственно, не было установлено, что поведение Виктора Трубникова ассоциировалось с опасным психическим состоянием.

Более того, никто не высказал мнение — ни психиатр Виктора Трубникова, ни другие лица, наблюдающие за ним, — о вероятности, что Виктор Трубников предпримет серьезную попытку совершить самоубийство или нанести себе повреждения в будущем. Соответственно, нет официального подтверждения, которое привело бы Суд к заключению, что власти знали о непосредственной угрозе жизни Виктора Трубникова.

75. Что касается вопроса, должна ли была администрация знать о риске, Суд отмечает, что за последние 3 года жизни Виктора Трубникова, когда он находился под наблюдением психиатра, у него не проявились какие-либо опасные симптомы, такие как настойчивость в суицидальной тенденции. Наоборот, медицинские документы отражают определенное улучшение в его отношении к предыдущей попытке совершить самоубийство. Психическое и эмоциональное состояние Виктора Трубникова в целом, очевидно, стабилизировалось после первоначального интенсивного лечения, которое он прошел в 1995 г., и оставалось неизменным в течение более чем трех лет. За этот период не было зарегистрировано ни одного существенного изменения, и состояние Виктора Трубникова постоянно описывалось как стабильное. На основании изложенного Суд делает вывод, что было трудно предсказать какое-либо быстрое и радикальное ухудшение, что привело бы к самоубийству Виктора Трубникова.

76. По этим причинам Суд не признает, что при таких обстоятельствах администрация могла прогнозировать решение Виктора Трубникова повеситься. Не усматривает Суд и очевидных упущений со стороны местной власти в обеспечении медицинской помощью или в осуществлении контроля за психическим и эмоциональным состоянием Виктора Трубникова в течение всего периода его заключения.

77. Однако Суд считает, что случай Виктора Трубникова должен стать предупреждением для администрации о том факте, что дисциплинарное наказание в сочетании с алкогольным опьянением представляло риск для его состояния. Тот факт, что у Виктора Трубникова был доступ к алкоголю в тот день, вызывает у Суда озабоченность. Тем не менее Суд не признает, что этой оплошности достаточно, чтобы возлагать полностью на национальные власти ответственность за смерть Виктора Трубникова.

78. Учитывая вышеизложенное, Суд не признает, что при данных обстоятельствах дела российские власти не предотвратили реальный и непосредственный риск самоубийства, иначе их действия бы не со-

ответствовали позитивным обязательствам гарантировать право на жизнь.

79. Соответственно, в этом отношении статья 2 не была нарушена.

В. Процедурное обязательство провести эффективное расследование

1. Доводы сторон

Заявитель

80. Заявитель утверждал, что расследование по факту смерти его сына в колонии было неэффективным, как требует практика Суда в соответствии со статьей 2 Конвенции.

81. Во-первых, он утверждал, что оно не было проведено незамедлительно. Заявитель отметил, что Виктор Трубников умер 13 сентября 1998 г., а уголовное расследование было возбуждено только 2 февраля 2002 г., после того, как жалоба была передана Судом Правительству. Он утверждал, что трехгодичная задержка рассмотрения дела не соответствует критерию разумной незамедлительности проведения расследования.

82. Во-вторых, заявитель оспаривал доказательства, собранные после того, как началось расследование. Он утверждал, что на всех свидетелей было оказано давление: либо в связи с тем, что это сотрудники (сотрудники колонии и медицинский персонал), либо в связи с зависимостью от администрации колонии (осужденные, продолжающие отбывать срок). Он также оспаривал отчеты психиатра и посмертную судебно-медицинскую экспертизу психологического и психиатрического состояния Виктора Трубникова как противоречивые. Более того, он жаловался, что некоторые доказательства не могли быть больше собраны в связи с длительным периодом, который прошел с момента инцидента.

83. Наконец, заявитель утверждал, что расследование не было публичным. Он заявлял, что первоначальное расследование не было открытым. Это проявилось в том, что семью даже не проинформировали о вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2002 г. таким же образом ни он, ни другие члены семьи не были вовлечены в расследование и не были даже проинформированы о нем.

Правительство

84. Правительство посчитало, что расследование смерти Виктора Трубникова было тщательное и полное. Оно сослалось, во-первых, на внутреннее расследование, проведенное в колонии сразу же после его смерти, а во-вторых, на расследование 2002 г. Оно утверждало, что в целом расследование смерти Виктора Трубникова было эффективным.

2. Оценка Суда

Общие принципы

85. Суд повторяет, что если лица умирают при обстоятельствах, за которые потенциально несет ответственность государство, статья 2 предусматривает обязанность государства обеспечить всеми имеющимися средствами адекватную реакцию — на судебном или несудебном уровне — так, чтобы осуществить надлежащим образом законодательные и административные пределы, установленные с целью гарантии защиты права на жизнь, предотвратить любые нарушения этого права и наказывать за них (см. *Öneryıldız v. Turkey* [GC], no. 48939/99, § 91, ECHR 2004-...; *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 54, ECHR 2002-II).

86. В этом отношении Суд заявил, что если нарушение права на жизнь или на физическую неприкосновенность причинено неумышленно, то позитивное обязательство, вытекающее из статьи 2, по установлению эффективной судебной системы, не требует применения средств, предусмотренных в уголовном праве, в каждом случае и может быть достаточно, если гражданско-правовые, административные и даже дисциплинарные средства доступны жертвам (см., например, *Vo v. France* [GC], no. 53924/00, § 90, ECHR 2004-VII; *Calvelli and Ciglio v. Italy* [GC], no. 32967/96, § 51, ECHR 2002-I; *Mastromatteo v. Italy* [GC], no. 37703/97, § 90, 94, 95, ECHR 2002-VIII). Однако минимальный уровень требования для такой системы заключается в том, что лица, ответственные за расследование, должны быть независимы от лиц, причастных к событиям. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но также и практическую независимость (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, постановление от 4 марта 2002 г., § 70 и *Mastromatteo v. Italy*, постановление от 24 октября 2002 г., § 91).

87. Далее Суд напоминает, что в делах по самоубийству интер-

претация статьи 2 как влекущей обязательство провести официальное расследование обоснована не только потому, что любые жалобы на совершение такого правонарушения обычно могут привести к уголовной ответственности, но также и потому, что часто на практике реальные обстоятельства смерти доступны или могут быть доступны только государственным органам или должностным лицам.

88. Соответственно, если речь идет о позитивном обязательстве гарантировать жизнь лиц, находящихся в местах лишения свободы, система, требуемая статьей 2, должна обеспечивать независимое и беспристрастное официальное расследование, которое бы удовлетворяло определенным минимальным стандартам эффективности. Таким образом, компетентные органы власти должны проводить расследование, соблюдая требования незамедлительности и должного порядка расследования, инициировать по собственной инициативе расследования, которые могли бы, во-первых, установить обстоятельства, при которых инцидент произошел, и любые упущения, а во-вторых, определить причастных к делу государственных органов или должностных лиц. Требование общественного контроля также применимо в этом контексте (см., например, *Güleç v. Turkey*, постановление от 27 июля 1998 г., Reports 1998-IV, p. 1733, § 81–82; *Opur v. Turkey*[GC], no. 21954/93, § 88, 91–92, ECHR 1999-III; *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, постановление от 4 мая 2001 г., no. 24746/94, § 120; *Kelly and Others v. the United Kingdom*, § 114, постановление от 4 мая 2001 г. no. 30054/96; *McCann and Others v. United Kingdom*, § 161; *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, § 106–107, ECHR 2000-III; *Ilhan v. Turkey*[GC], no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII; *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 148, ECHR 2001-III).

Применение в данном деле

89. Суд признал, что процедурные обязательства включают обязательство проводить расследование обстоятельств смерти Виктора Трубникова. Он находился в колонии и под ответственностью властей, когда умер в результате якобы самоубийства. Необходимо было провести расследование, чтобы, во-первых, установить причину смерти и исключить несчастный случай или непредумышленное убийство, а во-вторых, если установлено, что было совершено самоубийство, проверить, несут ли власти ответственность за неспособность предотвратить его. Расследование должно отвечать требованиям, указанным выше (см. § 88).

90. Суд отмечает, что первоначальное расследование смерти было проведено своевременно, в течение семи дней после инцидента. Однако оно не отвечало минимальному требованию независимости, поскольку орган расследования — начальник колонии — представлял власть, причастную к событию. Как и ожидалось, расследование было сведено к установлению факта смерти в результате повешения; вопросу о возможной ответственности администрации тюрьмы не уделялось внимание. Более того, это расследование в очень малой степени удовлетворяло требованию общественного контроля. Нет никаких сомнений, что семью не проинформировали об официальном отказе в возбуждении уголовного дела. Наконец, национальный суд вынес решение о том, что расследование проведено недостаточно, и признал незаконным решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Учитывая вышеуказанное, Суд не может признать, что первоначальное расследование представляло собой эффективное расследование в значении, предусмотренном практикой Суда.

91. Суд исследует расследование, проведенное в 2002 г., с учетом тех же требований.

92. Прежде всего, Суд отмечает, что расследование началось после того, как данная жалоба была направлена Судом государству-ответчику, то есть более чем три года спустя после инцидента. Суд повторяет, что в делах, связанных со смертью, в спорных ситуациях решающим аспектом является проведение незамедлительного расследования. Прошедшее время неизбежно негативно влияет на количество и качество доступных доказательств, несоблюдение должного порядка расследования вызывает сомнение в добросовестности попыток расследования, увеличивает период времени, в течение которого члены семьи испытывают страдания (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, § 86). Такая существенная задержка, необъяснимая в данном деле, не только демонстрирует неспособность власти действовать по собственной инициативе, но также представляет собой нарушение требования незамедлительности и должного порядка расследования.

93. Суд отмечает, что, кроме того, в течение всего расследования заявитель и остальные члены семьи были полностью исключены из процесса. В нарушение обычной практики их не допустили к расследованию. Условия их допуска к материалам дела не были определены. Их не проинформировали и не проконсультировали о предполагаемых доказательствах или свидетелях, включая назначение экспер-

тов для проведения посмертной психологической и психиатрической экспертизы, чтобы они не могли принять участие в инструктировании экспертов. Заявитель не получил информации о ходе расследования, и когда оно было прекращено 10 октября 1992 г., ему сообщили об этом только 5 месяцев спустя. Соответственно, расследование не гарантировало публичной ответственности, чтобы обеспечить его ход и результаты элементом общественного контроля; не гарантировало оно и соблюдение интересов близкого родственника.

94. Суд отмечает, что власти предприняли ряд важных шагов, чтобы установить реальные обстоятельства смерти Виктора Трубникова, такие как опрос основных свидетелей и назначение экспертов для проведения посмертной психологической и психиатрической экспертизы. Однако, устанавливая, что при расследовании не были соблюдены такие требования, как незамедлительность, должный порядок, инициатива со стороны власти и общественный контроль, Суд посчитал, что нет необходимости рассматривать масштаб расследования, и пришел к выводу, что расследование не соответствовало минимальным стандартам эффективности.

95. Суд сделал вывод, что имело место нарушение обязательства по проведению эффективного расследования смерти Виктора Трубникова, предусмотренного пунктом 1 статьи 2 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

96. Статья 41 Конвенции устанавливает:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

А. Моральный вред

97. Заявитель потребовал возмещения морального ущерба в размере 8 000 евро за страдания, которые он испытывал в связи со смертью его сына и непроведением эффективного расследования.

98. Правительство посчитало сумму завышенной и необоснованной. Оно утверждало, что если Суд вынесет решение в пользу заявителя, то само признание нарушения составляет достаточно справедливую компенсацию в этом деле.

99. Суд отмечает, что было признано: власти не защитили жизнь Виктора Трубникова или не провели тщательное и публичное расследование, соответствующее требованиям статьи 2 Конвенции. Заявитель испытывал страдания в связи со смертью сына и неспособностью добиться проведения эффективного расследования в связи с этим. При этих обстоятельствах Суд признал, что требование заявителя обоснованное, и, соответственно, присудил ему 8 000 евро в счет компенсации морального вреда.

В. Судебные издержки и расходы

100. Заявитель потребовал выплаты 3 000 евро за вычетом суммы, выплаченной в качестве правовой помощи, в счет возмещения судебных издержек и расходов, понесенных им самим и его юристами при ведении дела в национальных судах и Европейском суде по правам человека. Он заявил, что выплатил 30 000 рублей (около 1 000 евро) за представительство его дела в национальных судах, но остальная часть работы была сделана для него бесплатно, и ему хотелось выплатить юристам вознаграждение за помощь и представительство в национальных судах и Европейском суде.

101. Правительство оспаривало заявленную сумму как необоснованную. Оно считало, что в требовании должно быть полностью отказано.

102. Суд отмечает, что заявителю была присуждена правовая помощь в размере 685 евро за подготовку письменных пояснений от заявителя по приемлемости и существу жалобы. Подготовка дополнительных пояснений в эту сумму не была включена.

103. Суд считает, что только обоснованные судебные издержки и расходы могут быть возмещены в соответствии со статьей 41 Конвенции. Он отмечает, что дело содержит сложные вопросы по фактам и праву, что требует квалифицированной правовой помощи для подачи жалобы в Суд, ведения дела в национальных судах, в связи с чем было подготовлено два письменных пояснения Суду.

104. На основании вышеизложенного Суд признал жалобу обоснованной и присудил 3 000 евро в счет судебных издержек и расходов, за вычетом 685 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, вместе с налогом.

С. Выплата процентов

105. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, ус-

тановленная законом процентная ставка в день принятия настоящего решения составляла 3 % в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что не было нарушения статьи 2 Конвенции в части соблюдения позитивного обязательства государства защищать право на жизнь.

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части непроведения эффективного расследования.

3. Постановил, что Правительство нарушило свое обязательство, предусмотренное пунктом «а» части 1 статьи 38 Конвенции.

4. Постановил:

государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю следующие суммы, конвертированные в национальную валюту государства-ответчика по курсу валюты на день оплаты вместе с суммой налога на добавленную стоимость:

1) 8 000 (восемь тысяч) евро в порядке возмещения морального вреда;

2) 2 315 (две тысячи триста пятнадцать) евро в счет возмещения судебных издержек и расходов;

3) любой процент должен быть выплачен начиная со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты.

5. Отклонил оставшуюся часть жалобы заявителя о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 5 июля 2005 г.

S. Dolle
Секретарь

J.-P. Costa
Президент

Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека

Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека был основан в 2000 г. в результате совместного проекта Общественного объединения «Сутяжник» (Екатеринбург) и Международного центра юридической защиты прав человека «Интерайтс» (Лондон) «Обучение юристов применению Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод».

С этого времени Центр осуществляет обучение практикующих юристов применению Европейской конвенции о защите прав человека (в рамках собственных проектов и по приглашению других организаций); подготовку обращений в Европейский суд по правам человека; консультирование граждан и организаций по вопросам применения международных норм по правам человека и обращения в международные органы защиты прав человека; ведение дел по оспариванию нормативных актов, нарушающих права и свободы человека и гражданина, в судах общей юрисдикции, Уставном суде Свердловской области, Верховном суде РФ, Конституционном суде РФ; обучение практикующих юристов тактике защиты прав граждан и организацией через судебное оспаривание нормативных актов; подготовку методических пособий по вопросам применения конституционных и международных норм.

Ведущие специалисты Центра за время его функционирования успешно совмещают практическую работу с научными исследованиями: Анна Валентиновна Деменева получила степень магистра международного права, применив полученные знания на практике в деле *Rakevich v. Russia*, в настоящее время работает над кандидатской диссертацией по вопросам юридических последствий решений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации; Людмила Михайловна Чуркина завершает подготовку кандидатской диссертации в Уральской государственной юридической академии, являясь представителем по делу *Sutyajnik v. Russia*; Антон Леонидович Бурков получил степень магистра международного права, с отличием защитив диссертацию в Эссекском университете Великобритании по проблеме влияния Европейской конвенции на российское право, создав по материалам диссертации обучающий ресурс в Интернете «Изучаем Европейскую конвенцию» (<http://sutyajnik.ru/rus/echr/school>).

Если у вас возник вопрос о возможности обращения в Европейский суд по правам человека, о применении Конвенции в российских судах, вы можете найти ответ на сайте Центра <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school>, задать свой вопрос юристам Центра по электронной почте (demeneva@sutyajnik.ru; luda@sutyajnik.ru; burkov@sutyajnik.ru) или по телефонам (343) 350-60-22, 355-36-51.

Общественное объединение «Сутяжник»

Основано в 1994 г. в Екатеринбурге является ресурсным центром для многих общественных объединений Урала. Бесплатно защищает права и интересы граждан и объединений. Миссия Сутяжника — содействовать реализации прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и международно-правовыми актами, путем ведения общественно значимых дел, обучения правам человека и информирования о механизмах их защиты.

Направления деятельности организации:

- консультирование граждан по телефону, в общественных приемах, предоставление письменных консультаций в Интернете;
- представительство интересов граждан и организаций в суде и иных государственных органах по делам общественной значимости (стратегическое ведение дел);
- проведение обучающих семинаров, тренингов, конференций, круглых столов по актуальным правовым вопросам;
- клиническое юридическое образование;
- оспаривание в суде нормативных актов, нарушающих права и свободы человека и гражданина (обращения в суды общей юрисдикции, Верховный суд РФ, Конституционный суд РФ);
- подготовка обращений в Европейский суд по правам человека и консультирование граждан по вопросам применения международных норм на национальном уровне.

Контактная информация:

Президент ОО «СУТЯЖНИК» **Сергей Иванович Беляев**
620072, Россия, Екатеринбург, Сиреневый бульвар, 1-313
Тел./факс +7 (343) 355-36-51
Сайт: <http://www.sutyajnik.ru>
E-mail: beliaev@sutyajnik.ru

Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика

СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»
ВЫПУСК 4

Редактор *С. Г. Галинова*
Верстка *Л. А. Хухаревой*
Ответственная за выпуск *Т. Г. Мусина*

Подписано в печать 16.09.2005. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,5. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж экз. Заказ

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.